

-
- Подвиг богопознания

- Часть первая. Божие призвание

- Письмо 1. Исход из католичества
- Письмо 2. Преддверие Православия
- Письмо 3. Сомнения

- Часть вторая. Принятие Православия

- Письмо 4. Новоначалие
- Письмо 5. Крестный путь Православия
- Письмо 6. Об основах духовной жизни
- Письмо 7. О науке послушания
- Письмо 8. Об умном делании
- Письмо 9. Монашество и скорби матери
- Письмо 10. Накануне пострига
- Письмо 11. О старце Силуане
- Письмо 12. Покаяние — основа духовного делания
- Письмо 13. О духовном преуспейании
- Письмо 14. Любовь как цель подвига

- Часть третья. Испытания

- Письмо 15. Скорби — знамение богоизбрания
- Письмо 16. О родных
- Письмо 17. Постриг
- Письмо 18. Пережитое искушение
- Письмо 19. Христианская жизнь есть подвиг
- Письмо 20. Решение старца Силуана
- Письмо 21. Подвиг любви Христовой
- Письмо 22. О жизни, смерти и вечности

- Часть четвертая. Разрыв

- Письмо 23. «Пусть живет по-своему»
- Письмо 24. О воле Божией, ведущей на Голгофу
- Письмо 25. Об истинном монашестве
- О мытарствах и чистилище

- Часть пятая. Вне Церкви

- Письмо 26. О мире всего мира
- Письмо 27. О свободе души и церковных узах
- Письмо 28. О православном догматическом сознании
- Письмо 29. Крест Христа
 - Эпилог
- Письмо 30. Бог есть Любовь.

- Приложение I. Из писем отца Софрония

- Письмо 1. О послушании при отсутствии старца
- Письмо 2. О благодати и душевном-духовном
 - О «душевном» и «духовном»
- Письмо 3. О Божественной благодати и свободе человека²³⁷
- Письмо 4. О покаянии²⁴²
- Письмо 5. О том, как должно подвизаться умом²⁵²
- Письмо 6. О значении чуда

- [Письмо 7. О Боговоплощении](#)
- [Приложение II. Из писем Д. Бальфура](#)
 - [Письмо 1. «Старец — не оракул»](#)
 - [Письмо 2. Сам по себе](#)
 - [Письмо 3. Об Иоанне Креста](#)
 - [Из писаний Иоанна Креста](#)
 - [Мрачное созерцание](#)
 - [Мрак](#)
 - [Страдание](#)
 - [Письмо 4. Дерзайте!](#)
 - [Письмо 5. Годы безбожия](#)
 - [Письмо 6. Пробуждение](#)
 - [Письмо 7. Новоначальный](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)

- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)

- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)

- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)

- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)

Введение

Письма с Афона (к Д. Бальфуру)

Книга представляет собой сборник писем архимандрита Софрония Сахарова (1896–1993) — выдающегося духовного писателя-подвижника нашего времени. Письма адресованы Д. Бальфуру — англичанину, принявшему Православие. В них затрагиваются темы богопознания и православной аскетики. Автор откровенно делится опытом своей духовной жизни, что делает книгу увлекательной и духовно убедительной.

Содержание

[Сокращения](#)

[О рукописях, использованных в настоящем издании](#)

[Предисловие](#)

[Д. Бальфур](#)

[Божие призвание](#)

[Принятие Православия](#)

[Испытания](#)

[Разрыв](#)

[Вне Церкви](#)

[Эпилог](#)

[О богословии, рожденном в покаянии](#)

[Мистагогия к созерцанию](#)

[О тайне человеческих страданий](#)

[О величии человека и его призвании](#)

[О догматическом сознании](#)

Сокращения

G¹ — собрание писем отца Софрония к Д. Бальфуру, написанных в период его жизни на Афоне с 1932 по 1947 г. Подлинники писем хранятся в архиве Геннадиевской библиотеки в

Афинах.

M^{SB} — собрание черновых набросков писем отца Софрония к Д. Бальфуру из коллекции

G¹. Подлинники черновики находятся в архиве Св.-Иоанно-Предтеченского монастыря (Эссекс, Англия).

G² — собрание писем отца Софрония к Д. Бальфуру, написанных в Западной Европе начиная с 1947 г. Подлинники хранятся в Геннадиевской библиотеке.

M^{BS} — собрание писем Д. Бальфура к отцу Софронию, хранящихся в архиве Св.-Иоанно-Предтеченского монастыря.

О рукописях, использованных в настоящем издании

Основной текст представляет собой отредактированный вариант писем отца Софрония из собрания **G¹**, написанных в 1932–1947 гг. В сносках и в приложении даются ссылки на черновой вариант этих писем (**M^{SB}**). Текст писем Д. Бальфура к отцу Софронию (**M^{BS}**) также частично приводится в сносках и приложении.

В качестве эпилога и приложения приводятся некоторые письма из второй части Геннадиевской коллекции (**G²**), которые были написаны после 1947 г.

Для удобства прочтения писем составитель разбил текст переписки на тематические главы, намеченные уже в предисловии, а также дал заглавие каждому отдельному письму.

Предисловие

Архимандрит Софроний Сахаров (1896–1993) известен в православном мире как автор книг «Старец Силуан» (Париж, 1952), «Видеть Бога как Он есть» (Эссекс, 1985), «О молитве» (Париж, 1991), «Рождение в Царство Непоколебимое» (Москва, 2000) и др. Некоторые из его книг, такие как «Старец Силуан», по своей популярности, стали православной классикой XX века. Для всех, кто соприкоснулся, пусть даже отчасти, с духовным наследием отца Софрония, всякое слово о нем может показаться излишним. Его писания — красноречивое свидетельство о духовном богатстве сего замечательного подвижника благочестия нашей эпохи.

Жизненный путь отца Софрония охватывает почти все прошлое столетие. Основные вехи его духовного развития так или иначе переплетались с судьбой человечества в XX веке. При этом его слово оставалось незаменимой духовной поддержкой для разных поколений — они находили в нем ответы на многие вопросы, порожденные противоречиями, конфликтами и трагедиями современной жизни.

Публикуемые письма к Д. Бальфуру — первое из духовных писаний отца Софрония. Предшествующие переписке годы его жизни были ознаменованы напряженным поиском Бога — Божественного Абсолюта. Его не покидала мысль о том, как человек может перейти грань этой временной жизни, ибо, по его словам, «дух человека не принимает идеи смерти»¹. Сам отец Софроний так описывал свое состояние в тот период: «Все мое бытие было заключено в искании выхода из узких рамок времени и пространства»² к познанию Вечного и Абсолютного. Уже будучи в Париже, отец Софроний поступил в Свято-Сергиевский богословский институт, чтобы глубже постичь христианское мировоззрение. Однако учеба в институте у выдающихся представителей русского богословия того времени не смогла удовлетворить его жажды богопознания. Тогда в 1925 году он уехал на Афон, где был принят в братию Свято-

Пантелеимоновского монастыря. Напряженный внутренний поиск предшествующих лет подготовил почву к восприятию величайшего духовного явления нашей эпохи — старца Силуана (1866–1938). Отец Софроний как никто иной смог понять и оценить по достоинству богооткровение, которого сподобился старец Силуан: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся»³. Как пишет отец Софроний, это было воистину событием историческим, определяющим всю нашу эпоху: это было «началом победы, исходом к вселенской любви»⁴. Несмотря на то что старец Силуан был человеком малограмотным, он сумел разрешить глубочайшие жизненные вопросы, на которые не смогла дать ответ даже богословская элита Парижа. Ныне старец Силуан — прославленный святой Православной Церкви, широко известный и почитаемый во всем мире. Он был причислен к лику святых в 1987 году.

Из-за свойственной ему скромности отец Софроний при жизни не хотел, чтобы эти письма стали достоянием посторонних читателей. В них так много откровенного, глубоко личного. Позднее он признался Бальфуру: «Я, по неопытности моей, писал тебе о самом себе, о том, что я сам мыслил и переживал, о том, как сам я боролся с той или иной страстью... Именно эта неопытность или, иначе говоря, только начало опыта и характеризует весь этот период моей с тобою связи в молитве. Теперь я многого не сделал бы из того, что позволил себе тогда. Но прошлого не вычеркнешь из жизни, как «факта». Его можно покрыть покаянием, сделать бессильным для вечности, но, как факт исторический, оно останется именно таковым фактом. Я, конечно, не первый, которому выпадает на долю переживать стыд за свое прошлое, за сказанное неуместное слово или написанное. Да и в том уже находишь себе некоторое удовлетворение, что хотя бы в последующие годы мне было дано усмотреть ранее сделанные ошибки»⁵.

В Евангелии сказано: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» ([Мф.5:14](#)), посему было бы неуместным сокрыть духовное богатство, заключенное в этих письмах, «закопать в землю талант» сей премудрости духовной (см. [Мф.25:18](#)) или, «зажегши свечу, поставить ее под сосудом» ([Мф.5:15](#)), предав забвению слово, Святым Духом движимое. Но да исполнится заветное Господом: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного» ([Мф.5:16](#)). Именно в силу глубоко личного характера и «неопытной» откровенности письма правдиво отражают внутреннее горение духа молодого подвижника, отца Софрония, приоткрывают тайны его сердца, исполненного огнем любви Христовой. Читая их, каждый может почерпнуть нечто на пользу душе, для укрепления веры и духовного утешения. При этом публикуемые письма едва ли можно рассматривать в качестве общего руководства к духовной жизни, поскольку сам отец Софроний отмечает: «Писанные к определенному лицу в определенных условиях... они во всех отношениях являлись предназначенными для некоторого переходного времени»⁶. Соответственно, содержание писем определялось текущими духовными нуждами их адресата — Давида Бальфура.

Д. Бальфур

Вся жизнь Давида Бальфура была неутомимым поиском истины жизни. Его ищущий пытливый ум никогда не позволял ему успокоиться на достигнутой цели. Движущей силой в его жизни была, по его выражению, «жажда подлинного бытия»⁷.

Давид Бальфур родился 20 января 1903 года в интеллигентной английской семье⁸. Вскоре после рождения сына его родители приняли католичество — это во многом определило

религиозное становление молодого Давида. Во время обучения в католической школе он ощутил в себе призвание к священству и монашеству. После обучения в Риме в 1922 году он стал послушником в бенедиктинском католическом монастыре Фарнбург, недалеко от Лондона. С ранних лет своего духовного развития он проявил интерес к православному монашеству и в 1926 году переехал в бельгийский монастырь Шевтонь, в котором службы совершаются как по западному, так и по восточному обрядам. Там он дал монашеские обеты и позднее сподобился священнического сана.

Божие призвание

В 1932 году произошло событие, которое перевернуло всю жизнь Д. Бальфура. Он посетил Святую Гору Афон с целью исследования некоторых рукописей. Там произошла его судьбоносная встреча со старцем Силуаном и отцом Софронием. Когда Бальфур прибыл в Свято-Пантелеимоновский монастырь, первым на берегу, при выходе из лодки, его встретил отец Силуан и проводил его в обитель. Дорогою, как впоследствии рассказывал старец Силуан, все время он имел желание сказать Бальфуру: «Молитесь, и Господь Вас просветит!» Однако он не решился тогда сказать этих слов, желание же не оставляло его и даже усиливалось. Тогда он, разумея волю Божию, решил даже пригласить Бальфура в келью и сказал ему: «Бог мне внушил Вам сказать — молитесь, и Господь Вас просветит!» Для Бальфура, который долго мучился сомнениями и нерешительностью, разрешить которые он хотел своим умом, то есть обычным, особенно для современного человека, путем всестороннего логического рассмотрения, — эти простые и, в сущности, самые обыкновенные в нашей жизни слова были едва ли не откровением. Они указывали ему путь к разрешению тяжких сомнений — путь решительный, хотя, быть может, и сверхъестественный. Еще один схимонах Пантелеимоновского монастыря, живший «на пустынке» в одной версте от обители, уже после отъезда Бальфура с Афона рассказывал, что он во все время пребывания Бальфура на Святой Горе и в Пантелеимоновском монастыре имел весьма сильное желание сказать ему: «Принимайте Православие, оставьте католичество!» Отец Софроний впоследствии его спросил:

— Почему же у Вас было такое странное желание? Столько посетителей бывает у нас в монастыре — и католиков и протестантов и других. Притом же не принято у нас, монахов, входить в общение с гостями и вообще посторонними, тем более иноверными.

Пустынник ответил:

— Я видел Бальфура в Церкви и полюбил его, и стало мне жалко его, что он неправославный, и молился я за него, — и вот так пришло мне желание сказать Бальфуру, чтобы он принимал Православие.

Было и у других монахов подобное желание, и многие за него молились. Сам отец Софроний не переставая молился за Бальфура в течение нескольких месяцев день и ночь. Молитвенного поминания Бальфура он не оставлял даже тогда, когда читал каноны и правила или выполнял послушания в Церкви. Он нес нелегкий подвиг молитвенного предстательства за Давида и весьма много страдал за него душою, но вскоре Господь порадовал его великою радостью.

Иеросхимонах Пинуфрий, уже по отъезде Бальфура, спрашивал отца Софрония о нем. Отец Софроний ничего не рассказал тогда о Бальфуре: просил только молиться за него, так как Бальфур, уезжая, просил всех монахов молиться о нем. Отец Пинуфрий сначала сказал с некоторой безнадёжностью:

— Что же мы будем молиться за католиков; они нам чужды; дай Бог всем спастись...

Однако стал молиться. И что же... через несколько дней, встретив отца Софрония, рассказывал:

— Бальфур — необыкновенный человек... представьте, по Вашей просьбе ночью, на каноне, стал я за него молиться, и вдруг молитва за него пошла у меня какая-то особенная и так овладела сердцем моим, что все эти дни и дома, и в Церкви только за него и молюсь.

Отец Софроний промолчал: он благодарил Бога и удивлялся промыслу Божию. Рассказал он все это старцу Силуану; старец же много раз повторил: «Бальфур обращен в Православие чудом».

Позднее отец Софроний, вспоминая о тех днях, писал: «Еще далеко не все мне известно относительно Давида Бальфура... но довольно уже, чтобы увидеть, как дивно благодать Божия действует одновременно в сердцах многих людей... быть может, для того, чтобы то, что не сделает один, сделал другой; быть может, для того, чтобы возможно большее число людей привлечь к участию в Божественном деле Христовом — искупления и спасения мира; быть может, для того, чтобы всех нас связать крепко любовью... быть может, потому, что Любовь Божия не без правды... я же думаю, что все сие перечисленное далеко не исчерпывает бесконечной премудрости Божиего промысла о нас»⁹.

Принятие Православия

Столь сильным и глубоким было у Бальфура переживание промысла Божия, что для него стало очевидным — он должен принять Православие. Именно с этого момента завязалась братская переписка между Бальфуром и отцом Софронием. Руководимый духовной поддержкой отца Софрония и отеческими наставлениями старца Силуана, Бальфур перешел в Православие 12 сентября 1932 года с признанием священнического сана. Это произошло в Литве. В каноническое общение с Церковью принял его митрополит Елевферий, Экзарх Московской Патриархии в Западной Европе. Местом нового служения отца Давида стало Трехсвятительское подворье в Париже (rue Pétel).

Там же он дал монашеские обеты, но уже как православный священник. Постриг его архиепископ Вениамин. При этом владыка дал ему новое монашеское имя — Димитрий — и поручил духовному руководству старца Силуана.

Испытания

Вскоре после пострига у Бальфура начались искушения, подвергшие испытанию его верность монашеским обетам и его православную веру вообще. С назначением архиепископа Вениамина Экзархом Америки на отца Димитрия было возложено новое послушание — сопровождать своего архиерея в качестве секретаря и переводчика в США.

Вскоре он стал свидетелем юрисдикционного спора между двумя иерархами — митрополитом Вениамином (Московская Патриархия) и митрополитом Платоном (Зарубежная Церковь). Этот соблазн стал серьезным испытанием его еще неокрепшей веры. По возвращении в Европу Бальфур провел шесть месяцев в Лондоне в надежде создать приход, — надежде, которой не суждено было осуществиться.

Осенью 1935 года, имея целью найти для себя духовное пристанище, отец Димитрий во второй раз приехал на Афон и провел там шесть месяцев в строгом отшельничестве. Но вновь — крушение надежд: святогорцы не признавали ни его «католического» крещения, ни тем более

его священнический сан. После всего пережитого на Святой Горе гражданские власти вынудили отца Димитрия покинуть Афон.

Разрыв

О том, что происходило в душе отца Димитрия, — нетрудно догадаться. Разочарование, усталость из-за непрекращающихся духовных скитаний, изгнания и странничества заставили его искать более «стабильного» места служения. Ради этого он пошел на духовный разрыв со своим старцем — отцом Силуаном — и пренебрег его советом вернуться в Париж и затем ехать в Англию, чтобы проповедовать там Православие. В письме к отцу Софронию он написал: «Молитесь за меня, не осуждайте меня и имейте в виду, что буду всегда стараться исполнить заповедь — поехать и проповедовать в Англии. Но о способах подготовки, временах и средствах осуществления я твердо решил судить САМ, по совету с начальством и с такими духовниками, которых Бог мне пошлет на месте... Советоваться буду и приму к руководству общую линию, но больше не могу. Нельзя пользоваться старцем, как оракулом»¹⁰. На это старец Силуан ответил: «Что же он наши молитвы сравнивает с оракулом? Дешево же он нас оценил. Пусть он живет по-своему, как хочет. Опыт его научит. Он потерял веру, а без веры пользы не будет»¹¹. Позднее Бальфур говорил: «Если бы я поступил по совету старца, моя последующая жизнь потекла бы иначе»¹². О своем преслушании старцу Силуану Бальфур сожалел до последних дней своей жизни.

Взяв судьбу «в свои руки», он решил остаться в Афинах. Поначалу все складывалось как будто бы удачно: он был зачислен в братию монастыря Пендели близ Афин, поставлен духовником, окончил Афинский университет с отличием, возведен в сан архимандрита, назначен настоятелем в церковь при афинской королевской больнице — «Евангелизмос». Обладая незаурядными музыкальными способностями, он сумел организовать там профессиональный церковный хор. Во время своих визитов в «Евангелизмос» члены королевской семьи нередко посещали богослужения в больничной церкви, привлекаемые стройным пением руководимого Бальфуром хора. Таким путем отец Димитрий стал приближенным греческого королевского двора и, как говорили тогда, принимал исповедь у некоторых членов королевской семьи.

Однако афинское служение отца Димитрия оборвалось так же внезапно, как и другие его начинания. В этот раз событием, неожиданно потрясшим его жизнь, была немецкая оккупация 1941 года. Всего лишь за несколько дней до прихода немцев в Афины, утром 18 апреля он сумел получить отпустительную грамоту от местного архиепископа и вечером уже был на пароходе с другими беженцами, плывущими в Египет.

То, что произошло позднее, трудно понять однозначно: этот момент остался наиболее загадочным в жизни Бальфура. По приезде в Каир он стал искать для себя новое место служения в Православной Церкви, будучи уже известным архимандритом и духовником, но — безуспешно. Внутреннее истощание его веры на этот раз достигло своего предела. Сам Бальфур свидетельствовал: «Я потерял веру в то, что Православная Церковь является “единственной обладательницей Истины во всей ее полноте”»¹³. Позднее отец Софроний писал, имея в виду, помимо прочих случаев, вероятно, и историю с Бальфуром: «Из моих встреч я имел немало случаев убедиться, что всякое снижение христианства влечет за собою или личные, или общественные катастрофы. Только этим снижением и можно объяснить бегство из церковной ограды многих лиц, искренно ищущих универсальной «кафолической» Правды и универсальной «кафолической» Истины. Говорю не о развращенных, а о тех, кто глубоко ищет разрешения

великих проблем нашего бытия, кто стремится к интегральному и даже абсолютному познанию, естественному для человека»¹⁴.

После пяти месяцев «бездействия» в Каире он сбрил бороду, снял с себя рясу и порвал все связи с Православной Церковью. Не имея ни места, ни денег, ни заработка, ни насущного хлеба, ни семьи, ни отечества, ни, самое главное, — ВЕРЫ, Бальфур погрузился в глубокий внутренний кризис, из которого он стал искать исхода любой ценой. Позднее он охарактеризовал этот период как «годы совершенного безбожества»¹⁵. В Каире ему случилось жить в комнате, из окон которой было видно Британское консульство. Когда он видел своих соотечественников, входивших и выходивших из дверей консульства, у него естественно возникало чувство саможаления. По сравнению с его плачевным прозябанием их жизнь ему казалась стабильной, устроенной, полной уверенности в завтрашнем дне. Под влиянием своего двоюродного брата, который был государственным чиновником в Британском представительстве в Египте, Бальфур стал искать работу в консульстве. Он надеялся, что свободное владение несколькими иностранными языками поможет ему заработать на жизнь.

Будучи принят на работу в разведывательные службы Британской Армии в Каире, он вскоре был возведен в звание майора. Как человеку, в совершенстве владеющему греческим языком, Бальфуру вскоре был предложен важный пост в Британском Министерстве иностранных дел по политическим сношениям с Грецией. Осенью 1944 года он был назначен в Афины в качестве дипломатического лица для работы в Британской Армии.

Вне Церкви

По возвращении в Афины, но уже как дипломат, Бальфур возобновил переписку с отцом Софронием. Причиной пробуждения в нем религиозного интереса стала трагическая смерть его брата, который погиб в Гонконге в застенках японского концентрационного лагеря для военнопленных. Это событие возродило в Бальфуре чувство бренности всего земного и переживание трагедии человеческого бытия, хотя внутренне он был еще слишком далек от отца Софрония, чтобы разгорелся в нем некогда потухший огонь веры. После войны жизнь Бальфура, казалось, потекла по «обычному руслу» мирской жизни: дипломатическая работа, брак, семья. По службе ему пришлось много раз переезжать из одной страны в другую, жить во многих городах: Тель-Авиве, Смирне, Генуе, Женеве и др.

Эпилог

За все это время отец Софроний не прерывал переписки с Бальфуром. В начале 50-х годов отец Софроний, предвидя в недалеком будущем внутреннюю перемену в своем друге, предсказал:

«Ты пишешь: *Так далеко все это от меня теперь... Не знаю, можешь ли ты понять, как далеко отошел я от всех вас? А вместе с тем добавил: А все-таки я вспоминаю с любовью и благодарностью старых друзей, и хочется с ними общаться.* Я нескромно думаю, что забыть нашу любовь во Христе СОВСЕМ — ты все-таки не сможешь. Психологически произошло перемещение центра твоего внутреннего мира. Сила новых впечатлений, сильное влияние всего того, что тебя теперь окружает, — все это с годами потеряет свою остроту, и тогда ты снова увидишь, что мы не так далеки от тебя, что нам есть место в твоем сердце, как есть место для тебя и в нашем сердце. Я уже тебе говорил, и, быть может, излишне повторять, что я не забуду

тебя. Впрочем, я не смею так сказать, ибо я человек. “Я не забуду тебя” — это слова Бога»¹⁶. Это были далеко не праздные слова — отец Софроний остался верным Бальфуру до конца своих дней.

Естественно, сознавая свою ответственность пред Богом за душу Бальфура, отец Софроний никогда не прекращал усиленной молитвы за него. И вот в Женеве произошел последний и уже окончательный поворот во внутренней жизни Бальфура. Это случилось в 1962 году. Как-то ночью он разбудил свою семью и, находясь в необычно взволнованном состоянии, торжественно произнес: «Я вновь верую». Остается тайной, какое Божественное посещение он тогда пережил, но с того момента он усиленно искал воссоединения с Православной Церковью. Более всего жаждал он Причащения Святых и Животворящих Таинств — Тела и Крови Искупителя. Незамедлительно он отправился к отцу Софронию — своему старому и верному во Христе брату, к тому времени уже игумену Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря в английском графстве Эссекс. Их трогательная встреча окончилась глубокой покаянной исповедью Бальфура за все годы своего духовного отчуждения, прожитые вдали от Церкви. После этого Бальфур обратился к митрополиту Николаю, Экзарху Западной Европы, с просьбой принять его обратно в лоно Церкви как мирянина. С того момента Бальфур со всяким тщанием хранил верность Православию до конца своих дней, неизменно причащаясь Святых Христовых Таин. Многие вспоминали, как он, молясь за литургией, проливал горячие слезы покаяния. С этого времени возобновился и его духовный контакт с отцом Софронием. Духовническое руководство на этот раз осуществлялось не через письма, а лицом к лицу во время их частых встреч. Именно поэтому в письмах того периода духовные вопросы почти не затрагиваются.

После продолжительной болезни Бальфур мирно отошел ко Господу 11 октября 1989 года. Так закончился нелегкий жизненный путь этого во многом замечательного человека. Незадолго до смерти Бальфур как-то сказал о своем пройденном духовном поприще: «Я, как неразумный ослик, думал угнаться за двумя могучими конями — старцем Силуаном и отцом Софронием». В последнем письме отец Софроний написал Бальфуру: «Да, мы связаны навсегда всем, что произошло в прошлом за более чем полвека. Бог так много проявлял Свое внимание к судьбам нас обоих, что мы не должны утратить к Нему чувство вечной благодарности»¹⁷.

Подвиг богопознания

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» ([Мф.11:12](#)) — такой путь предначертал Господь всем, кто дерзнул последовать его стопам. Вся жизнь архимандрита Софрония была непрестанным усилием к стяжанию Царства по заповеди Христа. Этот подвиг богопознания нашел свое частичное отражение в письмах к Д. Бальфуру. Они написаны отцом Софронием в годы его жизни на Афоне, когда все его существо было сосредоточено на внутренней борьбе за постижение Божественного Первообраза. Публикуемые в этой книге писания являются ценным и живым свидетельством, указывающим на истоки богословия отца Софрония. Рожденное в недрах афонского предания учение, в них изложенное, во многом предвосхищает его книги «Старец Силуан» и «Видеть Бога как Он есть». По существу письма содержат все основные положения, которые определяют дальнейшее становление отца Софрония как духовного явления нашей эпохи.

Несомненно, событием, во многом определившим его богословский облик, было духовное общение со старцем Силуаном. Переписка с Бальфуrom отчасти проливает свет на первые годы знакомства отца Софрония со старцем Силуаном, начавшегося в 1930 году. Когда отец Софроний готовил к изданию книгу «Старец Силуан» (Париж, 1952), он воспользовался этими письмами как живым памятником, запечатлевшим духовный облик старца Силуана: «Там было многое написано под непосредственным влиянием старца, — пишет отец Софроний, — и поэтому они могли бы восстановить в моей памяти с достаточной точностью некоторые вещи о

нем»¹⁸. Старец Силуан открыл для него новые горизонты в духовной жизни. Отец Софроний позднее писал: «Это было в те дни, когда я не находил достаточных слов, чтобы принести Богу мою благодарность за встречу мою со старцем Силуаном. В то время я был весь под “знаком” (чтобы не сказать неподходящего в данном случае слова — впечатлением) того Света Преображения, в котором Бог показал мне старца. После семи лет глубочайшего “недоумения”... в котором я находился до этой встречи, мне в старце было дано подлинно откровение и утверждение»¹⁹.

О богословии, рожденном в покаянии

В жизни самого отца Софрония это были годы глубокого плача за самого себя. Позднее он вспоминал, как в Свято-Пантелеимоновском монастыре ему иногда выпадало послушание — читать вслух Псалтирь для братии, занимавшейся рукоделием. «Бывало, начну псалом, и чувствую, что не могу продолжать — благодать “душит”: рыдание подкатывалось к горлу и рвалось наружу».

Всем своим существом он был погружен в тот болезненный ад покаяния, чрез который нисходит на человека благодать Святого Духа и возводит его в сферу Божественной Жизни. В состоянии такой благодати человек, перерожденный в горниле покаяния, всем существом своим живет реальность Божественного мира и созерцает ее как очевидность. Этой благодатью исполняется всякое его слово, всякое движение его души и сердца. Все проявления в повседневной жизни, до самых последних мелочей, носят печать чистого созерцания Истины.

Письма являют собой замечательный пример, как такое «состояние» претворяется в «богословие». «Богословие как состояние» не есть философская наука, ни даже содержание молитвы, но оно есть живое вхождение в Божественную вечность. И такое «богословие», как отражение состояния чистого бесстрастия, само становится чистым и *подлинным* в самом глубоком смысле этого слова.

Возведенный до созерцания Истины человек легко способен различить все, что есть «не-истина». В этом смысле отец Софроний стал незаменимым духовным руководителем для томимого сомнениями Бальфура, у которого осталось много неразрешенных вопросов догматического порядка относительно православной веры. Из ответов явствует, насколько глубоко отец Софроний был знаком с традицией святых отцов Церкви — их писания были глубоко созвучны его собственному опыту. Так, он не раз упоминает творения преподобных Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Исаака Сирина и многих других. Благодаря тончайшей духовной интуиции отец Софроний как никто иной сумел найти слово, убедительное даже для такого высокообразованного богослова, каким был Бальфур. Однако сокровенная сила этих писем заключалась не в логической стройности или эрудиции. Нет, Бальфур интуитивно чувствовал, что, несмотря на совершенное знание отцом Софронием святоотеческих творений, его слова исходят не от отвлеченного умствования, а из данного ему свыше опыта и сообщают об истинах, как о фактах познанных и несомненных. Письма, будучи глубоко личной исповедью, запечатлевают действительный опыт и реальное познание, благодаря чему они носят характер положительного свидетельства о фактах духовного бытия.

Мистагогия к созерцанию

Казалось бы, обычные и в то же время чрезвычайно мудрые советы, изложенные в письмах,

наставляют читателя на путь, ведущий к истинному созерцанию. В них проявилась особая духовная трезвость, столь свойственная отцам «Добротолюбия». В простых и немногих словах, обращенных к Д. Бальфуру, выражена с поразительной глубиной вся сущность учения отцов Церкви относительно аскетического делания. Эта таинственная наука неприступна, непостижима даже для величайших умов, и в то же время она так проста и ясна, что доступна даже самым необразованным людям: «Путь ко спасению начинается со страха Божия и совершается в страхе, который может доходить до того, что человек воистину чувствует себя пригвожденным. Надо любить чувство страха Божия и хранить его. Любовь же должна проявляться, по слову Господа, в соблюдении заповедей. И в этом “Бога бойся и заповеди Его храни” ([Еккл.12:13](#)) — вся премудрость, вся мистика-тайна. Жизнь христианская — простая, и мы все в жизни должны быть просты так, что даже как бы и ничего нет. Да и действительно — так все понятно и ясно»²⁰. Для Бальфура, человека с высшим богословским образованием, эти слова были как бы новым дыханием в его духовном развитии. Он, подобно многим, кто читал западных аскетов, приступил к умному деланию в надежде сразу погрузиться в мир мистики и «сверхъестественного» и прийти в состояния, описываемые у этих авторов. Бальфура особенно привлекал мистический опыт Иоанна Креста — одного из самых популярных католических святых-кармелитов XVI века²¹. Противопоставляя католическому Западу Истину Православия, отец Софроний пишет: «Воистину единственное правильное начало и основание духовной жизни — покаяние»²². Узрев в Бальфуре склонность к разного рода «видениям», отец Софроний по-братски предостерегает: «St Jean учит в своей книге об “умном безмолвии” — высочайшем делании духовном, о созерцании и любви Божественной, а Вы, прочитав его книгу и как человек интеллектуально развитой, усвоили часть из его идей и потянулись на “брак агнчий” ([Откр.19:7](#)), не умыв предварительно лица своего. Умываются христиане не иным чем, как плачем. Поверьте, дорогой батюшка отец Давид, хотя я и невежда, что путь к созерцанию (непрелестному) и любви Божественной есть только один: покаяние...»²³ Останавливая своего сподвижника от увлечения «мистическими переживаниями», свойственными западному подвижничеству, отец Софроний полагает в нем надежное основание для духовного делания: «Начало духовной жизни — начало борьбы со страстями. Победить страсти — наитруднейшее дело. Это победа величайшая из всех. Бесстрастие выше дара чудотворения. Побеждаются страсти долгой, упорной, тяжелой, непрерывной днем и ночью борьбою, при содействии благодати. Правильной борьбе со страстями нас научают святые отцы»²⁴.

Начиная с, казалось бы, малых советов, отец Софроний постепенно и незаметно тайноведет Бальфура к более высоким понятиям православной аскезы. На языке, доступном новонаначальному, он разъясняет, что такое благодать смертной памяти, что значит молиться чистым умом, как стоять умом в сердце (и в частности, что есть «сердце духовное»), подробно объясняет науку послушания старцу. Сопутствуя своему собеседнику в его духовном преуспевании, отец Софроний наконец возводит его к тому, что, по существу, можно назвать вершиной умно-сердечного делания: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». В этих немногих словах, которые Господь сказал преподобному Силуану, заключена сущность всех устремлений православного аскета. Они отражают путь Самого Христа, Который есть Бог смирения. Он «уничжил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» ([Флп.2:7—8](#)). Он «снисшел в преисподние места земли», прежде чем «восшел превыше всех небес» (ср. [Еф.4:9—10](#)). Так и для всех, кто последовал Христу, — путь на небо лежит через ад. «Истинный подвижник Христов, — пишет отец Софроний, — чтобы избежать ада, эту жизнь делает адом и сознанием своим постоянно низводит себя во ад, сколько есть сил на то»²⁵. Таким путем, достигая последних доступных глубин смирения, человек «переходит от

смерти в жизнь» ([Ин.5:24](#)). Живой опыт этой «жизни» невечернего Дня, описываемый в письмах²⁶, является, по православному преданию, последней высотой богосозерцания — когда человек весь погружается в Бога и нетварный Свет исполняет все его существо: дух, душу и даже тело. Любовь, уже неземная, всецело захватывает душу и подвигает человека на молитву за весь мир, за всех людей, за всего Адама.

О тайне человеческих страданий

Человек, преображенный благодатию Духа Святого, по-иному воспринимает все постигающие его на жизненном пути события. Во всяком явлении он начинает распознавать благой промысл Бога, ведущий его к единой и последней цели — спасению. Всякое проявление Божией воли, с какими бы скорбями оно ни было сопряжено, он воспринимает с сознанием того, что Бог печется о Своем создании, как Отец, и все делает по любви, во благо и во спасение человеку.

Бальфур, став православным, пребывал в недоумении о постигших его многочисленных скорбях и разного рода испытаниях. Только благодаря духовной мудрости своего сподвижника, отца Софрония, он смог уразуметь в них глубокий смысл:

«Все святые отцы наши учат нас, — пишет отец Софроний, — что скорби есть печать избрания Божия. Скорби Господь посылает сынам Своим, которых приемлет и о которых печется так, как ни одна мать не печется о чаде своем...»²⁷

Отец Софроний обладал достаточным даром рассуждения, чтобы понять, что для Бальфура стяжание благодати еще не стало «единым на потребу», то есть целью, ради которой христианин с готовностью идет на тяжелый подвиг самоотвержения, связанный со многими скорбями. Бальфуру предлежал еще долгий и нелегкий путь к бытийному познанию христианской истины — чем ближе человек к Богу, чем сильнее его любовь ко Христу, тем жестче и глубже его скорби, тем больше его испытания. На этот путь и вдохновлял его отец Софроний в своих письмах: «Дело мужей духовных благодарить Бога за предоставленную нам возможность идти на вольные скорби за имя Его, за исполнение заповедей Его; славословить бесконечную Премудрость Божию, создавшую нам условия, благоприятные для этих вольных страданий. (Кто-то сказал, что ангелы завидуют нам, будучи лишены этой возможности.) Только этим образом мы можем проявить свою разумную любовь к Богу; только этим путем человек может стать другом Божиим, братом Христовым, достигнуть совершенного спасения — обожения во Христе»²⁸.

Следуя стопам Спасителя, человек постепенно проникает в смысл таинственных слов Христа, предначертавших путь всякому христианину: «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» ([Мф.7:14](#)). Не потому ли, уразумев их, апостол Петр предвозвестил в своем послании, что мы, христиане, призваны Богом не на что иное, как на страдания (ср. [1Пет.2:21](#))? Пережив на своем опыте истинность апостольских слов, отец Софроний пишет: «Христианин никогда не сможет достигнуть ни любви к Богу, ни истинной любви к человеку, если не переживет весьма многих и тяжких скорбей. Благодать приходит только в душу, которая *исстрадалась*»²⁹.

Идее о спасительной сущности страданий посвящено немало страниц в письмах. Как выражение всеблагой любви Творца, страдания преображают человека, уподобляя его Единородному Сыну, Который Сам пострадал даже до смерти. Поэтому, как пишет отец Софроний, «воля Божия нередко ведет на Голгофу»³⁰. В письмах, как увещание к терпению

страданий, приводится повествование о некоем афонском пустыннике, ставшее впоследствии знаменитым. Истощенный до предела страданиями, он хотел было покинуть пустыню и переменить свой образ жизни. Тогда ему явился во сне Господь, распятый на Кресте, и сказал: «С Креста не сходят, а снимают». И эти слова Господь повторил трижды. И затем видение кончилось³¹.

С особым страхом отец Софроний впервые затрагивает сокровенную тему *бogoоставленности*, которой он уделил так много внимания в последующих книгах. Когда подвижник утвердился в своей любви к Богу, тогда начинается одно из самых тяжелых испытаний: Бог как бы оставляет его. Случается это с наиболее крепкими и твердыми в своей любви к Богу подвижниками: «Слава Богу за все. Однако трудно нам жить. Собственно, по-христиански “жить” невозможно. По-христиански можно только “умирать” тысячью смертей на всякий день³². Надо постоянно губить душу свою в мире сем, всегда мертвость Господа Иисуса носить, чтобы и живот Его явился в нас (ср. [2Кор.4:10](#)). Получается так, что поскольку мы “живем” в мире сем, постольку “мертвы” в Боге. Но есть еще ужасное состояние бogoоставленности. Человек уже “не имеет жизни” в этом мире, то есть не может жить этим миром, память об ином Божественном мире влечет его “туда”, но, несмотря на это, мрак окружает душу»³³.

По своей неопытности Бальфур сравнил эту бogoоставленность, пережитую отцом Софронием, с мраком «мистической ночи» Иоанна Креста. Будучи еще недостаточно глубоко знакомым с православной традицией, Бальфур не знал, что учение о бogoоставленности есть неотъемлемая часть аскетического предания православного Востока. О бogoоставленности писали величайшие подвижники — преподобные Антоний Великий, Исаак Сирийский, Макарий Великий, Максим Исповедник, Силуан Афонский и многие другие, духовным преемником которых был и отец Софроний.

Пытаясь проникнуть в сущность страданий, отец Софроний пишет: «Когда скорби души моей, все возрастая, достигли, кажется, апогея, тогда я, не путем отвлеченных философских рассуждений, но живым и глубоким чувством сердца познал цену человеческой души, то есть что она дороже всего мира. Страдания столь великий плод приносят, что если бы мы были поразумнее, то не желали бы “сойти со Креста”»³⁴.

Афонский опыт бogoоставленности был первым шагом к раскрытию отцом Софронием величайшей тайны человеческих страданий. В своей последней книге отец Софроний пишет: «Когда Бог видит, что уже ничто во всем мире не сможет снова оторвать душу от Его Любви (ср. [Рим.8:35—39](#)), тогда наступает период испытаний, правда, тяжелых, но без которых остались бы недоведомыми глубины тварного и нетварного образов Бытия. “Жестоко” сие испытание: невидимый меч отрезает тебя от возлюбленного Бога, от Его невечернего Света. Человек бывает поражен во всех планах своего существа. Ему совсем непонятно: где причина того, что казавшийся в молитве, подобной Гефсиманской, уже окончательным “союз любви” сменился адом бogoоставленности. Ответ на сие недоумение находим в 12-й главе “Послания к Евреям”, особенно в стихах 26—29 ([Евр.12:26—29](#)). Но прежде и после всего мы имеем “пример” в Самом Христе: на Голгофе, пригвожденный ко Кресту, Он вопрошал Отца: “для чего Ты Меня оставил?” — и вслед за сим: “совершилось! И, преклонив главу, предал дух” ([Мф.27:46](#); [Ин.19:30](#)). Итак, для нас открылась Тайна Любви Божией: полнота истощания предваряет полноту совершенства»³⁵.

В своих последующих книгах — «Старец Силуан», «Видеть Бога», «О молитве» и «Рождение в Царство Непокоримое» — отец Софроний много пишет о том, насколько велик человек. Его дерзновенные слова о равнобожественном достоинстве человека вовсе не исходят от необузданной гордости или прельщенного самомнения. Письма проливают свет на подлинные истоки его антропологии, которая корнями уходит в многовековое предание святых отцов: «Мы чаем приобщения вечной жизни. Но, по смыслу вещей, становясь вечным, человек становится не только бессмертным, но и *безначальным*. Святитель Григорий Палама так мыслил, ссылаясь на святых отцов... Когда же “Бог будет всяческая во всех” ([1Кор.15:28](#)) тогда и мы явимся обладателями вечности, и уже не отчасти, а в полноте. К этому “краю желаний” стремится душа [и как томится она, покамест не достигнет его]. Тогда только возможна будет ничем не омраченная радость»³⁶. В этом смысле письма продолжают великую традицию святых отцов, которые учат об обожении человека. Будучи причастником и носителем Божественной благодати, человек и сам весь становится богом.

Да не послужат сии слова к преткновению тех, кто по гордости считает себя достойным сего звания как чего-то должного. «К богосыновству путь — покаяние», — пишет отец Софроний³⁷. Его слова отличаются трезвостью, свободной от тени всякого мечтательного самомнения: «Теперь очень часто говорят о богосыновстве, но мало говорят о пути к нему. А путь этот *покаяние*. Нигде так ясно не познает душа наша Бога как Отца, как в покаянии. Кающегося Бог принимает, как блудного сына, и радуется о нем, что мертв был и ожил, погибший был и нашелся (ср. [Лк.15:32](#))»³⁸.

О догматическом сознании

Из писем становится очевидным, что богословие в них достигает той высоты, когда догматическое сознание уже нерасторжимо связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Богословский диалог с Бальфуром на деле показывает, как всякое изменение в догматическом сознании неизбежно изменяет в соответствующей мере и образ духовного бытия. И наоборот, уклонение от истины во внутренней духовной жизни влечет изменение в догматическом сознании. Ум, осененный Божественной благодатию, носит в себе целостную картину всего бытия, где всякое явление в духовной жизни имеет свою оценку с позиции Божественной Истины. В этом смысле несомненным шедевром богословской апологетики, содержащим в себе совершенное и целостное видение догматической основы православного подвижничества, является письмо № 28 — «О православном догматическом сознании». Оно было написано в ответ на сомнения Бальфура относительно вселенской истины Православия, когда он стал искать чего-то более «высокого» и «универсального». В письме можно проследить последовательное разъяснение принципа единства между экклезиологией, догматикой и аскетикой. «Трех вещей я не понимаю, — пишет отец Софроний, — 1) адогматической веры; 2) бесцерковного христианства; 3) безаскетического христианства. И сии три: Церковь, догмат и аскетика (то есть христианский подвиг) — для меня единая жизнь»³⁹.

Отец Софроний ясно показывает, что аскеза является практическим отражением в жизни человека его догматического видения. Нет в духовной и аскетической жизни ничего случайного, ибо «все важно»: «В основе всякой аскетики по необходимости лежит та или иная идеология (догмат). Всякая религия — язычество, иудейство, магометанство, пантеизм, христианство — имеет свою аскетическую культуру, отличную от других, и это различие обусловлено различием догматических представлений»⁴⁰. При этом догматика, как словесное выражение

истины, является неотъемлемым обладанием Церкви: «Я как-то внутренне убедился, — пишет отец Софроний, — что отказ от Церкви приведет к отказу от проповеди апостолов... «Слово плоть бысть» ([Ин.1:14](#)). Именно этого воплощенного Логоса — видимого, слышимого, осязаемого — проповедует Церковь в своих догматах»⁴¹.

В одном из писем отец Софроний написал: «Христианин *обязательно* должен быть подвижником»⁴². Подвиг богопознания, на который вдохновляет эта книга, воистину превосходит меру человека. В этом — ее подлинность и истинное евангельское измерение. Призыв книги созвучен словам самого Христа: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» ([Мф.5:48](#)). Человеческий рассудок изнемогает при мысли, как можно поверить в сие призвание и отважиться на сей подвиг. Однако непреложны слова Господа, заповедавшего нам: «дерзайте!» ([Ин.16:33](#)).

Иеродиакон Николай Сахаров

Часть первая. Божие призвание

«...вы — избранный род, царственное священство, святой народ, люди, взятые в удел, чтобы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в Свой чудный свет» ([1Пет.2:9](#)).

Письмо 1. Исход из католичества

О неизбежности скорбей для восприятия Божественных дарований. О сомнениях в вере. О помыслах и борьбе с ними. О духовном преуспеянии и укреплении в подвиге. О переписке с католиками. О старце.

Афон, 25 июля 1932 г.^{[43](#)}

Глубокочтимый, дорогой, возлюбленный о Христе брат мой, батюшка отец Давид!

Благословите.

Когда Вы уехали от нас, то я, вполне учитывая, какой труд и подвиг Вам предстоит, умолял Господа, чтобы Он дал душе Вашей мир и несомненную веру, а скорби Ваши, неизбежные при столь великом деле^{[44](#)}, до времени отдал бы мне, и если не все, то хотя бы часть, которая мне по силам.

И действительно, по прошествии первых суток, когда радость о спасении Вашем преисполняла сердце мое, начались скорби, постепенно возраставшие; но когда я помышлял о том, что, быть может, это Господь по молитве моей устроит, то радовался и самым скорбям.

Теперь, получив от Вас вести, к сожалению, не вполне благоприятные, я чувствую себя более утвержденным, а до сего времени находился в некотором недоумении о Вашем положении вообще и причинах Вашего молчания в частности. Чувствуя душою, что Вы скорбите, что Вам тяжело, Вы не устроены, не успокоены, я, не зная о причинах всего этого, и сам скорбел.

Благодарный Вам за письмо^{[45](#)}, я позволю себе высказать предположение, что, быть может, было бы лучше, если бы Вы написали раньше. Однако все то, что произошло с Вами до сих пор, еще не так плохо, и даже полезно. Думаю, что благоразумным будет просить Господа, чтобы Он дал Вам силы и разум на перенесение скорбей, на преодоление искушений, постигающих Вас, а не о том, чтобы избавил от скорбей. И это потому, что если Вы приступите к престолу Божию до конца сокрушенный под тяжестью скорбей, добавив к ним свое внутреннее сокрушение и покаяние, беспощадное к себе, то, несомненно, Вас осенит Божественный свет. А если приступите к сему таинству успокоенный от людей, обеспеченный материально, то душа Ваша, полная житейской, плотской гордости, неспособна будет воспринять благодать обильную. И еще, если Вы (теперь или после) не переживете целый ряд великих бурь, когда «волны доходят до небес и нисходят до бездн» ([Пс.106:25, 26](#)), если Вы не познаете, как может страдать душа человеческая, когда она стоит на грани между вечным спасением и вечною гибелью, если Вы не испытаете отчасти адских мучений, если Вы, будущий пастырь Христовых овец, не познаете опытом души своей всего этого, то никогда не познаете и Любви Божественной. И наоборот, если теперь переживете все эти скорби, искушения, бури, то сразу душа Ваша обогатится необычайно истинным богатством, духовным, нетленным. Позднее, переживши все это, познав на самом себе, до какой степени немощна душа наша, скуден разум, как мы бессильны без благодатной помощи не только что встать на правый путь, но и уразуметь, где он, и вообще противостать греху или сделать что-либо доброе, позднее, говорю, Вы будете иметь милующее сердце, *никого ни за что* не осуждающее; но всякому человеку с великой любовью, без лицемерия, будете желать спасения, молиться о людях, о всем мире. Кто бы ни пришел к Вам после — вор, развратник, сектант, неверный, еврей, — всякого будете принимать с открытой душой, с сердцем, исполненным любви и сострадания. Тогда Вы будете в силах спасать людей, творить чудеса, воскрешая мертвые души человеческие к вечной жизни. Чтобы быть исполнителем закона Христова, особенно для пастыря, необходимо стяжать эту любовь; отец Иоанн Кронштадтский имел столь великую любовь к людям, столь милующее сердце, что для

него видеть страдания, гибель людей было тяжелее, чем самому страдать; поэтому он так молился за всех и каждого нуждавшегося, поэтому он творил бесчисленные чудеса. Так же — преподобный Серафим Саровский и другие святые. Когда и с Вами совершится отчасти то, о чем мы сейчас говорим, тогда Вам будет понятно, почему апостол Павел скорбел, непрестанно болел сердцем, «молил бых бо ся сам аз отлучен быти от Христа» ([Рим.9:3](#)) ради спасения ближних; поймете, почему отец Иоанн Кронштадтский брал на себя клятвы других, грехи их, труд покаяния за чужие грехи (много можно привести примеров, да нет в том нужды, все это Вы несравненно лучше меня знаете). Тогда Вас не смогут уже смущать сомнения о том, какой Дух понуждал меня говорить Вам, ибо и сами Вы будете готовы на страдания ради спасения кого бы то ни было.

Вы пишете, что «еще не очень вразумил Вас Господь относительно веры православной», и не знаете, где причина этого невразумления. Покамест Вы сами не получите «помазания от Святаго» (см. [1Ин.2:20, 27](#)), я по праву любящего позволю себе дерзость высказать Вам некоторые мысли по этому поводу. Вы же, умоляю, примите слово мое, как от преданного, любящего о Христе брата Вашего, который до сего времени ни одним помыслом не погрешил против Вас (ни превознесся, ни осудил). Если же отяготитесь, то простите меня.

Причин невразумления две:

1. Не в православной вере Вы сомневаетесь, а у Вас вообще вера подточена (таков плод влияния на Вас той среды, в которой Вы вращались до этого времени). Я Вас предупреждал об этом искушении, но объяснить подробнее, как это происходит в душе, не выбрал времени, да и теперь не представляется возможным. Если теперь Вы подадитесь назад, то враг добьется, что Вы и вообще не устоите в вере, и жизнь Ваша станет адом. Вы говорите о «соломинке», не достававшей Вам для того, чтобы чашки весов перевесили на сторону Православия. Действительно, Вам недоставало немногого, чтобы склониться к этому решению; но уже вслед за этим, на пути к практическому осуществлению этого решения, Вам неизбежно должно было предстать «огненное искушение» (ср. [1Пет.4:12](#)), о чем я Вас предупреждал не один раз; и уже здесь нужна не соломинка, а великая Божия помощь, потребен многий труд и подвиг как с Вашей стороны, так и со стороны Ваших сподвижников.

2. Вторая причина «невразумления» та, что враг Вас сбивает и, отвлекая Ваше внимание в другую сторону, не дает Вам видеть Ваш успех в духовной жизни за время со дня Вашего приезда на Афон. Если бы Вы теперь оказались в той среде, которая Вас окружала раньше, то Вы почувствовали бы свою силу и успех. Но да сохранит Вас Господь от этого; говорю для того только, чтобы обратить Ваше внимание на плоды, уже пожатые Вами, чтобы Вы не отчаивались. Вы многому уже научились. Но Вы ждете нетерпеливо еще некоторого знамения свыше, которое Вас поразило бы как-то особенно. *И это будет.* Когда Вы увидите истину, то поражены будете необычайною премудростию Божиею и хвалить и благодарить будете Бога бесконечно. Но теперь враг сбивает Ваш ум на неправильный, опасный путь, отвлекая Вас от истинного пути к боговидению.

Дорогой мой, примите совет мой, как Вам бороться надо с помыслом. *И это на всю жизнь Вашу* (как и меня учили). Помыслы — это «бесы» (демоническая энергия). Если есть такие люди, которых невозможно убедить в чем-либо, то бесов и подавно. Рассуждая с помыслами, возражая им, Вы в лучшем случае заставите их на некоторое короткое время отступить; но затем они снова предлагают свое, упорно, настойчиво, без конца, глупо повторяя одно и то же, — до тех пор, пока не собьют человека на грех; добившись успеха в одном, они продолжают сбивать человека далее, пока не погубят. Таким образом, непременно сделайте, как нас научают святые отцы. (Внимательно просмотрите Древний Патерик, глава 23 ⁴⁶.) Предавшись в волю Божию, ни в какую беседу с помыслами не вступайте. Всякий помысл, порождающий в душе

разлад, нарушающий мир сердца, — от врага. (Об этом, если понадобится и если будет угодно Богу, в другой раз еще немного побеседуем.) При содействии Божией благодати намечен у Вас теперь известный путь, цель, к ней и идите, решительно отвергая всякий противный помысл.

Но Вы в затруднении находитесь и не можете решить вопроса — где благодать от Бога и где вражьи козни. Вспомните, как Вы, несмотря на предстоявший Вам чрезвычайной важности шаг, последствия которого велики не только в сем временном веке, но и в будущем, были покойны в глубине сердца и радовались в день отъезда Вашего с Афона. Все это не могло быть плодом впечатления, произведенного на Вас отдельными лицами. Пред Богом свидетельствую Вам, что в тот день, на берегу, где мы прощались, я много раз говорил Вам о том, что Вы стали совсем другой, потому что видел почивавшую на Вас до очевидности Божию благодать. Указал бы другие моменты, когда благодать посещала Вас, но, если понадобится, сделаю это в другой раз. Настойчиво обращаю Ваше внимание на это, чтобы Вы научились распознавать действие благодати, отличая ее от действий сопротивной силы. Верую, что Господь даст Вам скоро познать и несравненно большее, однако не должно вмешиваться в действия благодати самочинно. По воле Духа Святого, Ему единому ведомым образом, пусть действует она сама, — ибо различны действия ее в каждом человеке, в зависимости от душевного устройства, умственного склада человека. В иных она проявляется бурно, в иных, наоборот, очень тонко и деликатно; в иных постепенно восходит от меньшего к большему, в некоторых же сразу проявляется с великою силою, а после как бы оставляет. Так что, дабы не повредить делу своим вмешательством, лучше всего, умоляя Господа о милости и ожидая этой милости с терпением, самому между тем пребывать в некотором обычном порядке духовного делания: каяться, молиться, читать святых отцов, Евангелие, трезвиться умом (хранить себя от помыслов), подавать милостыню. Как и Господь сказал, что «Царствие Божие не приходит с наблюдением» (ср. [Лк.17:20](#)), и еще: «молитесь (постоянно, без воображения, умом и в чувстве сердца) и не стужайтесь» (ср. [Лк.18:1](#)).

Поверьте, дорогой мой, возлюбленный о Господе брат, отец Давид, что милость Божия много раз близка была к Вам. В Вашей во Христе любви ко мне, недостойному этой любви, я уверен, хотя враг и искушает Вас. Но и я [...] на многое готов пойти ради Вашего спасения. Верую Господу милосердному, что если не поколеблемся, то мы с Вами братья на всю вечность; что после всех скорбей в мире сем вместе поклонимся Ему и облобызаем Его пречистые Руки, нас сотворившие и создавшие. Когда душа моя чувствует, что враг хочет разделить нас, то я много молюсь и скорблю иногда до изнеможения. Но не во мне здесь дело, а в том, что, отрывая Вас от нас, враг отрывает Вас от Христа, а когда придете Вы ко Христу, достигнете недостижимого, тогда вопрос обо мне отпадает; тогда, если и забудете меня, не беда, — а покамест помыслы против меня и другого такого же illuminé⁴⁷ (кто это? Не Силуан ли?) враг упорно приносит, чтобы отвратить Вас от пути, на который Вас Дух Святой поставил. Часто вспоминая Вас в молитве и днем и ночью, и на всех богослужениях молясь за последние два месяца о Вас больше, чем о ком бы то ни было, я иногда, чувствуя, что Вы удаляетесь душою от нас, тяжело скорбел. В пятницу ночью, молясь о Вас, плакал, как плачут о мертвецах. Дай Вам, Господи, мужество смириться и претерпеть неизбежные унижения и другие скорби. Против владыки Елевферия не принимайте дурных помыслов, хотя бы он и испытывал Вас. Трудно будет, помышляйте, что все это Вы делаете «за имя Его» ([Ин.15:21](#)). Крепко веруйте в Божий промысл о Вас, несмотря на скорби и труды. Не думайте, что есть какая-либо ошибка, потому что в другом месте Вы могли бы все это достигнуть и получить без труда. То, что Вы сейчас терпите, Вам вменится в мученичество. Так хочет Господь, Который Вас много, безмерно любит. Ныне Вы уподобились несколько Моисею (ср. [Евр.11:24—27](#)) — тем, что предпочли страдать с народом Божиим и поношение Христово предпочли всякой славе временной, «и еще

не обинемся» (ср. [Евр.10:38—39](#)), уподобитесь ему еще больше: будете для людей вождем в Царство Небесное. Да даст Вам Господь силу, «положив руку на рало, не обращаться вспять» (ср. [Лк.9:62](#)). А без скорбей спастись нельзя. Сначала они тяжки, а когда любовь Божия коснется сердца, тогда от преизбытка блаженства ее душа бывает одержима жаждою страдать за Бога, — подобно тому как и Сам Он пострадал за нас. Любовь Его к нам привела Его на Крест.

Хочется мне много беседовать с Вами, но надо сокращаться, письмо затянулось, кажется, слишком. Хочу сказать все, что могу, и даже больше, чем могу.

Пишете, что обстоятельства скоро Вас принудят писать к католикам и родным, а затем, не зная своей души, раздумываете, гадаете, что будет в результате этого, послужит ли это для Вас «большим искушением вдобавок к тому, что уже начинается в Вашей душе, или, быть может, это Вас *подбодрит*». Простите, дорогой, не надо так думать. Нужно, чтобы Православие Ваше было беспорочным; чтобы оно утверждалось на уповании и несомненной вере Господу Единому, а ни в каком случае не на личных впечатлениях (симпатии или антипатии), ни на том, что кто-то за Вас молится или страдает, ни на духе противоречия католикам или другому кому-либо. Все это неспасительно и не приводит нас к познанию истины. При переписке с католиками (если позволите мне и в этом отношении сказать свое мнение) наблюдайте за состоянием своей души. Если будете чувствовать в себе огненную веру и любовь Божию, то пишите им с молитвою, чему Господь научит Вас, а если и без них душа будет пребывать в тягостной борьбе, то уклоняйтесь, по возможности, от всякой переписки с ними и даже писем не читайте. Тогда больше прилепляйтесь к Богу молитвою, чем Вы уже несколько и научились.

Пройдет год, поживете духом с нами и тогда увидите, как любит Вас Господь. Идите, дорогой, с нами, убогими, на Крест, на поношения, на уничижения, на нищету и скорби, а позднее, быть может, и на смерть. Другого пути к истинному вечному прославлению нет. Мы за имя Его гонимы повсюду. Положение Церкви теперь, быть может, более тяжелое, чем когда бы то ни было раньше (во времена гонений, арианства и др.). Презирайте земную славу и благородство — все это жалко и мерзость пред Богом. Простите меня. Я знаю, что Вы все это знаете, но говорю так, чтобы поделиться с Вами.

Относительно Валаама и старца. О Валааме оставьте мысль — это от врага. Сейчас нет уже ни времени, ни сил писать об этом подробнее. Нет воли Божией ехать Вам туда, не найдете Вы таким путем того, чего ищете. Не торопитесь, потерпите. Сейчас Вам нет в том нужды такой, как это Вам представляется. Враг запутывает Вас, примешиваясь к самым добрым намерениям. У Вас есть ревность отсекающую свою волю ради Бога, действовать по благословию, храните эту ревность. Владыка Елевферий, конечно, не может с Вами заниматься подолгу и часто, но и у Вас самих скоро отпадет необходимость в частом вопрошении, а только в некоторых более существенных случаях нужно будет спросить совет и взять благословение. Вы скоро поймете порядок внутренней жизни, и тогда все будет благополучно. А вот если там у владыки Елевферия будет открываться новый монастырь (в имении), то это для Вас самое лучшее в настоящее время. Старца или советника Вам Господь даст, когда нужно будет, в этом не сомневайтесь, а веруйте «без отчаяния».

Быть может, скоро Господь даст Церкви Своей некоторый отдых от постигших ее гонений как извне, так и изнутри от лжепастырей и лжебратии; тогда у нас будет более свободный выбор. Советую Вам вместо старца обращаться к отцу Силуану, которому Вы вложили секретку в мое письмо и который в свою очередь шлет Вам ответ вместе со мною. Прост этот человек и малограмотный, но знает он духовную жизнь, быть может, до последних доступных на земле степеней ее. И воистину непрелестный (не *illumine*). Я сам, по милости Божией, много раз видел его столь богато осененным благодатию, что не хватало духа смотреть на его лицо. Это человек, исполненный духа Христова, Божественной любви, провел жизнь в такой борьбе с врагом и в

таком подвиге ради Бога, каковые редко-редко кому доступны. Одною молитвою своею он Вам поможет более, чем кто-либо другой своим ежедневным надзором за Вами и наставлениями. Это все *покамест*; дальше увидим, что Господь даст нам.

Держитесь ближе, насколько это возможно, к владыке Елевферию, читайте святых отцов и покамест не ищите большего. Несколько больше терпения и спокойствия; а насчет «вялой жизни» в Литве поговорим в другой раз.

Не хотелось нам прибегать к чьей бы то ни было рекомендации, а всю надежду возложить на заступление Божией Матери, но если владыка Елевферий будет испытывать Вас очень долго или требовать то, что трудно достать, то Вы напишите и нам (в монастырь игумену), и другим лицам (владыке Вениамину), сначала указав владыке Елевферию о том, что Вы многих знаете и Вас знают и могут его уверить относительно Вас.

26 июля 1932 г.

Кажется мне, что Господь хочет нас успокоить. Когда придет к Вам это письмо, то уже часть его, быть может, будет излишней. Сегодня отправляется почта. Завтра праздник св. великомученика Пантелеимона — у нас «велие торжество». Молитесь за меня, недостойного брата Вашего о Христе Иисусе, Господе нашем.

P.S. Поделился я своими мыслями с отцом Силуаном — он во всем согласился, это меня очень обрадовало и утвердило: я ему верю вполне. Думаю, что и Вас это должно утвердить, так как «при двух или трех свидетелях станет всяк глагол» (ср. [2Кор.13:1](#)).

Недостойный иеродиакон Софроний

Письмо 2. Преддверие Православия

О духовном единении. О Кресте и слове о нем. О мужестве духовном. О памятовании о Боге и о смерти. О действии благодати Божией. Покаяние — начало духовной жизни

Афон, 31 июля 1932 г.^{[48](#)}

Христос посреде нас.

Дорогой мой возлюбленный о Господе брат, глубокочтимый отец Давид!

Благословите.

Для меня стало невозможным молиться за себя одного, но все время молюсь за нас обоих как бы за одного себя, так привязалась душа моя к Вашей благословенной душе. Вместо обычной молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» или «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного» говорю: «Помилуй нас»; «Спаси нас»; «Трудно нам, Владычице, помози нам, спаси нас Имиже веси судьбами». Почти непрестанно помышляю и молюсь за Вас; только во сне на короткое время, против воли моей, теряю память о Вас. Все правило, всю службу в храме и литургию превратил в молитву за Вас.

Великая ответственность легла на меня в этом деле, но я, хотя и сознаю себя совершенно недостаточным, сознаю, что оно превышает мои силы, однако благодарю Бога, что Он благоволил отчасти возложить на меня сей труд тяжелый, но блаженный. Духом, насколько помогает Господь, стараюсь не отходить от Вас.

Ничего человеческого, земного я не ищу. Если бы и нуждался в чем, то и тогда не позволил бы себе никакой земной корысти ни для себя, ни для других; но, как Вы знаете, я обеспечен по всему и путь мой до смерти определен, если Господь Сам не изменит чего-либо, а ко всему этому да не будет мне опорочить чем бы то ни было столь великое дело, как спасение свое и брата моего. В очах Божиих душа человеческая столь великая ценность, что весь видимый мир не стоит и единой души. (Посмотрите: Прп. Иоанн Лествичник. «Слово к пастырю». Лествица. Гл. 13, 18; и еще: Прп. Макарий Египетский. Беседа 4, 17.) *И мне Господь дал пережить это.* Так что если я погрешу против Вас, если из-за меня, окаяннейшего всех человек, душа Ваша отпадет от спасения или хотя бы потерпит вред, то кто мне даст после слезы умолить Господа за Вас и за себя, когда я сам нищ и убог. Блаженный, но тяжелый труд.

Помню, когда Вы вернулись в монастырь после путешествия по Горе, я много раз говорил Вам, что наша жизнь — Крест. В первом письме своем я писал Вам об этом же и теперь говорю, что ничего, кроме Креста, мы не проповедуем, и если зовем кого-либо идти с нами, то только на Крест, полагая в этом для себя величайшую несравненную славу. Когда Господь посещает душу, то Крест становится легким, а иногда и неизреченно сладким; когда же благоволит оставить ее на труды и болезни, тогда должны мы быть блаженны упованием на еще большую славу.

Это обстоятельство, при всей любви к людям, часто заставляет умолчать, о пути Божиим не говорить, потому что то, что вожделенно любящим распятого Христа, тяжело бывает для других, и они, отяготившись, начинают клясть говорившего им. Я всегда боюсь, что они, познав отчасти Божию благодать, а потом увидев, что стяжание ее стоит великих трудов, начнут «уничижать землю желанную» (ср. [Пс.105:24](#); [Чис.13—14](#)) или «не уразумеют чудес Его и забудут милости Его» (ср. [Пс.105:7](#)) настолько, что и самое видение первых плодов, принесенных из земли обетованной, не возможет возбудить в них мужества пойти на завоевание сей земли.

Думаю, что если, подобно Иисусу Навину и Халеву, буду убеждать, что «хороша земля сия», что «милостив Господь» и «введет нас в землю сию и даст нам ее» (см. [Чис.14:7—8](#)) в вечное и неотъемлемое владение, по неложному обещанию Господа ([Ин.16:22](#)), что не должно малодушно «бояться народа земли той» (см. [Чис.14:9](#)), то есть скорбей, которые только кажутся

непреодолимыми гигантами, на деле же немощны и рассеются, как дым, то, кто знает, будут потом меня ненавидеть, захотят «побить камнями» (ср. [Исх.17:4](#); [Чис.14:10](#)).

Боюсь я и того иногда, что если, достигнув уже окраин земли обетованной, они смалодушествуют и начнут искать себе вождя вести их обратно в Египет, то весь труд мой плодом своим будет иметь лишь еще большую скорбь и страдание тех, кого так возлюбила душа моя. Трудное душевное состояние бывает в эти минуты, и не знаешь, что делать: говорить или не говорить? Не человеческое это дело; и ничего не остается делать, как только от скорби и от сознания своего бессилия и вместе и ответственности пасть, подобно Моисею и Аарону, на лице свое (ср. [Чис.14:5](#)).

Не на простое обычное место Вас зовет Господь, но на большее служение и больший обычного подвиг; а потому я все время понуждаюсь говорить Вам о том, о чем другим никогда не решился бы сказать, дабы их не привести в уныние или даже отчаяние. Но я верю в мужество Вашей души, а потому и говорю, и еще немного дальше, то есть позднее скажу, чтобы потом и самому мне пользоваться от Вас, так как душе моей радостно смиряться пред Вами в чувстве сердца. И я счел бы великою радостью и милостию Божиею послужить Вам при совершении литургии, особенно в тот момент, когда диакон говорит: «Благослови, Владыко, Святый Хлеб», и иерей: «И сотвори убо Хлеб сей честное Тело Христа Твоего»... В этот момент огненная благодать сходит и касается сердца, а иногда с великою силою обновляет всего человека.

Выше я сказал о мужестве душевном, или, лучше, духовном. Оно состоит в твердом несомненном уповании на милость Божию, что бы с нами ни случилось, какое бы ни постигло нас искушение, хотя бы земля под нами расседалась, хотя бы весь мир или весь ад восстал против нас. Всякое другое мужество в нашей брани духовной не должно иметь места. Запомните, дорогой, это на всю жизнь...

К этому мужеству духовному — то есть несомненному упованию на милость Божию, добавьте то, о чем написал я Вам в первом письме — никаких помыслов не принимать. Это великая тайна, которую мало кто уразумевает. Простые слова и мало их, но делание великое, наитруднейшее и возводящее человека к видению. Сразу этому не научишься, потребны труд и время и благодатная помощь.

У Вас есть желание предаться старцу на послушание. Храните это желание. Отсекайте свою волю и разумение пред духовным отцом, пред владыкою и даже перед братом. За это получите благодать и дар рассуждения. Хочу еще раз обратить Ваше внимание на то, что Вы за последние три месяца многому уже научились такому, о чем раньше, быть может, мало и задумывались.

Поступили в особую школу для того, чтобы прийти к истинному богопознанию; в этой особой школе все особенное, не похожее на другие школы, а учителем в ней — Божественная благодать. Так теперь Вы скорбями и искушениями постепенно возводите к постоянному памятованию о Боге. Прежде Вы, быть может, никогда так не молились и не жили. Если потерпите и дальше, то увидите плоды молитвы и памяти о Боге. Все существо человеческое перерождается, особенно ум прежде всего. После, если душа полюбит сладость пребывания с Богом, уже не захочет оторваться от памяти Божией ни на кратчайшее время.

Молитесь Богу, молитесь Божией Матери о даровании Вам памяти смертной. Это Вам очень нужно, во-первых, для того, чтобы с легкостью порвать все человеческие связи и преодолеть стоящие перед Вами искушения мира сего, а во-вторых, чтобы научиться правильно мыслить. Вы, например, в своем письме писали и о «личных впечатлениях», и о том, что, быть может, «бомбардировка» Вас подбодрит, и другие мелкие уклонения Вашей мысли от правильного пути рассуждения. Смертная память Вас научит на все смотреть под углом вечности; все временное, преходящее в Вашем мышлении отойдет на последний план. Есть и

другие дивные плоды сей памяти, Вы уже читали об этом в «Лестнице»⁴⁹, но я упомянул только два в связи с настоящей потребностью.

Простите, дорогой, меня за все это; но скоро, верю, придет время, когда я уже не дерзну указывать на какие-либо ошибки у Вас, но сам буду искать у Вас совета и помощи, но покамест, как мне кажется, это есть дело любви к Вам по Богу, хотя одновременно та же любовь порождает желание смиряться пред братом. Я, окаянный, теперь все потерял и живу, как бессловесная скотина, но когда у меня по благодати Божией сильно действовала смертная память, то и описать невозможно, сколь дивное было ее действие. Это продолжалось в течение десяти лет, постепенно усиливаясь; я доходил почти до совершенного иступления; весь мир в моих очах и умных и даже телесных переменялся странным изменением; время теряло свое значение так, что столетие и один день в сознании моем стали одинаково ничтожными, а весь мир видимый казался подобным сонному видению; всякая похоть плотская от действия смертной памяти угасает совершенно; великий страх охватывает душу и удерживает ее от греха. Люди казались мне столь достойными сострадания за то, что «в суете дни их исчезают», что смерть застаёт их далекими от Бога, не познавшими ни цели, ни смысла, ни разума в своем существовании; я так сильно и много скорбел за людей тогда; смертная память научает истинной молитве. Помню, лягу спать, наплакавшись, намолившись до изнеможения, да так, что слова исходят из уст, как пламя, а едва забудусь сном, душа одна становилась на молитву на всю ночь, покамест тело лежит на одре; по действию смертной памяти душа не могла оторваться от молитвы. Вообще-то ведь здоровому живому телу несвойственно иметь чувство своей смертности, и оно веселится. При болезни возникает душевное чувство близости смерти или возможности ее, и тогда человек испытывает животный страх или боязнь и вместе отвращение. Духовное же чувство смертности своей по действию благодати Святого Духа как небо от земли отстоит от душевно-животного. Когда Бессмертный Царь, вождь Владыка душ наших, коснется нас Своим дыханием, тогда время сокращается в нашем сознании, а душа начинает ощущать свое бессмертие. После этого ум уже не может не измениться; земные расчеты, земные масштабы от него отходят. В таком состоянии человек по земле только что ногами ходит; духом же он живет в ином мире.

Первое прикосновение этого бессмертного дыхания мы с Вами познали после нашей беседы в библиотеке. Помните ли Вы, какое благоговейное чувство наполняло душу, как мы не могли уже говорить и даже двигаться боялись? Как все временное потеряло свой интерес и значение? Вы, например, уже не могли совершенно продолжать свою работу с рукописями; но прошло приблизительно двадцать минут, к Вам пришел помысл: «Что ты делаешь? Ведь это грех?», и повернулось сердце Ваше, и отошла благодать сразу настолько, что Вы ушли из библиотеки едва ли не в худшем состоянии, чем пришли. Но я не был виновником посещения нас благодатию; это была милость Божия к Вам; также не мог я, хотя и молился, сделать, чтобы Вы не отвергли благодати. Свободное произволение человека остается всегда с ним. Преподобный Макарий Египетский говорит, что Господь ограничил силу чудотворения у апостолов, потому что, по своей ревности всех обратить к вере, они силою знамений и чудес как бы приневолили весь мир к принятию веры⁵⁰; но Господь ждет от нас свободного произволения, хочет от нас подвига веры, с этой целью Он даровал нам разум, способный к познанию Истины (см. [1Ин.5:20](#)). Хочет, чтобы мы сораспинались с Ним волею, как и Он Сам волею пострадал за нас.

Неужели то внутреннее трезвение, страх, благоговение, смирение, молитвы, слезы, вера, мир, радость, которые Вы на Афоне испытали впервые с такой силой, было все это плодом какого-то искусственного самовозбуждения с чьей бы то ни было стороны или еще чего-либо человеческого и даже ложного, а не было действием благодати? Нет, дорогой, не подумайте так,

не верьте этим помыслам. Помню, какой радостный и обновленный уехали Вы от нас путешествовать по Святой Горе; я тоже тогда радовался дивной перемене в Вас и много молился, благодарил Господа. А в предпоследнюю ночь Вашего пребывания у нас, молясь ночью в храме, конечно, главным образом о Вас, опять благодарил я Бога за то, что мир и благодать почивали на Вас. Все это только начатки, но несомненный признак Божия к Вам благоволения и любви. Сам Господь Вас призывает, — будьте уверены в этом. Господь Вас много любит, а когда Вы ради Бога претерпите скорби, то еще большего свидетельства Его любви к Вам удостоитесь. А без скорбей и жертвы нельзя спастись.

«Жертва же Богу — дух сокрушен» ([Пс.50:19](#)). Помню, когда я впервые с истинным сокрушением о своих грехах пошел на исповедь, что со мной произошло. Вся прожитая мною жизнь встала предо мной как сплошная неправда. Придя к священнику, я от скорби, от слез, от сердечной болезни ничего не мог говорить, а только плакал, и поверьте, прежде чем я начал говорить о своих грехах, Сам Господь «вышел мне навстречу, и пал мне на шею и лобызал меня» (ср. [Лк.15:20](#)), и мил Ему был я, и не дожидался Он от меня, когда скажу «прости», как и в притче о блудном сыне тот сказал: «Прости, отче, согреших на небо и пред тобою» (ср. [Лк.15:21](#)) — уже после того, как отец заключил его в свои объятия. Я обвинял себя во всем, Господь же ни единого слова упрека; только радовался о том, что сын сей «изгibl бе, и обретеса, мертв бе, и оживе» ([Лк.15:32](#)). Какая это была ночь — рассказать об этом невозможно. Как любит нас Господь.

Воистину единственное правильное начало и основание духовной жизни — покаяние. В покаянии мы познаем неложно о том, что мы чада Божии. Я Вам верю и по любви к Вам не могу скрывать того, что скрываю от других. Что же до моих записок, то слово о них до другого раза отложим.

И то, что я рассказал Вам, небезопасно говорить людям, не познавшим духовной жизни, не умеющим отличать благодати от прелести, любящим все объяснять «с научной точки зрения».

Рассказать таким людям о том, что Господь простил грехи, или еще что-либо подобное — это значит «бросать святыню псам» (ср. [Мф.7:6](#)). Совсем ничего не разумея о видении Света (умного, невещественного) и других явлений духовной жизни, как, например, плач, они хулят и поносят это. Вас же да сохранит от греха этого Господь.

Рассказал Вам несколько о себе с той целью, чтобы и Вы, когда пойдете на великую исповедь за всю свою жизнь пред принятием Вас, во всем обвинили себя; грехом считайте не только очевидные грехи, но и добрые дела за нечистоту их совершения, руководствуясь правилом: «Τὸ καλὸν μὴ καλῶς γενόμενον — οὐκ ἔστι καλόν»⁵¹, или, еще лучше (по пророку), — «вся правда наша пред Богом якоже порт нечистой (жены)» (ср. [Ис.64:6](#)).

Вы утомились, быть может, от моего письма, а я хотел еще говорить о том, в чем Ваше «неверие» и как с ним бороться, но и это отложим на будущее, если благоволит Господь.

Письмо идет неделю. Подумал: если дожждаться от Вас ответа на первое, потом написать, то пройдет более полмесяца — за это время возможны многие перемены.

Говорил о Вас с отцом Силуаном; он очень Вас любит и много со слезами умоляет Бога о Вас. Для меня большая радость знать, что Вы такие друзья о Господе.

Узнал я, что молятся о Вас иеромонах отец Пинуфрий, пустынный отец Лукьян и другие; самое доброе впечатление о Вас осталось у многих; отец Василий, например, постоянно Вас вспоминает.

За два дня урывками написал Вам это письмо. До получения от Вас новых вестей (о, дал бы Господь добрых) писать не буду.

Любящий Вас о Господе недостойный
иеродиакон Софроний

Письмо 3. Сомнения

О победе над искушениями. О «жестокости» написанного слова

Афон, 12 августа 1932 г. [52](#)

Дорогой, возлюбленный о Господе брат, всечестнейший батюшка отец Давид!
Благословите.

Предполагал не писать Вам до получения от Вас новых вестей, но, видите, не в силах был дожидаться их от Вас. Так исскорбелась душа за эти дни — почти до отчаяния.

Не знаю, что и сказать. Боюсь уже отяготить Вашу душу каким бы то ни было словом или советом. Одно только — не сомневайтесь в том, что принятое нами совместно решение совершенно согласно с волею Божиею. Скорби, трудности, препятствия в данном случае только свидетельствуют о богоугодности начатого дела. Подумайте, так легко было бы все сделать в Сербии, у Варнавы; или во Франции — у митрополита Евлогия; или в Чехии у епископа Горазда, — но это не значило бы, что так лучше.

Если Вы теперь выйдете победителем, то во всю последующую жизнь будете благодарить Бога, обогатившись истинным богатством, из которого будете черпать себе и другим средства на борьбу с врагом до самого гроба.

Если бы возможно было, я с радостью понес бы за Вас все Ваши настоящие унижения и скорби, потому что Господь дал мне на опыте познать их пользу. Простите меня, потерпите еще немного, не лишайте меня любви Вашей и покамест доверия.

Жалею, что мы лишены теперь возможности живой беседы, а в письмах так трудно высказаться; написанное слово часто кажется «жестоко» ([Ин.6:60](#)) и нестерпимо.

День и ночь умоляю Господа и Божию Матерь, чтобы даровали Вам мужество пойти с нами на Крест, на Голгофу, чтобы потом достигнуть и Воскресения.

Молитесь за меня; я люблю Вас и предан Вам всей душою.

Ваш недостойный о Христе брат

грешный диакон Софроний

P.S. Простите меня, дорогой отец Давид, что я, не предполагая желания у отца Силуана написать Вам что-либо, не спросил его своевременно и поэтому не отправил Вам его письма вместе с моим вторым письмом, хотя по времени это было возможным. Теперь посылаю Вам это письмо от 31 июля.

Часть вторая. Принятие Православия

«... стойте в вере, будьте мужественны, тверды» ([1Кор.16:13](#)).

Письмо 4. Новоначалие

Об истинном приобщении благодати. О благородстве по человеку. О чувствах при благодати. О даре веры. Благодать у послушливого заменяет старца

Афон, 3 (16) сентября 1932 г.⁵³

Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!

Христос посреде нас!

Глубокочтимый дорогой батюшка отец Давид, возлюбленный о Господе отец и брат мой!

Благословите меня, теперь уже полным иерейским благословением по власти, данной Вам от Господа, и помолитесь за меня⁵⁴.

«Жена егда раждает, скорбь имать... егда же родит... ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир» ([Ин.16:21](#)). Мое внимание, вернее, молитва, все время сосредотачивалось не на том только, чтобы свершился факт Вашего присоединения к Церкви формально, внешне — это еще не так велико событие, — но на том, чтобы после исповеди, после принятия Вас в лоно Святой Церкви, особенно после литургии, Вы приобщились благодати в такой мере, чтобы уже восстали сильным духом и непоколебимым верою навсегда. Об этом со многим трудом, со скорбию, иногда с горькими слезами дерзал я, окаянный, умолять благодать Божию и день и ночь.

Великую милость сотворил с нами Господь, и мы должны без конца благодарить Его. Однако, несмотря на то что, как Вы говорите, Господь «много благословил» Вас, я, как бы от крайнего неразумия, еще не могу вполне успокоиться: хотелось большего, так как впереди много скорбей, причем скорби эти приходят оттуда, откуда не чаешь, и такие, каких не ожидал. Но Господь знает — кому и сколько и когда дать можно или нужно. Ваши последние письма принесли много добрых вестей; и я радуюсь и благодарю Господа за Его к нам милосердие. Однако Ваше жаление меня, Ваши попытки успокоить меня не очень-то меня утешают; они исходят от благородства Вашей души, но еще человеческого. Лучше мне будет, а быть может, и Вам, если покамест будете писать, не скрывая своих скорбей от меня. Вы предлагаете мне «немного отдохнуть», а я еще боюсь предаться этому отдыху. Душа Ваша покамест в таком состоянии, что еще не раз будет подвергаться мучительным, болезненным колебаниям. Что ж, надо все терпеть и смиряться. Вообще же я светло смотрю на Ваше будущее, ибо верю, что «нераскаянно призвание Божие» (ср. [Рим.11:29](#)). Вас в Церковь, и много у меня есть свидетельств особенного к Вам благоволения Божия. От предстоящей Вам необходимой переписки с Вашими бывшими католическими друзьями и начальством я не жду большого вреда для Вашей души; будут минуты тяжелой душевной борьбы, горечи, подобно тому как это случилось с Вами в связи с письмом от Вашей мамы; но все это еще отголоски старого, ветхого человека, возможные только до тех пор, покамест душа еще бедна благодатию.

При обилии благодати душою овладеют иные чувства; сердце будет томиться желанием, чтобы, если возможно, все люди познали истинного Бога и путь к Нему. Когда Господь посетит душу и она познает любовь Божию, которая по качеству и силе и сладости своей неизмеримо превосходит всякую иную любовь, возможную на земле, тогда она хочет и молится о том, чтобы и ее братья также испили от чаши Божественной любви. В переписку с ними не вступайте, — их не убедишь. Достаточно известить их о факте Вашего ухода от них с указанием, если хотите, причин, понудивших Вас на сей шаг. А все то, что они могут нам сказать, уже известно, изведено и испытано до конца. Обо всем этом со смертельною скорбию, с неисповедимыми страданиями, со многими слезами, с постоянной готовностью на смерть годами умоляли мы Господа — сказать нам, где истина, — и Господь не умолчал, Сам пришел и утешил

несказанным утешением и направил жизнь нашу по воле Своей. А люди, со своим оземленившимся умом, что могут сказать нам теперь? Милость Божия избавила нас от муки сомнений и колебаний относительно веры, и теперь уже не обретаются им места в сердце нашем.

Берегите, дорогой мой отченька, что получили; если и не очень дорого досталось, не пренебрегайте даром милосердия Божия. Вы хорошо делаете, что все внимание свое сосредоточили на своей душе; молитва и трезвение спасут Вас от мира, и от «друзей», и от врагов. Да даст Вам Господь умную молитву, по богатству милости Своей утвердиться во внутреннем человеке (см. [Еф.3](#)и далее). Посту же не очень предавайтесь. Вам нет необходимости в напряженном посте; худо будет, если ослабеете, будете унывать. До времени не решайте трудных вопросов сами; а если что случится, напишите (лучше отцу Силуану) — сами же *«не принимайте и не отвергайте»* в сомнительном случае без совета.

Отец Силуан заставляет меня написать Вам о старце для Вас. Он говорит, что если Вы будете послушливы, то Вам не понадобится старец, а сама Божия благодать будет Вас научать всему. Когда же будет нужда неотложная в старце-наставнике, тогда, будьте уверены, Господь пошлет Вам его. Если Вы расположитесь к тому, чтобы и я написал Вам когда-либо подробнее несколько о том же предмете, то за Ваши молитвы и благословение я постараюсь Вам написать несколько подробнее о послушании и старце⁵⁵, а покамест довольно совета отца Силуана.

Я очень рад, что вопрос о Валааме отпал. Это было искушение. Владыка, как я думаю, сначала по человеческому чувству уступчивости и снисходительности согласился на Ваше предложение, — но все же Вы решили вопрос хорошо; то есть если бы владыка и после Вашего заявления о том, что Ваши афонские друзья против этой поездки, все-таки решил Вас послать туда, то нужно было бы ехать.

Однако, как указала нам Божия благодать и самого владыку Елевферия, и место, так и будем держаться сего до новых указаний воли Господней о нас. (То есть о Вас, но по причине тесной связи душ наших о Христе, — я все время как-то невольно говорю о «нас», хотя речь идет только о Вас.)

Недостаток времени понуждает меня торопиться и сокращать письмо. О многом хотелось говорить, но если Господь соблаговолит, в другой раз то сделаем. Дело в том, что среди многих хороших мыслей Ваших о старце, о поведении Вашем с Вашими будущими собратьями по монастырю, о скорбях, о подвигах и другом покамест еще у Вас есть и ошибочные некоторые понятия и представления об этих предметах.

Многие подробности о Вашей жизни интересуют меня; так что, если не трудно, напишите мне в утешение. Так, например: есть ли Церковь в Гайжунах? Каким образом состоялось принятие Вас — в храме или в простом доме? Служили ли литургию в тот день; и вообще есть ли у Вас возможность служить литургию в Гайжунах. Сообщите мне имя Вашей мамы; удобнее молиться, когда знаешь имя. Сердце мое располагается к Вашей маме, хотя я ее совершенно не знаю. И в письмах, и при личном свидании с нею обращайтесь с величайшею бережностью и любовью; в самой же истине не поступайте ни на йоту.

Когда я читаю и перечитываю в радости Ваши письма, то особенно в тех местах, где Вы говорите о своей готовности на скорби, на страдания, душа моя порывается обнять Вас и лобызать лобзанием святым, как бесконечно дорогого, любезного мне брата...

С первых чисел августа на меня навалилась одна большая забота, которая отнимает у меня почти все время свободное; кроме того, последние дни я несколько болею (простудился), и это тоже меня расслабляет телесно.

Молитесь за меня, дорогой батюшка отец Давид; молитесь и Господу, и Божией Матери, Владычице нашей. И я, как меньший брат Ваш о Христе, не перестаю молиться о Вас.

Преданный Вам до конца дней своих, любящий Вас о Господе недостойный брат Ваш
иеродиакон Софроний

P.S. Прилагаю письма отца Силуана и отца Кассиана.

Письмо 5. Крестный путь Православия

О радости скорбям. Молитва рождается в обстоянии. О распятии Православной Церкви. Скорби суть печать избрания Божия. От душевного к духовному. О молитве умной и за богослужением. О плаче и как надо приближаться к Богу

Афон, 16 (29) сентября 1932 г.⁵⁶

Христос посреде нас!

Дорогой, возлюбленный о Господе отец мой и брат, отец Давид!

Благословите.

В воскресенье получил Ваше большое письмо⁵⁷. Жалею, что мы разделены таким большим расстоянием: письма идут неделю и более. Потому жалею, что мне хотелось бы, чтобы письма Ваши ко мне, а мои к Вам достигали возможно скорее, приходили бы в то время, когда в них наибольшая нужда, а не с опозданием, говоря часто о прошедшем. Свое последнее письмо писал Вам в то время, когда Вы наиболее мучились и сами писали мне большое письмо. К сожалению, не осталось у меня заметки о письме моем к Вам, и я не знаю толком, что из того многого, что хотел Вам сказать, написал и чего не успел за недостатком времени. Весь август и сентябрь все свободное время я вынужден был отдавать на одно важное дело, которое возложил на меня отец игумен, и поэтому не мог при всем желании писать Вам. Да и теперь есть много препятствий. В понедельник, в ночь на Воздвижение, во время бдения (по-нашему в три часа ночи) произошло сильное землетрясение, которое продолжается до сих пор, правда, с меньшей силой, чем это было в первый момент, но все же сильно. Наш монастырь пострадал покамест, по милости Божией, меньше других, но вообще разрушения и жертвы велики, особенно в северо-западном направлении от Афонского полуострова, где, по слухам, открылся даже кратер, вытекала лава, и сейчас пишу, а земля гудит, и все здания сотрясаются. Это лишает меня должного покоя и твердости.

Писать Вам я всегда готов с великою радостью, так как это для меня заменяет несколько живую с Вами беседу. Теперь, связанный с Вами вечными узами любви о Христе Иисусе Господе нашем, теперь, когда на всей земле нет для меня более дорогой души, чем Ваша, я, поскольку помогает Господь⁵⁸, духом пребываю с Вами, скорблю Вашими скорбями и радуюсь Вашим радостям (которых покамест немного у Вас). Ныне, дорогой отец Давид, я, грешный, благоговею перед Вами по причине переживаемых Вами скорбей за имя Сладчайшего, Прелюбезнейшего нашего Господа. Мужайся, крепись сердцем, дорогой, возлюбленный о Господе брат мой, отец Давид. Господь благоволит о Вас много. После познаете правду этих слов. По-человечески я готов желать Вам избавления от скорбей, постигших Вас, но по духу радуюсь даже. Помните слова Господа апостолу Петру: «отойди от Меня, сатано... яко не мыслишь яже [суть] Божия, но еже человеческое» (ср. [Мф.16:23](#))? Страшное, безумное слово — радуюсь, когда Вы в такой великой скорби!

Истину говорю, я знаю человека, который много раз не только взирал на страшную адскую бездну, но и висел над нею, и даже как бы погружался в нее, но Рука Божия извлекала его оттуда. Ходил он по земле, и люди с ним говорили, но он не чувствовал под ногами земли, а была под ним бесконечная черная пропасть. Тело омертвевало от скорби. Описать ужас, переживаемый душою в то время, невозможно. Время для нее только как бы ниточка, за которую она привязана и покамест висит над бездною, а кругом себя видит она бесконечность, но еще погибельную — ад, где нет конца страданиям. Пребывая в такой беде, душа научается настоящей молитве.

Знаю, что как ни велики различные скорби, постигшие Вас, однако наибольшая состоит в

том, что душа Ваша *не уверена* в истинности пути, на который вступила. В одном из писем своих Вы писали мне, что хотите потерпеть скорби, хотите страдать, а теперь, когда пришла на Вас скорбь, — мужайтесь, но впредь никогда не «желайте страдать», а предавайтесь на волю Божию. Об этом, то есть чтобы не искать самовольно скорбей, но только быть готовым терпеть все находящие на нас скорби, пишет, если припоминаете, и святитель Иоанн Златоуст и многие другие святые отцы.

Поверьте, дорогой, что если я когда-либо позволю себе употреблять имя «католики», «католичество», «католический», указывая недостатки их или ошибки, то буду делать это не с тем, чтобы поносить их (да сохранит меня Господь от сего), но для того только, чтобы просто и открыто сказать, где это окажется нужным, о том, что не у них истина. В данном же случае могу сказать Вам, чтобы Вы не смущались душою, видя значительное превосходство католичества по сравнению с Православной Церковью — в отношении внешней организованности и порядка дисциплины (ибо это земля). Не соблазняйтесь также и тем, что в настоящее время Православная Церковь воистину *распята* (это преддверие неба). Литва в духовном отношении никогда высоко не стояла, и Вы не судите о Православной Церкви по Литовской епархии. Но об этом почему-то мне все хочется несколько отложить беседу на будущее, хотя Вы и искушаетесь этим обстоятельством. У меня другая забота, мне хочется, чтобы Ваша душа замкнулась в самой себе и увидела совершающееся в ней великое и важное.

Но не пришло время вмешиваться мне в разбор переживаемого Вами; молю Господа, чтобы Он Сам, по благодати Своей, научил Вас, дал бы Вам духовный разум. Величайшую благодарность должны мы приносить Господу уже и теперь за то, что Он дал уже Вам познать, что (как Вы сами пишете) «это реальная жизнь, действительное подлинное бытие». Да, «надо благодарить Господа, что Он *удостоил* нас так жить и не оставил нас в жалком мираже, и призраке, и иллюзии обыкновенной мирской жизни». За эти слова Ваши, то есть чтобы услышать их от Вас, я и молился Милосердному, хотящему всем спастись (ср. [1Тим.2:4](#)). Но знайте, что все это только предварительное обучение души для Царствия Божия.

Мужайтесь, дорогой мой, возлюбленнейший брат мой. Все святые отцы наши учат нас, что скорби есть печать избрания Божия; скорби Господь посылает сынам Своим, которых приемлет и о которых печется так, как ни одна мать не печется о чаде своем...⁵⁹ Вы сами не замечаете того, что Дух Божий почивает на Вас, но у Вас еще нет подлинного духовного разума. Так мало людей, уразумевающих это. А если кто поймет и благодарит Господа за скорби, тому дано будет знать тайны Царствия Небесного. Наша радость прежде всего духовная. Плотию же (то есть всем, что принадлежит миру сему) мы распяты. Во Христе Иисусе «мне мир распятся, и аз миру» ([Гал.6:14](#)).

Теперь Вы начинаете приближаться к тому, что я Вам писал в первом письме своем: «*И это будет*». Получая Ваши первые письма, я много предавался беспокойству о том, чтобы Вы не истолковывали мои слова, как не должно; теперь же, видя, как благодать Божия ведет Вас на путь истинного понимания, благодарю Господа и Божию Матерь, сам же несколько успокаиваюсь, но еще не совсем.

Есть еще неправильности в Вашем устроении, и я день и ночь боюсь за Вас, как бы не прельстил Вас враг. Особенно теперь, когда Вы пишете о том, что так подвержены раздражительности. Больше покоя душевного, *не ждите* ничего и *ничего не принимайте* без совета, но покамест и не отвергайте чего-либо сомнительного для Вас, то есть когда не уверены будете — благодать ли или прелесть вражия. Хорошенько разберитесь в сказанном. *Не отвергать*, когда не ясно, но и *ничего не принимать* без совета...⁶⁰

Достигнув по благодати Божией «в соединение веры», будем верить, что содействием той же благодати достигнем и «в разум неприступной Его славы»⁶¹. Когда я обдумываю

случившееся с Вами, то удивляюсь без конца. Ведь только говорить боюсь (чтобы не дать повода к борьбе с тщеславием или гордостью) о том, сколь многозначительное событие в Вашей жизни произошло. Слава и благодарение Господу, давшему Вам решимость пойти на все это! Обычно люди, не только перешедшие в Православие из других церквей, но и сами православные не понимают толком божественного величия нашей веры, духа православной жизни. Обычно, и перейдя в Православие, люди не в состоянии бывают подняться от земли. Пример: англичане в Лондоне, принявшие православную веру. Во всех их рассуждениях, во всех их взглядах на вещи, на жизнь, на спасение — земной человеческий подход, плотское, душевное, гуманистическое понимание и мудрование. В этом отношении Вам Господь помог стать много выше, и желание сердца моего, чтобы Вы не только удержались на этой высоте, но и поднялись бы выше, до подлинного духовного разума. Не хочу идти дальше в похвалах, так как на опыте познал вред их для души. Лучше нам «старое забывая, простираться вперед» (ср. [Флп.3:13](#)).

Уверенный в том, что Вы не сомневаетесь в моей во Христе любви к Вам, я больше склоняюсь к тому, чтобы говорить о еще существующих пробелах и отклонениях от истинного, как мне кажется, понимания Вами некоторых вещей. Знаю, что, делая это, я выхожу из должных для меня рамок и рискую обнаружить свое неразумие, но «кротость... Давида» ([Пс.131:1](#)), благословенного раба Божия, дает мне дерзость высказываться по некоторым вопросам, когда мнения наши расходятся. Простите, что пишу так небрежно; быть может, Вам трудно будет и читать, но обстоятельства меня понуждают торопиться, к тому же не чувствую себя спокойным, слыша подземный гул. Думаю, что и не смогу написать на этот раз много из того, что хотел бы написать. Вообще никогда не предполагал я писать что-либо о духовной жизни и потому теперь оказываюсь бессильным коротко, но в то же время ясно выразить свои мысли. Прошу Вас снисходительно относиться и к этому моему недостатку, подобно как и к другим.

Вы пишете, что «решили жить *волею*, а не разумом или чувством». Не надо так, дорогой. Это к добру не приведет. О воле рассуждайте подобно рассуждению о мужестве. Предаваться в волю Божию, несомненно верить в Его любовь к нам и милосердие; иначе так опрокинет Вас враг, что и костей Ваших не собрать потом.

Напишите, если можно, мне⁶², с каких пор Вы стали упражняться в умной молитве. Когда это «раньше» было для Вас тяжело заниматься этим деланием? Кто Вас учил этому? Какие книги Вы читали об этом делании раньше и теперь читаете? Как вообще Вы делаете это? Простите меня, дорогой отец Давид, что я позволяю себе спрашивать Вас об этом. Если бы с Вами был человек, хотя немного знающий о сем предмете, то я не дерзнул бы Вас спросить. Еще и потому спрашиваю, что боюсь, что в Вашей душе живут еще неправильные понятия некоторые о молитве от Вашей прежней жизни; а также боюсь вреда для Вашей души от некоторых привычек, приобретенных Вами раньше в молитве. Ваше последнее письмо, из которого мне ясно стало, что Вы не умеете правильно поставить себя во время богослужения, заставляет меня обо всем этом побеспокоиться. Во время богослужения ум и душу отдайте Богу и не обращайтесь внимания на то, как поют, стоят, молятся, ведут себя другие. Замечаний никогда никому не делайте в минуту раздражения. После, если будет веселое состояние духа, можно сказать осторожно (и даже подарить что-либо мальчишке). Сосредоточьтесь на себе самом, или лучше, в Боге. Не думайте о будущем; не загадывайте, хотя некоторые люди, вроде меня, говорят Вам о будущем. Себя спасайте прежде всего. Об этом Вы хорошо написали мне в последнем письме.

Дорогой, простите, потерпите; невозможно теперь написать Вам о многом очень и очень существенном. Покамест я писал эти немногие страницы, уже несколько раз потрясало все здание с гулом, и воем, и треском. Если Господь даст, будем живы, обо всем поговорим во славу Его.

Относительно Вашего излишне напряженного стремления к плачу и сокрушению: к Богу, Который «[есть] огонь поядая» ([Евр.12:29](#)), надо приближаться как можно тише, спокойнее, благоговейнее (см. «Едино на потребу», с. 16). Всячески надо оберегаться от искусственного нервного, *кровяного* возбуждения и от мечтательности. Простите; говорю в предупреждение, по любви своей к Вам. Католики, как мне приходилось слышать, именно этими недостатками и страдают. Поэтому у них наблюдаются случаи стигматизации и видений чувственных (вернее — привидений). С другой стороны, некоторые путают духовное с душевным или, совсем не понимая первого, то есть духовного плача, последний, как душевный, подвергают осуждению. Дай Господь [63](#) познать Вам истинную, непрелестную умную молитву и духовный плач. А только скажу Вам, что дар сей очень немногие (единицы, подобно старцу отцу Силуану) получили скоро и сравнительно легко за смирение свое. Большинству же приходится трудиться и подвизаться смертным подвигом; много бурь, и опасностей, и скорбей на этом пути. К плачу не стремитесь слишком упорно, давя на сердце свое. Если сейчас нет (потому что еще не приготовлено к нему сердце страданиями), то позднее будет; придет, когда мы познаем свою нищету в подвиге поста, послушания и молитвы.

Читайте жития святых: особенно славянские Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского. В связи с помышлениями о Вас часто вспоминаю житие святого Великого Евстафия Плакиды (20 сентября). Читайте святоотеческие писания. Когда умным очам нашим предстанет образ евангельского человека, каким нас хочет увидеть Господь, когда мы воистину осознали свое худородство по сравнению с тем божественным благородством, к которому хочет нас возвести Господь, когда увидим, как далеки мы от действительного спасения, тогда невольно рыдаем, горько плачем, но Господь горечь скоро предлагает на сладость [64](#).

Хотелось Вам сказать несколько по поводу Вашего испытывания относительно того, как Вам относиться к некоторым предсказаниям, но время не позволяет [65](#). Хочу говорить в мирном и спокойном духе. Я и сейчас, по милости Божией, мирен, но все же тороплюсь кончить это письмо (полтора часа пишу).

Дай, Господи, познать Вам, что благоволящая воля Божия привела Вас в Гайжуны, к митрополиту Елевферию. Будем вместе благодарить Бога. Вам нужно побыть одному, и этого Вы не получили бы нигде в такой мере, как в настоящее время в Гайжунах. С людьми, Вас окружающими, хотя бы они и благочестивы были, не говорите о том, о чем мы с Вами беседуем.

Молитесь, дорогой отец Давид, за меня окаянного; умолите Господа и Пресвятую Владычицу помиловать меня в День Судный.

Благословите меня.

Ваш недостойный меньший брат о Господе
грешный иеродиакон Софроний

P.S. Вы очень любезны и предусмотрительны в своем предложении прислать нам (отцу Силуану и мне) деньги на почтовые расходы. Это освободит нас от необходимости выпрашивать всякий раз на марки. Только очень прошу — самую ничтожную сумму пришлите, действительно потребную на почтовые марки. Никакой другой нужды у нас нет.

Письмо 6. Об основах духовной жизни

Внутреннее делание — единое на потребу. О радости духовной и плотской. О выборе старца. «Стойте в вере». Об истинно великом. Об уразумении Креста и подвига веры. Начало духовной жизни — борьба со страстями. О ведении истины и духовной основе ее восприятия

Афон, 6 (19) октября 1932 г.⁶⁶

Глубокочтимый батюшка отец Давид, возлюбленный о Христе брат мой!

Начиная это письмо, призываю на него Ваше благословение и прошу у Бога помощи мне за Ваши молитвы.

Последний месяц, от постоянного переутомления, я дошел до болезненного истощания и много страдал из-за этого. Сегодня чувствую себя несколько лучше и поэтому решил начать Вам письмо, которое смогу отправить не ранее воскресения (так как почта ходит один раз в неделю, именно по воскресным дням). Если бы я чувствовал себя здоровым, то давно написал бы Вам что-нибудь в ответ на Ваше большое письмо⁶⁷, но и теперь, к сожалению, я не чувствую себя в силах с должным настроением и обдуманностью написать Вам о некоторых труднейших вопросах, затронутых Вами в вышеуказанном письме Вашем. Во всяком случае, беру побольше бумаги и буду писать Вам, нагромождая одно на другое, надеясь, что Вы свяжете все в своем уме в одно целое.

В большом письме⁶⁸ Вы пишете: «Я большой реалист, у меня жажда подлинного бытия; я не могу жить фразами и мечтами, или же если я чувствую, что так живу по немощи или по принуждению, то мне бывает стыдно и печально». Я радовался, читая эти мысли и чувства Ваши, которые достойны мужа благоразумного.

Но удивляет меня, как же это в Вашей душе рядом с такими достойными похвалы мыслями и стремлениями уживаются совершенно юношеские движения души. В последнем письме пишете так: «Почти невозможно сосредоточиться, молиться внимательно, *чувствовать*, кто я такой, что я делаю здесь и прочее»⁶⁹. Разве Вы забыли уже, почему Вы туда поехали? То есть по сознанию, что это делаете по воле Божией, о чем раньше писали. Да, и это сознание надо крепко удерживать в чувстве сердца⁷⁰. «Чувствовать, кто я такой!» Грешник недостойный; а иначе что же можно чувствовать? Это у Вас какое-то тщеславное самолюбование; надо с этим бороться, а то мы дойдем до смешного и глупого состояния. «Что я делаю здесь?» Господь дает Вам время на покаяние, место, удаленное от суеты, покой, необходимый для молитвы и самоиспытания. Господь дал Вам и материальные средства к жизни, чтобы Вы имели возможность без излишних забот о хлебе земном все свое попечение приложить на стяжание Царства Небесного. Это и другое, подобное этому, должно сознавать и благодарить Бога за все эти благодеяния; а обращаться вниманием на рассматривание себя извне, на тщеславное самолюбование совсем не должно. За это даже каяться нужно пред Богом.

Но Вы еще не имеете ни опыта, ни даже знания о том, что же Вам делать. Вот и познайте немощь свою. *Бездействие* пустынной жизни Вам недоступно совершенно. Привыкли Вы к деятельности внешней, а внутренняя жизнь для Вас совсем неведома. Этому Вы должны поучиться, об этом подумать. Нам нужно привыкать внимание ума своего обращать на рассматривание сердца: что в нем делается, о чем оно помышляет, какими чувствами живет, в каком состоянии находится, то есть согласном ли с заповедями Божиими или обуревается страстями (гневом, раздражительностью, блудной страстью, самолюбием и прочим). Это постоянное засматривание в свое сердце с *молитвою* должно довести до того, чтобы ум с сердцем стали неразлучными. Тогда Вы познаете⁷¹ подлинное бытие, которого жаждет Ваша душа⁷². Когда Вы ходите по лесу и размышляете, то берегитесь от мечтательности. Хорошо

тогда читать устами Иисусову молитву и думать о Боге. Хорошо и тогда и в другое время изучать душу свою, наблюдая за нею.

Вы знаете хорошо, что бывает печаль «по Бозе» (богоугодная) и бывает о мире (богопротивная), также и радость или веселие бывает по действию благодати, а бывает и *бессловесная* (бессмысленная, ἄλογος) от врага. В последнее время я опечален именно тем, что Вы теряете серьезность отношения к делу своего спасения; повеселели Вы каким-то плотским веселием⁷³; так что душа моя не хочет и говорить о том, что нам так существенно важно.

Дорогой отец Давид, простите меня за придирчивость, за то, что я ловлю Вас за каждый промах Ваш, но я это делаю потому, что в будущем (быть может, недалеко) Вы уже не найдете человека, который по чувству неложной любви укажет Вам Ваши ошибки, а это для нас так нужно (то есть когда кто по доброму чувству указывает нам на наши недочеты). Вам нужно теперь же учиться по-настоящему духовно испытывать себя, а то как мы поможем другим, которые будут просить нас научить их этому необходимому для нашего спасения деланию. Я очень хочу, и молюсь об этом Богу и Пресвятой Владычице нашей, чтобы у Вас воспиталось духовно-аскетическое чувство, чтобы не остались Вы на общем среднем уровне душевного понимания христианской нравственности.

Приложим заботу о том, чтобы в нас возрастали чувство страха Божия и сознание величия нашего звания христианского; не допустим овладеть нами бессловесной плотской веселости⁷⁴. Нам шутить не приходится. Впереди либо спасение⁷⁵, к которому ведет узкий, скорбный, слезный путь, либо ад — к которому проложена широкая веселая дорога. Не надо распускаться, а, наоборот, покрепче препоясать чресла. Когда придет помысл: «Зачем я здесь?», то хорошо подумать о том, что «не имамы... zde града пребывающего, но грядущаго взыскуем» ([Евр.13:14](#)).

Раньше Вы писали о своем желании поскорее найти старца. Но знаете ли Вы о том, какой Вам нужен старец? Чтобы с Вами справиться — старец должен быть чудотворцем, иметь дар прозорливости и пророчества и учительства, быть во всем совершенным, бесстрастным, подобно преподобному Серафиму. А если Вы попадете к старцу, у которого кроме дара рассуждения ничего особенного вышеестественного нет, то Вы не уживетесь с ним. У Вас нет еще к тому психологической подготовки и простоты веры. У Вас надо благочестиво убить не только волю, но и разум Ваш⁷⁶. Нет у Вас и доверия. Бродите Вы, как молодое вино. Впрочем, Вы хорошо сделали по отношению ко мне, неоднократно пытая меня, почему я сказал то и другое; например, «на каком основании Вы *предсказываете* это или принять ли Ваши слова буквально или нет?» И в другом месте: «Если нет у Вас полной уверенности, ничего не *обещайте* и не *предсказывайте*; а если есть, то делайте это более ясно, если это возможно»; и особенно Вы обратили внимание на следующие мои слова: «*Не на простое обычное место Вас зовет Господь, но на большее служение и больший обычного подвиг*».

Дорогой мой, помните, что я собрат Ваш, и притом меньший Вас; не требуйте от меня многого, ибо я нищ, и убог, и боляй, и ничтоже есмь. К словам моим относитесь *проще*, извиняя мне мою немошь⁷⁷. Я же впредь буду избегать такой формы беседы с Вами и всегда, говоря о будущем, добавлять *быть может*, а если когда забуду это сделать, то Вы сами добавьте. Еще при беседе нашей личной на один из подобных вопросов я ответил Вам то, что есть на самом деле, то есть что я не пророк и не прозорливец. Но думаю, по благодати Божией, что так будет; то есть что Вы должны потрудиться на ниве Христовой в поте лица своего. Похваляя Вашу требовательность по отношению ко мне, я вообще не сочувствую ей, когда это Вы делаете по отношению к другим. Не то что Вы много читаете в сказанном Вам или придаете словам большее значение, чем следует, а думается мне, что еще торопитесь Вы и не познаете вещей так, как это должно.

Не подумайте, что я защищаю себя или дерзаю на какое-либо сравнение, но в связи со всем этим мне приходит вопрос, как должен отец Давид не любить Апокалипсиса и других пророческих книг и даже некоторых мест в Евангелии и в посланиях за их именно неопределенность и неясность, не поддающуюся часто толкованиям. Отныне «положу хранение устом моим», чтобы удовлетворить Вашему желанию, так как не только будущего, но и настоящего я не знаю толком.

Вы пишете: «Но если это не так, если я по своему реализму, своей жажде непосредственного духовного опыта читаю слишком много между строками Ваших писем и приписываю Вашим словам большее значение, чем следует, то это очень опасный уклон, способный ввести меня или в прелесть, или в разочарование и отчаяние». Да сохранит меня Господь, как я уже и раньше писал Вам, чем-либо повредить делу Вашего спасения. Вся моя забота о том, чтобы, поскольку это в моих слабых силах и разуме, указать Вам на путь к подлинному бытию⁷⁸, по которому Вас поведет благодать Божия, а сам я отойду от этого непосильного мне дела.

Когда Вы были мальчиком еще и Вас посещала благодать Божия, то в этом я усматриваю призывание Вас Господом и думаю, что теперь вторично призвал Вас Господь и уже окончательно на путь, Ему благоугодный. Но, дорогой, не назад должны Вы теперь возвращаться чрез знакомую страну к знакомой цели (как Вы пишете); это было бы печально; нет, Вы должны идти на путь новый (то есть дальнейший) и к цели, еще не познанной Вами (не достигнутой), и чрез страну, еще не знакомую Вам⁷⁹, подвиг, о котором Вы еще и представления не имеете. Обманывать Вас нет для меня никакого смысла; многое, очень многое зависит от веры Вашей. Когда же по благодати Божией уразумеваете Вы то, о чем я, окаянный, говорю Вам, тогда уже не будете колебаться Вы в вере своей или смущаться по причине внешней неурядицы в жизни Церкви и другого. Тогда вера Ваша будет уже верою ведения (хотя еще и несовершенного), а не «от слуха» (см. [Рим.10:17](#)). Тогда, если и весь мир отступит от истины, Вы не поколеблетесь, подобно Аврааму, который в свое время оставался едва ли не единственным носителем истинного богопочитания⁸⁰; и я, недостойный, молюсь о том Господу, чтобы окрепла вера Ваша и чтобы позднее Вы помогли и другим — братьям Вашим, подобно тому как некоторые люди со всею любовью и многими молитвами и скорбями помогали Вам. Нам нужно связаться крепчайшими, неразрушимыми узами любви Христовой и помогать друг другу, не щадя своих сил и даже души своей. В этой любви к брату мы познаем, что «преидохом от смерти в живот» ([1Ин.3:14](#)), то есть подлинное бытие.

Любовь Божия включает в себя все, все блага: и мудрость, и ведение, и радость, и бессмертие, и истинную свободу. То, что Вы познали в детстве, было призывающею благодатию. Вы унижаете то, что получили на Афоне, потому что еще не имеете настоящего понимания о том, что больше и что меньше, что выше и что ниже. Вспомните видение пророка Илии: «и се, мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок разоряя горы и сокрушая камение в горе пред Господем, [но] не в душе Господь: и по душе трус, но не в трусе Господь: и по трусе огонь, и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь» ([3Цар.19:11—12](#)). Видите, какая последовательность. Вспомните слова «Свете тихий, святые Славы...»

Не с целью убеждать Вас в чем-либо говорю все, ибо еще прежде, чем мы увиделись с Вами, Вас благодать Божия научила и убедила во многом, но с целью предупредить Вас, что еще много нам нужно опытно познать, прежде чем с решительностью последовать своему рассуждению, которое должно всегда быть согласным с разумом Писаний.

Вы говорите еще: «Я не неопытный в духовной жизни». И это правда, иначе бы Вы не стерпели тех слов, которые я все это время говорил Вам, но все же опыт Ваш — опыт новонаначального, и с Вами еще невозможно говорить о многом. Вы с готовностью, с радостью

принимаете слово о Кресте — и это великая милость Божия к Вам; но смею думать, что тот Крест, о котором я помышляю в беседе с Вами, еще не уразумели Вы, да еще и не пришло время к уразумению сего, и больше скажу: быть может, никогда мы с Вами и не сподобимся сей части избранных Христовых, то есть понести Крест тот. Впрочем, у Вас благословенная душа, что Вы любите отсекай свою волю.

Вообще говоря, правильная духовная жизнь может быть начата тогда только, когда человек утвердился в вере, и хотя бы это была еще вера несовершеннолетняя, то есть от слуха только, но необходимо, чтобы душа с несомненностью принимала учение Церкви и ее святых отцов. Когда же душа по дару благодати ощутит истину, тогда она становится непоколебимою в вере ⁸¹, и самая вера тогда становится другою, то есть верою опыта, ведения; но и здесь существует известная постепенность восхождения. Однако подвиг веры положен нам до самой смерти, потому что дано нам только отчасти разуметь, дано видеть ныне (то есть в веке сем) «якоже зеркалом в гадании» ([1Кор.13:12](#)). И не знаю, для кого как, но для меня этот вопрос, по милости Божией, решен, и я с радостию принимаю сей подвиг веры, удивляясь премудрости Божией, которая так искусно низлагает наш кичливый разум. Когда умным очам Вашим хотя отчасти откроется видение неисследимого богатства духовной жизни, сей небесной науки, тогда устыдитесь Вы сказанных Вами слов и увидите, что еще и начала действительного, разумного не положили.

Большее внимание и теперь и в будущем уделяйте жизни духовной, деланию заповедей, трезвению, молитве, чтению аскетических творений святых отцов, Православной Церковью принятых, и увидите, что по мере обогащения души Вашей в этом отношении и ум Ваш станет постепенно приобретать большую силу и ясность в богомыслии, в молитве и даже в богословии и понимании Писаний⁸².

Начало духовной жизни — начало борьбы со страстями. Победить страсти — наитруднейшее дело. Это победа величайшая из всех. Бесстрастие выше дара чудотворения. Побеждаются страсти долгой, упорной, тяжелой, непрерывной днем и ночью борьбою, при содействии благодати. Правильной борьбе со страстями нас научают святые отцы. А Вы еще не познали своих страстей — ни борьбы с ними; ибо если бы Вы познали, то знали бы, что Вам делать на всяком месте и во всяком положении, и не пришел бы Вам помысл: «Зачем я здесь или там, что я тут делаю?» Вы и под землей закопанный нашли бы себе дело. И воистину ничем другим так ярко Вы не могли выразить своей неопытности, как этими двумя выражениями: 1) «Зачем я здесь, что я тут делаю?» и 2) «Я не неопытен в духовной жизни».

Ничего нет удивительного в том, что Вы, страдая раздражительностью, были побеждены этой страстью и в дни, когда должны были бы испытать великую радость и мир душевный. И это за *неверствие* Ваше. Дело не в мальчике непослушном. И у нас монахи (замученные непосильными трудами, по причине бедственного материального положения монастыря) не очень-то послушны бывают и иногда поют прескверно и торопливо; но это не мешает иеромонаху молиться и совершать в мире Литургию, кроме случаев чрезмерной торопливости.

И вот, дорогой отец Давид, хотите мне верить, хотите нет, но свидетельствую Вам, что в дни 29 и 30 августа и старец отец Силуан, и я, грешный, радовались за Вас, это были дни великой к Вам милости Божией. В той буре, которую Вы пережили, Вы многому научились; будут еще и другие бури, но кто искушен был, тот сможет и искушаемому помощи. Во всем этом нет ничего, так сказать, незаконного. Однако скажу: враг сильно борется против Вас. С какою болезнью я все те дни (до 29 августа — ночью) молился за Вас. Но милостив Господь, и, быть может, возрастит Он на земле сердца Вашего древо, в листе которого найдут себе убежище многие птицы небесные (ср. [Лк.13:19](#)).

Мне самому пришлось переживать много раз подобные бури-искушения. Впрочем, между

нами та разница, что я всякий раз с *доверием* шел куда бы то ни было, томимый, как и Вы, жаждою подлинного бытия. Сколько я перестрадал душою за десять лет моей жизни (от 16 до 26-летнего возраста)!⁸³ (Да и теперь страдаю, но по-другому уже.) Но милосердный Господь пожалел меня, и когда я скорбел даже до смерти, посетил окаянную душу мою, которая с такою ретивостию убегала от Него, конечно, по неведению, и избавил меня от бесплодных исканий. После этого дух любви напал на меня, и душа моя загорелась желанием, ревностью о спасении братьев моих. Я не проповедовал, не учил, никуда я с этими целями не ходил, то есть чтобы обращать людей к истине, но только молился об этом, умолял Господа, чтобы Он и другим дал познать Себя. До сих пор мне кажется, что горячие слезы текли у меня во время молитвы не из очей только, но из всего существа. Все тело исполнялось странным желанием быть пригвожденным, распятым, только бы люди познали свет жизни во Христе. (Я не все Вам рассказываю.) Дух с несомненностию свидетельствовал об истине.

Преподобный Григорий Синаит пишет: «Под ведением истины разумей собственно благодатное чувство ее. Прочие же мысли надлежит называть проявлениями разумений ее и показанием предметов ее»⁸⁴. Это все к обсуждению того, что Вы написали, а именно: «Пока Господь каким-нибудь образом не просветит меня... я всегда буду подвержен искушению против Православия, или против всякой веры в какую-либо истинную Церковь. Это может продолжаться годами... У меня нет того спокойного убеждения, которое я вижу у других православных. Я признаю, что Православие есть истина... но почему (в области духа, а не ума)».

Здесь мы встречаемся с одним из самых трудных вопросов в духовной жизни, который явился камнем преткновения для многого множества мудрецов века сего. Я никогда не думал письменно излагать свои мысли о духовной жизни, тем паче о столь трудных предметах ее, сознавая свое невежество и неопытность. Поэтому прошу у Господа помочь нам — Вам и мне: Вам — понять с полуслова, снисходительно относясь к моему изложению, а мне, неразумному, — выразить в слове то, что почти невыразимо словами, так как это жизнь духа.

Вера трудна для всякого человека, привыкшего жить рассудочно. Но знать должно, внимательно изучив себя, что ум человеческий, крайне ограниченный, не может самостоятельно проникать в Божественные тайны⁸⁵. Предшествует вера, которая⁸⁶ несравненно тоньше, и совершеннее, и бесконечнее ума. После уже, чрез опыт духовный, человек достигает того, что и умом начинает уразумевать истину. Объяснить это невозможно человеку, покуда он опытно не познает духовной жизни. Так вот и божественный Григорий Синаит говорит, что истина познается духом, — есть благодатное ощущение ее, а уже уразумение ее и выражение в слове бывают последствием сего благодатного чувства⁸⁷. И Вы, дорогой, говорите: «Я признаю, что Православие есть истина... но почему — в области духа, а не ума». Возлюбленный о Христе брат и отец мой, доверьтесь этому духу.

Искушение для Вас в том, что Вам враг внушает все время помысл о необходимости *рассудочного усвоения истины*, которому он отдает преимущество пред якобы слепою верою, низводя последнюю в своем значении до нуля. На этом камне преткнулось почти все современное человечество; но Вы не поддавайтесь этому, иначе, как и раньше я Вам написал, а теперь и Вы сами это говорите, враг отнимет у Вас всякую веру. Не хватит у меня ни сил телесных, ни разума, ни времени писать о значении и свойствах веры, да это для Вас и не нужно, Вы сами знаете об этом более, чем кто-либо. Враг Вас сбил уже на неправильное понимание: Вы говорите, что решили «жить *волею*, а не *умом и чувством*». Жить надо *верою* в Господа, упованием на милость Его, преданностью воле Его. А если волею, то в том разве смысле, что вера наша зависит от нашего произволения — воли. Если иначе — падение неизбежно.

Утвердившись в вере, Вы потом найдете бесконечное количество доказательств истинности

Православной Церкви и веры: и 1) богословского характера; и 2) нравственного, аскетического; и 3) исторического. Вам станет несомненно ясным, что Православная Церковь отличается от всех других в трех отношениях:

1) что она единственная истинствует вполне в своем богословском учении;

2) что единственно она в полноте ведаёт тайну благодатной, святой жизни и хранит в полноте благодать;

3) является старейшею, коренною, основною, от которой откалывались в разные времена большие или меньшие части.

Второй день пишу; устает рука — и вообще чувствую себя не вполне здоровым. Помолитесь обо мне, отец Давид. Я много надежд возлагаю на Ваши за меня молитвы; и сам я молюсь за Вас больше всех и прежде всех (покамест). Обещаю Вам молиться за Вас до гроба, а если дарует такую благодать мне, окаянному, Господь, то и по смерти своей буду молиться за Вас, как за самую дорогую, родную мне душу.

С радостью молюсь я и за Вашу страдающую маму, и за сестру-монахиню. Как знать, может быть, Господь порадует нас и их приходом к нам; но это дело великое и в руках Божиих. Молитесь об этом — хотя еще Вы и не можете молиться с полною уверенностью, но не смущайтесь этим. Молитесь. И за Россию молитесь, и за всю Церковь, и за всех людей. Это Ваше призвание, служение таково Ваше — иерея Божия — приносить молитвы о всем мире.

Еще немного остается бумаги, наберусь сил и напишу в заключение, что если отяготилась душа Ваша моими укорениями и неразумным многословием, то простите меня.

С молитвою и страхом Божиим обдумайте вопрос, в чем состоит собственно реальная (не воображаемая, не мечтательная) жизнь духовная. Мы, живя в теле, не можем пребывать постоянно в такой благодати, чтобы ощущать себя бессмертными — препобедившими смерть, воскресшими прежде, чем умерли.

Нам нужно знать, когда мы с Богом и когда удаляемся от Него; нужно знать, что нам делать на всяк день, чтобы пребывать в Боге, приближаться к Нему⁸⁸. Дай Вам Бог уразуметь, что когда мы умом сосредоточены в сердце с молитвою, памятью о Боге, то это есть дар благодати Божией, залог будущей жизни вне вещества, вне формы и цвета⁸⁹.

«Бог есть дух» ([Ин.4:24](#)), и служба Ему духовная — то есть чуждая вещества и того, что свойственно веществу.

Для Вас же лучше всего покамест знать, что когда мы смиряемся, истинно каемся, когда у нас есть умиление, то, сами не разумеая того, мы пребываем во внутреннем человеке, мы в истине, с Богом. Наоборот, когда рассеемся умом, то это по действию тщеславия — от забвения и неведения, тогда мы удаляемся от Бога.

Гордость — корень всех зол. Бойтесь засматриваться на себя, у Вас есть эта привычка (то есть страсть): «Зачем я здесь?», «Что я делаю?», «Вот я не чувствую себя православным» (скоро, *быть может*, почувствуете), «Вот я какой», «Вот обо мне говорят, пишут», «Вот моя тень», «Вот какая у меня борода», «Вот меня зовут» и так далее. Простите и не сердитесь на меня за шутки.

Я часто прошу Господа и Божию Матерь помиловать меня за Ваши молитвы и теперь прошу Вас благословить меня с любовью.

Преданный Вам Ваш меньший недостойный о Христе брат
грешный иеродиакон Софроний

P.S. Землетрясение все еще продолжается. Правда, колебания почвы стали более редкими и менее сильными, но все равно было бы лучше, если бы Господь помиловал нас, грешных, и отвратил праведный Свой гнев. Сведения, которые я Вам написал в прошлом письме, кажется, оказались неверными. Но я теперь толком не знаю, газет не читал, а слухам монашеским

доверяться нельзя.

Письмо 7. О науке послушания

Преткновения в вере. Как найти старца и как относиться к его слову (о слове по благодати, по опыту и в утешение). Об исполнении слова. Об утверждении в Православии. Слово о трех крестах. «Держи ум во аде». О большой благодати

Афон, 15 (28) октября 1932 г.⁹⁰

Христос посреде нас!

Глубокочтимый батюшка отец Давид, возлюбленный о Христе брат мой!

Благословите меня и помолитесь обо мне, грешном⁹¹.

Сколько уже раз доходил я до изнеможения, молясь непрестанно о Вас. Боже мой, какая изменчивая, нерешительная, недоверчивая у Вас душа. Когда Вы противитесь врагу, помыслам, тогда хоть и трудно, с подвигом, но все же хорошо молиться за Вас, но иногда Вы почти добровольно склоняетесь на сторону врага и даете себя тащить в какую-то темную бездну, тогда скорбит душа моя и болит сердце. Правда, бывают у Вас хорошие состояния, и я тогда радуюсь за Вас и чувствую душою, что Вы молитесь с любовью за меня, как близкого Вам брата. За это время (с апреля месяца) бывали у Вас и весьма добрые устроения — и даже подъема духовного, но, к сожалению, Вы опять падали, тонули, как апостол Петр, когда усомнился, видя вокруг себя бушующие волны; усомнился апостол Петр, несмотря на то что Сам Господь, повелев ему идти по водам, тем самым дал ему власть, или силу, идти по воде, за горячность веры в первый момент, и вот сомнение лишило его сей благодати (см. [Мф.14:28—30](#)). Так вот и Вы: то восходите на высоту за веру, то снова, за сомнение, падаете.

Отправив Вам прошлое письмо, я после, в воскресенье, ночь проплакал, думая, зачем я его обижаю, и оскорбляю, и обличаю. Если я это делаю, то кто будет утешать его в тех скорбях, которые он претерпевает; но вот, начиная это письмо, я снова хочу если не обличать Вас, то пожаловаться Вам же на Вас, за Вашу нерешительность и двоедушие ([Иак.1:2—8](#)).

О, дорогой, если бы Вы знали, как трудна мне, сверх моих сил борьба эта. За эти полгода, что мы с Вами знакомы, чего Вы только не пережили (и я с Вами постоянно в молитве, днем и ночью, разделял скорби Ваши и радости). Сколько колебаний и сомнений, сколько подъемов и опять падений, радостных и еще больше скорбных, а иногда и мучительных часов. Душою я рад сподвизаться с Вами, но скажу — это выше моих сил. Много раз я молился, чтобы Господь и Владычица сложили с меня, немощного, это бремя, и это потому, что у Вас непостоянная душа, маловерная. *Враг силен потому, что мы немощствуем верою*, а если бы не так, то подвиг был бы не только не труден, но даже и радостен.

В письмах только малое нечто можно сказать, и поэтому когда я начинаю письмо Вам, то не знаю, с какого конца начать, о чем прежде писать, ибо повсюду разваливается наша душевная храмина. Я вот теперь знаю, на чем Вы преткнулись, и, несмотря на это, боюсь говорить с Вами о причинах Вашего преткновения, чтобы не быть понятым превратно, ибо, говоря об этом, я становлюсь в крайне неловкое положение.

Я Вам не старец, не отец, а только брат; думаю, что в своей неложной заботе о Вас если я и скажу что неприятное, то Вы, как муж премудрый, зная, что искренние укоризны, обличения любящего лучше лживых поцелуев льстеца (см. [Притч.27:6](#)), извлечете пользу для себя из моего смиренного слова.

В прошлом письме я Вам говорил и теперь повторяю, что если Вы не поймете и не исправите в своей душе нечто, то не только истинного старца-отца, но и просто руководителя не найдете себе; хотя бы их и находили Вы, но они все от Вас отрекутся. Простой, безответственный собеседник — пользы не принесет; беседа с ним будет празднословием.

Многие, прожив в монастыре по сорок и более лет, не находили себе даже друга — духовного. Теперь старчество — редкость великая. Если я хочу Вам сказать нечто о старчестве, в чем его сила, смысл, то это с целью сократить Вам горький опыт на нашем труднейшем пути. Но это после. Сейчас хочу сказать, что та некоторая восторженность, с которой Вы сначала принимаете слово, имеет в себе зачатки нервного, кровавого возбуждения, за которым непременно последует реакция. (Апостола Петра постигло это искушение в ночь предания Господа (см. [Мк.14:29](#)).) Потом Ваша фантазия рисует Вам образы, и мысли, и чувства, якобы возвышенные, но, к сожалению, не соответствующие истине. До тех пор покамест благодать не научит человека, сердце и ум⁹² его не в состоянии постигнуть, в чем величие служения Богу, в чем состоит духовная жизнь. Научить этому может только⁹³ Сам Господь, и никак не люди. Люди же могут немного помочь на этом пути, несколько указать, направить, предостеречь от *прелести, которая прежде всего состоит именно в том, что человек в уме⁹⁴ своем рисует образы или предается душевной восторженности*. По неразумной ревности своей я хотел оказать Вам на этом пути первую помощь, сознавая вполне, что и оказание на первых шагах какой-либо помощи для меня является задачей, превышающею мои силы. Надеюсь, однако, что в дальнейшем Вы встретитесь с кем-либо, познавшим опытно духовную жизнь; теперь хочу Вам сказать несколько о том, как должно вести себя с ним, если хотите, чтобы он согласился с радостью (а не воздыханием) понести Ваше бремя.

Прежде всего должно утвердиться верою к нему и через веру эту стать неудобопреклонным к соблазну⁹⁵; подчиняться ему, не гнать, не торопить, не требовать, относиться к нему с преданностью, любовью, без восторженности, *просто*. Руководимый должен быть прост, доверчив, послушлив, непытлив⁹⁶. Мы, по крайней мере, так жили и живем. Когда нам отец игумен или духовник что-либо скажут, то не испытываем, почему он так сказал, а просто «слагаем в сердце глаголы их» (см. [Лк.2:19, 51](#)). Мы знаем, что они говорят трояко — иногда по благодати по предвидению (это в случаях наиболее важных), иногда по опыту (большею частью), иногда ради утешения в скорби или наставления и вразумления. Доверчивый и послушливый всегда от них получает пользу (во всех указанных случаях).

При ином же отношении и устроении ни в одном из сих случаев человек не получит пользы, потому что рано или поздно преткнется (соблазнится, разочаруется и тому подобное).

Мы знаем, что если нам игумен или духовник что-либо сказал только ради утешения (вроде: «потерпи», «это скоро пройдет» или что-нибудь подобное), то хотя и годами — случается — мы не получаем облегчения, все же всякий раз с верою слушаем и принимаем их слова.

Так бывало и со мною. Приду к духовнику сказать, что бесы докучают по ночам, замучили меня: бьют, душат, ломают, пихают с постели, кричат неистово и без конца разные пакости делают, так что за ночь я не только не отдыхаю, а хуже устаю, когда наступит день, то я едва ли с болезнью могу ходить, а ведь мне нужно весь день быть на послушании; духовник скажет: «Ничего, потерпи; это пройдет, это тебе за гордость Господь попускает или за осуждение, за неприязнь к кому-либо». И я верю и ухожу. Через некоторое время, когда опять замучаюсь, говорю, что не только не лучше, но даже еще хуже досаждают мне бесы. «Ничего, терпи, предайся воле Божией; смирись, и не будешь мучиться. Ничего, теперь так не будет; иди с миром»⁹⁷. Иногда прочитает разрешительную молитву или другое какое-либо наставление даст. После два-три дня иногда спокойнее проходят, а потом снова та же мука, и *так годами*; и что же — по вере своей духовнику душа каждый раз укрепляется словом его и, терпя годами, впоследствии научается брани с бесами, становится более мужественной, получив много раз помощь от Бога за молитвы, познает свои немощи, смиряется; а смирение — над бесами

непобедимая победа; а к плачущему о грехах ни бесы и ни какой иной страх не имеют доступа.

Когда нам говорят по опыту, то в случае несовпадения слова духовника с тем, что было с нами, не соблазняемся, а просто говорим ему о том, и он указывает нам на наши ошибки, которые были причиной того, что с нами произошло иначе, чем он сказал.

Когда духовник нам определенно, со властью говорит что-либо о будущем, то опять мы это принимаем несколько иначе, чем Вы; прежде всего относимся проще, с верою, не пытая ни сроков, ничего дополнительного к сказанному не требуем; ибо знаем, что сам по себе человек будущего не может знать; если он сказал это по дару благодати, то что сказано, то и сказано. К тому же мы знаем⁹⁸, что и пророчества, определенно исходящие от Бога, не обязательно исполняются, но очень часто условно, а очень часто и выражаются условно — «аще». [Пример:] пророк Иеремия ([Иер.18:7—11](#))⁹⁹.

Мы знаем, научаемые Священным Писанием, что если вознерадим или возгордимся, то отнимется от нас обещанное благо, как у Саула — царство (см. [1Цар.15:28](#)), и наоборот, если покаемся¹⁰⁰, то избежим предсказанного зла, подобно Ниневии (см. [Ион.3:10](#)). Так что каждый раз получается для нас одно, а именно: «Бога бойся и заповеди Его храни» ([Еккл.12:13](#)). В этом вся мудрость. А что будет со мною, доброе или худое, то все это в руке Божией.

Один иеромонах нашего монастыря рассказывал мне о себе. Однажды утром, когда он еще лежал в постели, к ним в дом пришел некий благочестивый муж, подвижник (они были знакомы очень мало). И вот сей подвижник подошел к нему, тот приподнялся, сел в постели и от смущения и ради приветствия наклонил голову. Подвижник стал его «рукополагать» (положил руки на голову). Считая себя недостойным священного сана, ныне отец Х. отстранил его руки, но тот вторично сделал то же самое; тогда отец Х. смирился — «буди воля Господня» — противиться нельзя. После этого «рукоположения» (все проходило в молчании) отец Х. прожил более двадцати лет в миру, но когда ему, еще совсем молодому юноше приходило желание «развлечься», подобно своим друзьям, то он удерживал себя всегда от всякого нецеломудренного поступка или прикосновения словами: «Что ты делаешь, ведь ты будешь иеромонахом». И это исполнилось над ним чрез сорок или даже более лет. Теперь он иеромонах.

К старцу отцу Силуану лет двадцать тому назад пришел один только что приехавший на Святую Гору монах нашего монастыря и стал ему говорить, что «вот жена моя требует, чтобы я возвратился»; отец Силуан спросил его: «А сам-то ты как к этому относишься? Хочет сердце твое возвратиться к ней, или хочешь быть монахом?» — «Хочу быть монахом». Тогда отец Силуан сказал: «Ну, иди с миром и оставайся в монастыре. Бог устроит все». Через некоторое время тот монах получил известие о смерти его жены, то есть о том, что ему предсказал отец Силуан. Но все это делается просто, с молитвою.

Таким образом послушный, доверчивый обогащается опытом, постепенно восходит от силы в силу, из всего научается извлекать пользу. А пытливый, склонный к соблазну, недоверию, особенно гордый, и от пророка не попользуется, и в чудотворце ничего не заметит, и совершенного будет уничижать. С таким и тяжело, и бесполезно заниматься, и все духовники отрекаются быть руководителями подобных учеников.

И это все говорю к опыту Вашему. Впоследствии, быть может, согласитесь со мною. Не укоряю я Вас, дорогой, но больше скорблю с Вами. Я сам новоначальный, неопытный, кроме бескорыстной готовности помочь брату спастись я ничего не имею. Я вполне сознаю свое невежество перед Вами, знаю, что ничего нового, неизвестного Вам сказать не могу; но все же, как научает нас опыт духовной жизни в современных условиях, и от низшего нередко можно попользоваться, так как все мы в советах более благоразумны, чем в делании, к тому же молитвою к Богу мы испрашиваем себе слово, согласное с Его волею в каждом отдельном

случае¹⁰¹.

В начале первого тома «Моя жизнь во Христе» блаженный праведник Иоанн Кронштадтский пишет: «Мысль наша постоянно течет именно под условием существования беспредельного мыслящего Духа. Вот почему апостолы говорят: “мы не довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога” (2Кор.3:5). Вот почему и Спаситель говорит: “не пецытеся, како или что возглаголете: дастбоя вам, что возглаголете” (Мф.10:19). Видишь, и мысль и даже самое слово приходит к нам отвне. Это, впрочем, в состоянии благодати и в случае нужды»¹⁰².

Дабы показать Вам мою любовь и смирение пред Вами, отец мой, свидетельствую Вам, что хотя я и хуже и неразумнее ослицы Валаама, однако в беседе с Вами мне много содействовала благодать Божия, частию же говорил я от опыта своего скудного. Так же и в письмах.

Вы своим первым письмом (вопросом о записках моих в минуту Вашего колебания), теперь вопросом «на каком основании?» и другими понудили меня, дорогой отче, пойти на самое трудное; но Ваше обещание хранить все это в тайне (а я совершенно верю Вашему слову) дало мне, неразумному, решимость быть с Вами откровеннее, чем с кем бы то ни было другим, и это в надежде, что, быть может, окажу Вам хотя малую пользу на Вашем пути ко спасению, ко Христу¹⁰³.

Хотя я и не отец Ваш духовный, но скажу Вам, что благодаря встрече с Вами я опытом познал то, о чем преподобный Симеон Новый Богослов пишет в одиннадцатом Слове об отце и чаде духовном. Он пишет: «Возлюбленный мне в Господе! Я принял тебя на лоно свое, когда ты пришел ко мне, с теплым усердием преподавал тебе истинное учение, с немалым трудом вообразил тебя во образ Христа чрез покаяние и возродил чадом духовным с великим терпением, многими попечениями и каждодневными слезами, хотя ты не знал ничего из этого, понесенного мною ради тебя. Это и не дивно. И дети, находясь в утробе матери, нимало не чувствуют ее печалей, ни болезней, какие терпит она во время рождения»¹⁰⁴.

Хотя я Вам и не мать (ибо не я породил Вас к жизни духовной), но скажу, что благодаря встрече с Вами я познал отчасти силу слова апостола Павла: «Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас» (Гал.4:19).

За Ваш переход в Православие ведь я должен отвечать на Страшном суде. Помню, как Вы в начале нашей первой беседы в библиотеке имели приблизительно такие мысли: «Да, я имею склонность к Православию, но что если католичество есть истина, тогда я, перейдя в Православие, отпаду от Христа. Как бы мне знать определенно — где истина, кто прав». Дорогой отец Давид, если бы я, окаянный, не был уверен в том, что в переходе в Православие Ваше спасение и, быть может, других многих, то разве пошел бы я на все эти труды и как решился бы я понести такую страшную ответственность пред Богом. Но эти слова мои к Вам возымеют ли силу? Не знаю. Молюсь и чувствую иногда, что изливаю силу души своей как бы в какую-то пустоту. И тогда в скорби прошу Господа, чтобы Он Милостивый указал Вам кого-либо другого, раба Своего, который смог бы помочь Вам; а я, немощный, и своего бремени не могу понести, а других только в соблазн могу ввести. Большого сделать я не могу¹⁰⁵.

В жизни по Богу мы познаем, что мы свободны. Эту свободу Господь не отнимает от человека ни в каком случае, дабы не низвести своего умного создания на степень подсознательных. Апостолы молились за весь мир, пылая огненною ревностью спасти его — обратиться ко Христу, но не достигли. Святители — их заместники — то же делали и делают, но неверные были и есть. Каждый как хочет, так и живет. А я, нищий и убогий, что могу? Лишь бы самому не погибнуть.

Знаете ли, дорогой отец Давид, что если Вы не утвердитесь верою в Православной Церкви и

еще будете предаваться сомнениям и раздумиям, то Вы не познаете истинной духовной жизни. Для этого утверждения припомните обстоятельства и все бывшее с Вами за это время, и, быть может, пред Вами станет очевидным особый промысл Божий о Вас. Дай Бог, чтобы Вы увидели это и после крепко помнили.

В минуту колебания встаньте на молитву и говорите Господу, Сердцеведцу, что Вы все это делаете, ища Его; Он Истина, Он Любовь. Он за наше спасение претерпел Крест — не попустит Он заблудиться человеку, который пред Ним воистину не лукавствует.

Вы идете необычным путем. Вам, прежде чем начать жизнь духовную по-православному, нужно предварительно как-то проникнуть в тайны Духа, закрытые вообще от взора людей. Закрыты они потому, что мир «не приемлет яже Духа Божия: юродство (μωρία) бо ему есть» (1Кор.2:14), мир о слове Христовом говорит: «жестоко... слово сие» (Ин.6:60).

Преподобный Серафим Саровский запрещает говорить о духовном с человеком душевным¹⁰⁶. Он напоминает в данном случае учение святого Дионисия Ареопагита: «Tu vero, fili... ipsemet divinus divina doctrina factus, atque animi secreto sancta recondens, tanquam uniformia, a profana multitudine conserve; neque enim fas est, ut Eloquia testamentur porcis projicere spiritalium margaritarum purum ilium, ac lucidum pulchrificumque adornatum» (Мф.7:6).¹⁰⁷

Поэтому, следуя совету святых, Вы после не скоро склоняйтесь на беседу с неиспытанным человеком о том, что так бесконечно дорого душе нашей. Вас, дорогой отец Давид, я не считаю совершенно непосвященным, наоборот, я знаю, что Вы уже многое пережили и многое понимаете и с должным благоговением относитесь к духовной жизни.

Но все же на Вашу просьбу более открыто говорить с Вами о Кресте я при всем желании как-то еще не решался до сих пор. Из книжицы епископа Феофана Вы можете многое почерпнуть¹⁰⁸. Кресты — бывают трех родов. Из них два первые неизбежны для всех помышляющих о спасении; Вы их и опытом познали уже отчасти в юности, более разумно теперь. Рано нам говорить о третьем Кресте, который тяжек, по слову божественного Григория Синаита, даже для самых мужественных. Боюсь я осуждения за то, что хочу говорить о том, чего не делаю. Но, как выше сказал, обстоятельства понуждают меня и на то, что выше моих сил и разума. Не знаю, примете ли Вы мое слово с верою или еще больше соблазнитесь. Впрочем, я уверен, что Вы примете, ибо неложно хотите жить по Богу.

Истинный подвижник Христов, чтобы избежать ада, эту жизнь делает адом и сознанием своим постоянно низводит себя во ад, сколько есть сил на то. Хотя бы он чудеса творил, он говорит себе: «Окаянный я человек; воистину я хуже всех, грешнее всех»¹⁰⁹. Все спасутся — один я погибну¹¹⁰. Еще немного — придет смерть, и окаянная душа моя навеки снидет во ад на неисповедимые страдания»¹¹¹. И так держит он себя как бы на грани отчаяния (смотрите «Лестницу» — «Слово о темнице»¹¹²), сколько хватает душевных сил.

В своих записках, данных мне, старец отец Силуан (говоря Вам, потому что Вы его знаете, а другим нельзя говорить, он запретил) пишет: «Однажды ночью сижу я в келлии, молюсь (значит, умною молитвою — мое объяснение), и вот бесы нашли, полна келлия. Я и стал просить Господа: “Господи, Ты, милостивый, видишь, что я хочу Тебе молиться чистым умом, скажи мне, что я должен делать, чтобы избавиться от бесов?” — и слышу от Господа ответ в сердце: “Держи ум свой во аде, и не отчаивайся”. Я стал так делать, и ум мой очистился, и я перестал видеть бесов»¹¹³.

Душа при этих мыслях смиряется и обретает покой, как и Господь сказал: «научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим...» (Мф.11:29)¹¹⁴

И время, и силы мои истощились. Урывками за эти дни писал я Вам это письмо — то днем, то вечером, то в библиотеке, то в келлии. Если Бог приведет нас побеседовать еще и если Вы

этого захотите, то рад буду.

Сейчас добавлю только, что в подвиге нашем повседневном мы должны держаться бескорыстности, то есть хотя смысл своей жизни мы полагаем в стяжании благодати Святого Духа, однако каждый раз, подвизаясь за соблюдение заповедей Божиих, мы не должны ожидать награды, но предавать все это на усмотрение благодати Божией. Опыт же показывает, что благодать приходит к нам в то время более, когда мы ее не ждем, почитаем себя недостойными ее и даже самого спасения. Но это все отчасти. Раньше я не решился бы Вам говорить и этого, потому что нужно было как-то увериться Вам сначала в том, что, перейдя в Православие, Вы именно избежали ада, нужно было сначала познать сладость рая, — чтобы воспоминанием о ней укрепляться верою и надеждою на дальнейшем крестном пути. Но Вы, дорогой, отчасти уже и познали ее; к сожалению, сомнения всякий раз не позволяли Вам достигнуть в большую меру¹¹⁵. Мы по постоянному опыту (не единичному, а общему монашескому) знаем, что при покаянии, при постриге, при хиротонии (при причащении иногда) — посещает человека обильная благодать.

Враг сомнениями исковырял Ваше сердце и сделал его неспособным к принятию благодати¹¹⁶. Но Вы не отчаивайтесь. Не достигли сегодня — достигнем завтра. Преткновения тоже полезны — они обогащают наш опыт. Кроме того, скажу еще, что в познании большой благодати есть много опасностей, и потому редко кому дает это Господь в начале. Дело в том, что мы не в силах удержать великой благодати, живя в телесной храмине; душа же, познавшая благодать, после, потеряв ее, скорбит смертельно и ищет потерянное с великим трудом, и болезнью, и плачем. Большинство не выдерживают этого подвига. Вспомните тысячу дней и ночей на камне в житии преподобного Серафима, читайте опять «Слово о темнице» у Лествичника и другое.

Простите меня за все, чем обидел Вас, благословите и молитесь за меня, грешного.

Недостойный иеродиакон Софроний

Письмо 8. Об умном делании

Переписка позволяет избежать поверхностного усвоения. Совет старца Силуана — лучше чисто молиться. Об умном делании. Совет старца Силуана о том, что говорить родителям. (Он же о музыке.)

Афон, 23 октября (5 ноября) 1932 г. [117](#)

Христос посреде нас.

Глубокочтимый батюшка отец Давид, возлюбленный о Христе брат мой!

Благословите!

Хотя мы в переписке своей друг друга иногда предупреждаем, иногда же говорим о чем-либо с опозданием — все же по благому о нас промыслу Божию получается известная последовательность, которую если и не совсем можно одобрить — однако можно считать допустимой. В нашем разделении пространственном есть и положительная сторона, а именно та, что мы поневоле, в силу создавшихся трудных условий переписки, — поступаем вперед с некоторою необходимою медлительностью. Если бы мы с Вами жили вместе, то не удержались бы от желания все до конца переговорить, по возможности не отрываясь друг от друга, доколе не выяснили бы все нам доступное. И это было бы бесполезно, потому что в духовной жизни одно поверхностное умственное усвоение чего-либо не так ценно, как закрепление постепенным, параллельным опытом жизненным. Я учитываю возможность многих Ваших недоумений еще в связи с нашими (отца Силуана и моими) письмами, но мне рисуется в дальнейшем нетрудная возможность для Вас все объяснить и понять должным образом.

Ваше последнее письмо [118](#) меня глубоко порадовало очень и очень многим. Главное же тем, что Вы «намерены держаться православной веры, с Божией помощью, невзирая на все испытания, до самой смерти». Это дает возможность нам спокойнее держаться необходимой постепенности продвижения вперед в страну, которая Вам еще неведома, как опять можно видеть и из последнего Вашего письма.

Вы повторяете, что для Вас все-таки все это неясно, и что Ваше духовное *выздоровление* (а я бы сказал, *начало оздоровления*) мало что показывает Вам пока... и что Вы верите, что Бог, наконец, Имиже вест судьбами, Вас просветит. И вот, дорогой отец Давид, и я снова повторяю с глубокою верою, что «*это будет*», но как — этого не могу сказать.

«То, что происходит со мною теперь, могло бы происходить также и на почве католичества» (из Вашего письма). Этого отрицать я не хочу, но убежден в том, что в дальнейшем Вы увидите, что вступили на путь истинный и совершенный, а сколько Вам удастся пройти по нему — это в руках Божиих; это зависит также от веры нашей и меры смиренного подвига.

Вы очень любезно предлагаете мне в целях более глубокого понимания Вашей душевной борьбы поближе познакомиться с некоторыми житиями новоканонизированных святых Католической Церкви. Вообще я, быть может, не отказался бы от этого, но в настоящее время для меня это является неосуществимым, потому что я, крайне слабый здоровьем вообще, теперь еще более изнемог и уже не нахожу сил ни на что, кроме служения литургии и исполнения моего послушания. Остальное время провожу в постели от изнеможения. Но я надеюсь на милость Божию, что снова оправлюсь.

Теперь перейдем к тому, что необходимо Вам. Ваше письмо старец отец Силуан прослушал с большой радостью и вниманием. Чтение (с объяснениями) заняло два часа времени. Он молился о Вас. Вечером с определенностью, не допускающею возражений, повелел мне написать Вам, что Вам в настоящее время совершенно бесполезно занимать свой ум мыслями о

разницах и сходствах между Церквями Православной и Католической, но, отложив об этом всякое помышление, — *иметь ум свой чистым в Боге*. Сам я еще не решился бы говорить Вам об этом, но раз повелел старец отец Силуан, то счел должным сделать.

Внимательно прочитав все написанное Вами о молитве, мы увидели, что Вы еще не имеете понятия об *умной молитве*. Меня это несколько удивило теперь потому, что из имеющих у Вас книг («Лествицы», Исихия Иерусалимского, Нила и Филофея Синайских) Вы могли бы уже многое уразуметь; но Вы их или не прочитали внимательно, или не поняли (то и другое возможно).

Умное делание — есть центральное в действительной монашеской жизни. К великой скорби, оно находится сейчас в крайнем упадке. Нет более высокого и совершенного делания духовного, но зато нет и более трудного подвига. Это — крест, тяжелый даже для сильных (но и блаженный). Духовная молитва — по слову преподобного Нила Синайского (§ 50) — есть то, из-за чего ведется вся брань между нами и демонами¹¹⁹; он же (в § 146) называет ее *страшной и преестественной*, молитвой в Духе и истине, и говорит, что уму, страстному и нечистому, не принесет пользы напряжение или приноравливание себя к ней¹²⁰. Однако, как я Вам писал раньше (в прошлом письме), особенность Вашего положения понуждает нас несколько к такому в обычном порядке недолжному забеганию вперед. По совету святого Григория Синаита, всего лучше держаться середины — то есть во всем меры, постепенности, своевременности¹²¹.

Я уже написал Вам несколько слов предварительных об умном делании. Это приникновение умом — вниманием к внутреннему человеку — в сердце, в глубину его. Теперь добавлю (дабы Вы яснее поняли слова старца отца Силуана о чистом уме), что это приникновение совершается с повторением постоянным одной и той же молитвы Иисусовой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» с низведением ума в глубину сердца, причем ум должен быть совершенно свободным (чистым) от всякого помысла — от всякого представления чего-либо вещественного (предмета, цвета, формы).

Писать в письме об умной молитве — конечно, невозможно. Во-первых, потому, что объем письма не позволяет подробно говорить о сем бесконечном делании. Во-вторых — нет ни времени, ни сил; но нет и нужды, потому что существуют книги, посвященные этому вопросу, написанные людьми, постигшими это делание, духоносными, достигавшими до последних вершин, возможных человеку в мире сем.

Вы лучше всего сделаете покамест, если будете следовать совету преподобного Иоанна Лествичника — держать, заключать ум в слова молитвы¹²². Это уже Вы и понимаете, и делали, и продолжайте делать с Богом. Это испытанный несомненный путь для новоначальных. Старайтесь удерживать ум от рассеяния. Дальнейшее — Богу благоволящу и содействующу — придет и к нам.

Чтобы облегчить во время молитвы уму труд — быть глухим, и немым, и бездейственным (как бы) — для этого требуется ограждать себя от всяких излишних впечатлений.

Думаю, что Вам необходимо приобрести некоторые книги вдобавок к уже имеющимся у Вас. К числу таких книг в первую очередь принадлежат сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. (Необходимы Вам по той причине, что сей епископ-подвижник опытно проходил делание умной молитвы, был для многих руководителем и в своих сочинениях на основе святых отцов с вполне удовлетворительной последовательностью и подробностью излагает учение о делании умной молитвы.)

2. Некоторые сочинения епископа Феофана;

После уже возможно будет Вам перейти к чтению и самих творений святых отцов.

3. Преподобного Исаака Сирина;

4. «Добротолюбие» (5 томов в русском переводе епископа Феофана).

В них Вы найдете бесконечные и бесценные сокровища и будете удивляться — как же это весь мир погряз во тьме, когда существует возможность, дарованная нам Господом Иисусом Христом, столь удивительной, воистину небесной жизни.

5. Сочинения преподобного Симеона Нового Богослова (150 Слов). Этот божественный отец стоял на преестественной высоте, так что даже и подвижники многие его не могут читать, — впадают в уныние от сознания своей крайней немощи и далекости до той высоты, на которой он стоял и о которой писал как о *естественном* для человека состоянии.

Вам будет полезно его читать потому, что он очень обстоятельно и подробно пишет о многих интересующих Вас вопросах как богословского характера, так и аскетического¹²³.

6. Преподобного Петра Дамаскина;

7. Житие и писания Паисия Величковского — издание Оптиной Пустыни и покамест довольно.

В этих книгах Вы найдете самое совершенное разрешение интересующих Вас вопросов о благодати, о молитве, о созерцании и прочее. Мне же писать по всем этим вопросам, при наличии таких книг, является совершенно ненужным; особенно потому, что я совсем недостаточен — а вернее сказать, невежда во всем этом.

Так скоро писать Вам я вообще не намеревался, но пишу, чтобы выразить Вам, с одной стороны, благодарность за тот труд, который Вы понесли, чтобы мне доставить большую радость и утешение более подробным описанием своего состояния, и во-вторых — чтобы утешить и Вас словами старца отца Силуана, касающимися не только Вас непосредственно, но и Вашей мамы и сестры. Отчасти же и потому, чтобы хоть несколько сгладить то тягостное впечатление, которое должны были произвести на Вас мои последние письма своею придиричивостью (если Вы замечаете, что я и раньше судил Вас чрезмерно строго). Простите меня.

Большую заботу о Вашей маме и сестре причинило Ваше письмо старцу отцу Силуану. Он велел мне посоветовать Вам написать им в утешение (приблизительно по смыслу) следующее: «Вы беспокоитесь обо мне и скорбите, потому что считаете меня теперь отпавшим от Церкви и спасения. В этой скорби Вашей выражается Ваша любовь ко мне; но я Вам скажу с полным сознанием величия милости Божией ко мне, что не отпал я от Церкви, от Христа, но приблизился к Нему; не отпал я от пути спасения, но вступил на истинный и совершенный путь. Мне мое вечное спасение слишком дорого, чтобы я мог в данном случае поступить опрометчиво, необдуманно или по причинам неуважительного порядка. Однако убеждать Вас в этом я не считаю удобным в данный момент, да и не надеюсь на то, что Вы мне поверите; но вот Вам выход. Молитесь усердно Господу, и Он Вам откроет истину обо мне. Просите просветить Вас извещением о том, куда я ушел — в погибель или ко спасению. Я хочу мира Вашим душам, страдаю тем, что Вам причинил скорбь, молюсь о Вас». (Я своими словами изложил мысли отца Силуана, высказанные им мне в беседе с просьбой написать Вам.) Я тоже молюсь Богу за Ваших маму и сестру. Читая выдержку из письма Вашей мамы, я подумал, что ее желание смерти, если оно действительно есть, как она пишет, — не доброе и не спасительное. Ее скорби мне представляются не неизлечимыми. И благо для нее будет излечиться от них прежде смерти¹²⁴.

Когда впервые я за нее молился, то заболело мое сердце, но молиться за нее несравненно легче, чем было за Вас в самом начале. Было бы очень хорошо, если бы умиротворилось ее сердце в отношении к Вам; но дело усложняется тем, что Вам самому покамест еще многое неясно и Вам самому нужно быть мирным душою и не иметь ни забот, ни помышлений.

Когда Вы пишете о том, что хотели бы жить вместе, то я прежде всего радуюсь тем, что Вы расположились ко мне Господа ради; когда Вы называете меня отцом и наставником, то я радуюсь видеть Ваше смирение. Говорил я о Вашем желании со старцем отцом Силуаном и

отцом игуменом, чтобы узнать Божию волю о нас. Покидать Афон или монастырь мне нельзя. Если изгонят греки или другие какие-либо обстоятельства — тогда переменится многое; но я надеюсь, что Господь и Божия Матерь сохранят нас от сей беды. Если Вы приедете на Святую Гору? Отец игумен и отец Силуан относятся к этому сочувственно вообще, но не знают, насколько это осуществимо. Я спросил игумена — не согласится ли он отдать Вам и мне одну из келлий нашего монастыря (келлия, как Вы знаете, с церковью). Игумен говорит, что должен этот вопрос обсудить на Соборе. Конечно, жить по правилу святых отцов: «безмолвствовать вдвоем или втроем». Быть старцем я не могу совершенно. Но так сожительствовать с Вами, как братья, я, вообще говоря, душою расположен. Но будем искать волю Божию — в ней наше спасение, а не в наших благих намерениях.

Отец Силуан сам принес свое письмо — Вашей маме и сестре, и я очень рад этому.

Если Господь соблаговолит дать мне скоро сил и возможность, то напишу скоро еще — отвечу на все указанные Вами в письме пункты.

Относительно музыки — старец отец Силуан не только не противится, а даже сказал, что это неплохо. Так что играйте, как и до сих пор.

Унылый и придавленный болезнью, я в связи с Вашим письмом оживился. Хотел успокоить Ваш ум и душу, написав Вам о том, в чем разница между Церквями, но после решительного слова старца не буду писать, в надежде, что это само собою для Вас скоро станет ясным.

Простите.

Преданный Вам о Господе,

Ваш меньший брат

недостойный иеродиакон Софроний

Письмо 9. Монашество и скорби матери

О ранах материнского сердца. Как говорить с мамой. О решении владыки

Афон, 28 октября (10 ноября) 1932 г. [125](#)

Глубокочтимый батюшка отец Давид!

Благословите.

Возлюбленный о Христе брат мой, его же ми даде Бог на радость вечную любви о Господе Иисусе, мир душе Вашей и радость о Духе Святом да будет с Вами.

[...] Было крайней неожиданностью для меня письмо [126](#) от Вас из Парижа. Я не сразу открыл его; помолился. Душа покойна. Думаю, ничего плохого нет. И действительно — *ничего плохого нет*. Никакого греха Вы не сотворили. Вы напрасно смутились духом. Вы сочли свой поступок преступлением (с духовной, вернее, *монашеской* точки зрения), а моя душа радуется за Вас [127](#). Вообще последнее время я много радуюсь за Вас, а раньше много скорбел. Моя душа чувствует, что Вы молитесь за меня, и я прошу Господа помиловать меня за Ваши молитвы.

Дорогой отец Давид, мне приходили мысли о предстоящей Вам встрече с Вашею мамой, и я, помню, писал Вам, чтобы Вы и в переписке, *и при свидании* относились к ней со всякой любовью и вниманием, стараясь успокоить ее душу.

Раны материнского сердца тяжки и болезненны. Нет на земле иной человеческой любви более крепкой и неизменной, чем материнская. Если мы должны стремиться к тому, чтобы успокоить всякого человека, то тем паче мы должны делать это по отношению к родителям, по заповеди Божией. Мы должны понять и ее положение. Несомненно, что Ваша мама, пожилая дама, не может жить в совершенном одиночестве. Кроме того, ее печаль увеличивается тем, что она считает Вас вступившим на неправый путь. Однако нужно постараться, чтобы она поняла и *приняла*, что Вам, монаху, невозможно жить с нею долго. Это коренным образом нарушает Вашу жизнь. «Монашество» не позволяет нам жить с родными. Но она *и сама это создает* [128](#).

Я вполне понимаю причину Вашего смущения и радуюсь тому, что Вы ради любви Божией готовы пойти на жертвы. Это желание Ваше пожертвовать ради Бога, по заповеди Его, любовью матери породило в Вас другое желание — услышать суровое непреклонное решение, так что Вы даже *боялись*, что владыка Елевферий, по мягкости сердца, слишком снисходительно решит этот вопрос. Эта «*боязнь*» снисходительности со стороны владыки Вас привела к ошибке, которую Вы постарайтесь исправить. Непременно объясните ему свое душевное состояние и причину Вашего неполного доверия его решению, иначе он будет скорбеть о том, что Вы его решению предпочитаете решение старца Силуана, и тогда может нарушиться его любовь к Вам.

История с Валаамом [129](#) не совсем однородна, во-первых, а во-вторых, я Вам тогда писал, что Вы правильно решили вопрос о том, что следовало бы подчиниться его благословению, если бы он и после Вашего объяснения ему новых обстоятельств дела счел все же нужным Вас туда послать. Но об этом в другой раз. По этому поводу у меня есть некоторые существенные наблюдения, которыми, Богу благоволящу, поделимся после.

Несмотря на эту небольшую ошибку с Вашей стороны, несмотря на то что нарушилось Ваше уединение и прочее, — я радуюсь тому, что в душе Вашей загорелся огонь, и дай Бог, чтобы этот начаток того огня, который Господь пришел вверещи в сердца наши (ср. [Лк.12:49](#)), разгорелся до полной силы.

Не бойтесь, с полной верой последуйте решению владыки Елевферия — его благословение сохранит Вас от всякого вреда, так что в душе Вашей, несмотря на внешне неблагоприятные условия, огонь будет усиливаться.

Если позволите — скажу, что мне очень хочется, чтобы Вы в обращении с Вашей мамой

(конечно, и со всеми другими, но с нею особенно) были кроткий, тихий, спокойный. Не раздражайтесь ничем, говорите спокойно, не допускайте слова, могущего опечалить, на всякое слово, на всякое малейшее дело мысленно, от сердца просите у Бога помощи и вразумления. Умом невозможно, но в чувстве сердца не забывайте Бога ни на кратчайшее время. Веру исповедуйте также «с кротостию (без пафоса) и страхом» (см. [1Пет.3:15](#)), но и с непоколебимостию в душе. Я позволил себе это Вам напомнить, боясь, что Вы можете несколько уклониться от кроткого и мирного устройства и позволите раздражительности и нетерпению овладеть на время Вашей душою.

Молиться Богу об обращении Вашей мамы в Православие хорошо с чувством желания ей спасения, но знамения просить не следует; также проповедовать, убеждать к принятию Православия не нужно. Это Господь Сам творит, когда находит сердце человека готовым. Но и то знаменательно, что, как Вы пишете, она после молитвы Богу о Вас успокоилась. Но ведь успокоения этого Господь не дал бы ее душе, если бы Вы уклонились от Него [130](#). Если бы Ваша мама знала, что Господь Вас избрал на службу Себе, то не только бы не беспокоилась, но радовалась бы за Вас; не только не старалась бы отвратить Вас от избранного Вами пути, но и благословила бы от всего сердца на трудный, скорбный, многоболезненный, но все же блаженный подвиг воистину совершенной христианской жизни. Но поверит ли она, что эти слова говорятся *не по догадке, не по вере от слуха, от научения человеческого, но по научению от Духа Святого*? Поверит ли она, что не на сектантский разгул ушли Вы, ее любимый сын, но Богом призваны на путь крестный? Ведь мы тысячью смертей и умирали, и умираем. Один только Сердцеведец Господь знает бесконечные болезни сердца нашего. Но если Дух Божий не научит, то человеческое слово бессильно объяснить эту жизнь.

Пусть молится Богу и Божией Матери, просит извещения о Вас. Мир сердца — извещение от Бога. Если бы теперь Ваша мама нашла в себе силы пожертвовать ради Бога своею к Вам любовью и *благословила бы Вас* (об этом просите ее), то не лишилась бы она награды в вечности [131](#).

Для Вас сейчас предстоит очень трудное дело духовное. С одной стороны — боязнь оскорбить Бога, с другой стороны — причинить скорбь своей матери. Вы готовы, подобно Аврааму, на жертву, но все-таки молитесь, чтобы Вам Господь помог убедить Вашу маму отпустить Вас с миром, любовью и хорошо бы с благословением. Когда все возможное для Вас будет исчерпано, *тогда только* мы должны уйти от родных, предавая их воле Божией. Не по ненависти к ним (да не будет) уходим мы, но любовь Божия, более сильная, и заповедь Божия нас понуждают оставить их.

Простите, дорогой отец Давид, все это пишу в надежде, что мое братское напоминание заставит Вас с большим вниманием ограждаться от всякого раздражения, и немирства, и беспокойства. Всеми силами храните мир душевный в дни искушения. Читайте молитву Иисусову, а умом по временам, не изменяя молитвы, влагайте разный смысл, в зависимости от нужды. Во время путешествия, на улицах и др. так делать хорошо.

Писал ночью. Завтра спрошу старца отца Силуана, не напишет ли он от себя Вам что-либо.
Любящий Вас о Господе,
Ваш недостойный брат
грешный иеродиакон Софроний

Письмо 10. Накануне пострига

Относительно пострига. О послушании владыке

Афон, 30 октября (12 ноября) 1932 г. ¹³²

Дорогой отец Давид!

Будьте покойны, предайтесь Богу. Господь ныне печется о Вас как никогда прежде. Теперь (особенно) и волосы на главе Вашей сосчитаны. Храните мир душевный. Все это на пользу обратится. Господь скоро устроит Вас.

[...] Завтра спрошу старца отца Силуана относительно Вашего пострига. Сам же я думаю: не торопитесь так, то есть не делайте этого дела *срочным*. Будьте уверены, что Вы у Бога — монах. Монашество наше в сердце — прежде всего. Этим я не хочу отрицать совершенно пользу и значение самого пострига, но не должно преувеличивать ничего. Обеты Вами уже даны Господу; Господь Вас хранит. Забота моя — сказать Вам, чтобы Вы в душе своей были относительно пострига *спокойны*. Не говорю — отлагать, но и не торопитесь. Заботу об этом передайте владыке Елевферию, он, как отец, печется о Вас.

Когда Вы хотите о чем-либо важном спросить его, то говорите приблизительно так: «Владыко Святой, помолитесь Богу, и как Вам Господь внушит, так я и сделаю по Вашему благословению». При этом можно высказать (в начале) свои мысли и желания или соображения, но не настаивая на них несколько.

Легко и сравнительно просто стать монахом внешне, но достигнуть истинного внутреннего монашества редко кто *удостаивается*. Вот об этом надо умолять Господа, чтобы привел Он нас к такому монашеству.

Старец отец Силуан говорит, что он согласен во всем со мною, — все, говорит, хорошо, только смущается относительно пересылки денег *простым* письмом, если это *незаконно*. Я правил не знаю, а написал так с тем только, чтобы и Вы, и мы меньше имели хлопот. Пришлите, дорогой, нам еще несколько франков на марки, а то мы опять задолжали немного, благодаря посылке телеграммы. Простите нас, нищих.

Любящий Вас о Господе Сх. Силуан ¹³³ [...]

Письмо 11. О старце Силуане

О хранении тайн духовной жизни. Как подобает говорить с людьми. О второстепенности современной науки и культуры. О заблуждениях экуменизма. «Лучше то, что согласно с волей Божией». О старце Силуане. О благодатных посещениях. О тайне христианства. О смирении, послушании и скорбях. Об умалении благодати веры. О помыслах. О заблуждениях католиков. О любви Божией и справедливости. «Бога бойся и заповеди Его храни» как православная «мистика». О «все наоборот» в христианстве

Афон, 3 (16) декабря 1932 г. [134](#)

Со скорбью и душевною борьбою посылаю Вам это письмо. Но да будет воля Господня.

Глубокочтимый батюшка отец Давид!

Благословите.

Возлюбленный о Христе брат мой, Господь, Который нас так безмерно любит какою-то особою, неизъяснимою любовью, между прочими благами дал нам и сие великое благо: молиться друг за друга. По Его великому милосердию к нам я иногда в молитве чувствую душу того, за кого молюсь, и в связи с этим чувством или радуюсь, или скорблю. Так и за Вас когда молюсь, то тоже (и, быть может, больше, чем по отношению к кому бы то ни было другому) чувствую состояние души Вашей. Благодаря этому, за последний месяц, несмотря на отсутствие от Вас известий, я был очень мирен душою за Вас, постоянно ощущая тихую радость в сердце своем, молясь Богу помиловать меня за Ваши молитвы. Я знал и без Ваших слов, что Вы за меня много молитесь и с любовью. Однако не хочу доверяться чувству своему и поэтому радуюсь всегда, когда получу от Вас письмо, которое с достоверностию свидетельствует мне о Вас, о Вашем положении и обстоятельствах...

Дорогой батюшка отец Давид, исключительность обстоятельств заставила меня говорить Вам о себе то, чего никому другому не рассказывал. То малое или великое, что мне дано было пережить, есть дар милости Божией мне, окаянейшему из всех людей, и я считаю необходимым хранить его, как бесконечно мне дорогое, от постороннего взора, дабы не быть окраденным, почему и просил Вас не говорить обо мне ни с кем. Но связать Вас этим обещанием я хочу в такой мере, которая давала бы Вам возможность, в случае сомнения и нужды действительной, проверить сказанное мною беседою с опытными в духовной жизни людьми; при условии только безотносительного ко мне изложения моих мыслей. Вы можете говорить обо всем, что понадобится; но и это, прошу, делайте с великою осторожностью и разбором. Я понимаю, что Вы до некоторой степени вынуждены были сказать о нашем знакомстве владыке Елевферию, как Вашему духовному отцу, и Вашей маме.

Ни владыка, ни Ваша мама не знают меня совершенно, так же как и я их не знаю лично (хотя знаю несколько душевно, молясь за них часто), и не жду я вреда себе от того, что Вы им рассказали о каком-то за морем, в горах живущем монахе. Что же касается других лиц, то я ничего не имею против, если Вы не скрываете о том, что мы знакомы, но Вы очень хорошо делаете, не посвящая никого более близко в наши отношения.

Вы, быть может, уже видели, что я стараюсь не поддерживать ни с кем переписки и только в крайнем случае, чтобы не обидеть человека, отвечаю на письма, и то уклончиво, и это не потому, что я их не люблю или не уважаю, но (Вы сами это знаете) потому, что нельзя иначе монаху жить, как только удалившись по возможности дальше от не необходимых, чтобы не сказать излишних, знакомств и связей...

В частности П. Фидлер; я знал его, когда он еще не был православным; мы при встречах беседовали с ним излишне свободно о многих предметах веры, но я никогда не склонял его

переходить в Православие, хотя он почему-то приписывает мне некоторую роль в деле его перехода (главным образом молитву), о чем и писал мне сюда на Афон. То письмо, которое он Вам показывал, было единственным моим к нему посланием, написанным, кстати, потому только, что уже неудобным было после нескольких писем от него не ответить на его просьбу о книгах. Удивляюсь, что он хранит это письмо. Дело в том, что он тайн моей души не знает, как и все другие там, поэтому прошу Вас, не говорите обо мне ни ему, ни другим, хотя бы они были моими друзьями. Думаю, что он, как и многие другие, строит обо мне какие-то свои догадки, не больше. Так, в 1927 году сюда приезжал г. К., с намерением убедить отца Василия и меня возвратиться во Францию, причем он очень откровенно высказал предположения парижан (русских) о причинах моего бегства на Афон, находил их неуважительными, обещал все «устроить» и даже материально брал на себя заботы обо мне, лишь бы только я вернулся в Париж.

О Ваших новых знакомствах с русскими скажу, что я вообще-то очень приветствую это, но только хочу Вас предупредить (хотя и думаю, что это предупреждение для Вас излишне), чтобы Вы при обращении с ними остерегались свободной, бесстрашной беседы о духовной жизни. Для души великая потеря бывает всегда следствием бесстрашной беседы о чем-либо Божественном. Признаком пользы от беседы с кем-либо является или страх Божий, или покаянные чувства, смирение, память смертная, или, наконец, любовь Божия, умиление¹³⁵.

Повторить хочу, чтобы Вы постарались стяжать себе навык при всякой беседе с людьми молиться Богу мысленно (если возможно, в сердце) о вразумлении, что сказать, как себя вести. И вот Вам задача — *понаблюдайте непременно* за тем, как изменяется сердечное чувство и затем мысль и слова, когда Вы, прежде чем высказать готовое уже сорваться слово или мысль, помолитесь Богу о вразумлении, обращаясь, если умеете, вниманием ума к сердцу. Свои наблюдения опишите мне (если найдете это не лишним для себя), а я в свою очередь поделюсь с Вами, чему Господь чрез рабов Своих научил и меня, скотоподобного. С деланием этим *не* торопитесь, лучше побольше внимания уделите ему¹³⁶.

[...] Быть может, Господь Вас приведет к встречам, которые, на мой взгляд, будут много полезнее для Вас. Те исключительно благоприятные для духовной жизни условия, в которых находятся в настоящее время русские молодые люди, а именно: (почти) нищета, изгнание, унижения, (почти) бесправие, необеспеченность и проч., с одной стороны, с другой — возможность лично близко познакомиться с достижениями культуры Запада, — следствием своим имеют то, что некоторые из них за перенесенные скорби и страдания, за веру в Бога получили обильную благодать; некоторые из них, не только по чувству сердечному-душевному, но и вследствие серьезного, вдумчивого, разумного убеждения, познали, что наука и вся современная культура вообще в жизни человеческой должна занимать второстепенное, служебно-подчиненное место; благодаря этому они в известной мере преодолели уже то искушение, которое для всего мира с каждым годом становится все более и более сильным и которое по существу несколько подобно второму искушению Господа сатаной в пустыне (см. [Лк.4:5—8](#)).

Простите меня, быть может, все это излишне, но здесь я хочу сказать немного и о том, что в настоящее время значительная часть христианского мира склоняется к принятию одной из опаснейших ересей, которая состоит в том, что якобы нет в настоящее время ни одной Церкви, которая в полноте сохранила истину учения Христова, в полноте обладает ведением тайны святой благодатной жизни христианской в отношении нравственно-аскетическом, что многие из Церквей, именуемых Христовыми, — имеют равную благодать, и поэтому должно произойти соединение Церквей на какой-то общей всем им программе. Один из самых частых вопросов, с которым приходится встречаться, — это вопрос о том, кто спасется и кто не спасется. Обычно

эти люди думают, что спасется не только православный (по учению Православной Церкви) или не только католик (по учению Католической Церкви), но и все вообще добродетельные люди, верующие во Христа. Это мнение от протестантов перешло и к верующим других Церквей; есть многие среди православных, держащихся этого мнения. Некоторые думают, что ни за одну из существующих ныне Церквей нельзя признать полноту ведения и благодати, так как каждая из них в той или иной мере уклонилась от истины; что они (сии мудрецы) только теперь «на конец веков» постигли вполне дух учения Христова, а что до сих пор весь христианский мир в течение стольких веков заблуждался; что теперь пришло время, когда нужно соединить все расколовшиеся части во единую соборную и апостольскую Церковь, — которая будет вполне истинствовать во всех отношениях, если при этом соединении будет принято только то, что является общим всем Церквам. Некоторые, что еще хуже, помышляют в сердцах своих о каком-то особо высоком мистическом сверхцерковном понимании христианской религии, которое ... — не буду обо всем этом говорить. Для того только уклонился в эту беседу, чтобы сказать Вам, что мне так хочется (и Богу молюсь об этом), чтобы Вы не прельстились этим всем, но твердо в сердце и уме убеждены были в том, что существует на земле та одна *единая истинная Церковь*, которую основал Господь, что Церковь эта хранит неповрежденным учение Христово, что она во всей своей совокупности (а не в отдельных членах своих) обладает полнотою ведения и благодати и непогрешима. Что то, что некоторым кажется неполнотою в учении, есть не иное что, как еще остающаяся возможность научной разработки неисчерпаемого бесконечного богатства ее, что, однако, нисколько не противоречит сказанному выше об обладании полнотою ведения. Выраженное на Вселенских Соборах в окончательной форме учение Церкви не может быть подвергнуто никаким изменениям, всякая дальнейшая работа ученая должна обязательно согласоваться с тем, что уже дано в Божественном откровении и учении Церкви Соборной Вселенской. Так же и в отношении благодати; полноту благодати может иметь только одна-единая Церковь, все же другие имеют благодать за веру во Христа, но не в полноте. Можно верить и в то, что даже в наше время есть люди, которые по благодати Святого Духа равны древним великим святым (говорю это в связи с тем, что мне приходилось слышать о некоторых людях в России), ибо «Христос днесь и во веки Тойже» (см. [Евр.13:8](#)). Все это истина. Если кто отойдет от этой веры, тот не устоит.

О Вашей маме. Часто молюсь за нее; не знаю я совершенно, какую душевную борьбу и какие скорби она переживает, но знаю (по молитве), что она действительно страдает. Хочется за нее молиться; как обычно любит душа молиться за всякого, кто скорбит. Ваша сестра дальше от нас по духу, и молюсь за нее только потому, что умом помню о ней; брат же Ваш, иже в Китае, далек от нас не только телесно. Вы хорошо сделали, что убедили Вашу маму не ехать в Китай; я с самого получения от Вас известия о ее намерении туда ехать беспокоился и боялся.

Относительно приглашения Вас в Англию на пастырское служение молодой лондонской Церкви; говорил я об этом с отцом Василием. Он рассказал мне содержание письма господина Шелли, — рассказал мне и вообще о лондонской Церкви. Впрочем, осведомленность его не так уж велика в этом отношении. Знаете ли что (я, конечно, говорю это не в форме решения, которое, несомненно, принадлежит владыке Елевферию) — ничего плохого или опасного для Вашей души не вижу в этом. Вы стремитесь душою только к одному — стяжать благодать Святого Духа, «и больше ничего». Дай Господи, чтобы и впредь это желание сердца Вашего сохранялось неизменным и даже возрастало бы; но ведь мы получаем благодать не за подвиги — безмолвие, пост, молитва и прочее, а главным образом за исполнение воли Божией. Спросил я однажды владыку Вениамина, когда был еще в Сергиевском Подворье в Париже: «Владыко, что лучше — молчать или говорить?» — и владыка мудро ответил: «Лучше то, что согласно с волей Божией. Если Господь хочет, чтобы ты говорил, то за слово получишь благодать; если же

Господь хочет, чтобы ты молчал, то за молчание даст Он тебе благодать; и наоборот, если Господь хочет, чтобы ты говорил, а ты будешь безмолвствовать, то туне трудиться будешь, ничего не получишь». Бойтесь преткновений с женщинами. Особенно это твердо поймите в виду в Лондоне. Но об этом в свое время.

Теперь же, по моему мнению, не нужно уклоняться совершенно от переписки с лондонцами; лучше даже, если Вы сообщите господину Шелли о получении его письма. Скажите ему, что Вы сами не решаете этого вопроса, что решение его принадлежит другим. Это избавит Вас от всякого помысла, сомнения или возношения. Когда же будете в Лондоне, то непременно помогите им (ср. [Деян.16:9](#)). Вы правы в своем предположении о том, что «англичане православные не очень-то глубоко смотрят на Православие», но это не должно быть поводом для уклонения от подвига послужить им. Но обо всем этом речь еще, возможно, будем вести в свое время, — если, конечно, владыка Елевферий склонится к решению предложить Вам поехать туда. Я ничего окончательно не говорю по этому поводу, потому что не знаю определенно Божией воли. Говорю по человеческому рассуждению, то есть от своего ума.

Посылаю Вам вместе с этим письмом письма старца отца Силуана. Немного скажу о нем. С первых дней моего прихода в монастырь душа моя благоговела пред ним больше, чем пред кем бы то ни было другим из людей, которых я знал, с которыми встречался. Душа моя всегда как-то особенно смирялась в его присутствии¹³⁷. Много раз Господь привел меня встречать его, а иногда и беседовать с ним, когда лицо его сияло неизъяснимым светом и красотой¹³⁸. Приходилось мне видеть и других монахов в таком состоянии, когда лица их казались ангелоподобными (но это не часто, иногда при причащении больных, при постриге в схиму), — однако никогда не видел я подобных сему простецу. Знаю, что он день и ночь пребывает в молитве; ему Господь даровал такую благодать, что он и в присутствии людей не прерывает молитвы, то есть они ему не очень-то мешают, а по любви своей к людям — он даже любобообщительный, во всяком случае не тяготится общением с людьми, чем отличается от других подвижников, которые для пребывания в молитве нуждаются в безмолвной обстановке и уединении.

Я узнал его ближе совсем недавно — еще нет года. Раньше не приходилось мне с ним беседовать более или менее обстоятельно, и лишь на общих работах (по закону душевного притяжения, быть может) немного урывали мы для беседы времени, больше о послушании, о молитве. В начале текущего года Бог привел меня беседовать с ним более обстоятельно, и с тех пор мы духовно сблизились, он расположился ко мне, а я много-много благодарил Бога за то, что Он дал мне радость беседовать со Своим избранником. Много он мне помог; сказал, по-монашески выражаясь, «на пользу».

В своей беседе, как человек почти безграмотный, он так прост и вместе не умеет последовательно (от низшего к высшему) объяснить свои высокие мысли, что понимание его бывает для большинства людей очень трудно, — а другие так и совсем не могут понять и оценить богодарованную мудрость его¹³⁹. Уроки его немногословны, но для проведения их в жизнь потребен великий труд на долгие годы, потребуется пролить много слез, и перестрадать много, и много претерпеть неизбежных искушений, и тогда при постоянной молитве и великом смирении, быть может, достигнет человек начальных степеней тех добродетелей, о которых он говорит.

Благодаря постоянному пребыванию в молитве умной (хранение ума своего чистым в Боге), он очень забывчивый человек. Случается, что он забывает о сказанном ему столь основательно, что даже при напоминании не может вспомнить, была ли речь о том или нет. Так же и в писаниях своих он забывает, что он писал и чего не писал, и поэтому нередко повторяется.

Вспоминая о Вас, он молится, а иногда и пишет Вам небольшие письма, которые передает

мне для отправки Вам. Теперь у меня накопилось несколько таких писем его, и я их посылаю Вам. Все они без дат, но я для удобства Вашего проставил на них страницы в порядке их поступления ко мне¹⁴⁰.

Беседы наши с ним о Вас, поручение мне писем — Ваших для прочтения, его для отправки Вам — еще больше сблизили нас. Одно только мне не нравится: он некоторым советует беседовать со мною, зная, что я могу растолковать его речи и советы более подробно и последовательно. Я протестовал, но покамест безрезультатно¹⁴¹.

Отвечаю на семь пунктов, указанных Вами в большом письме.

1. Помню, что я слово о моих записках отложил «до другого раза» — по той причине, что не хотел Вас тогда, в час искушения, огорчить замечанием, что никакого повода говорить о них, мне кажется, я не подал, а только заметил при беседе с Вами, что у меня записано частью пережитое мною по дару милости Божией. Да и рассказывать о том я совсем не хотел, но после вынужден был тем, что Вы по слову моему решились на *шаг величайшей* важности, что налагало на меня и великую ответственность за Вас пред Богом. Теперь должен добавить, что многое существенное в кратких чертах я уже Вам изложил в письмах. Если бы когда-либо явилась нужда, то не скрою от Вас и другое нечто; но это, быть может, получится само собою, естественно в беседе о предмете духовной жизни: *μὴ γινώτω ἡ ἀρίστερά σου, τί ποιεῖ ἡ δεξιὰ σου*¹⁴².

Вот причина, по которой нельзя рассказывать другим что-либо о себе, доколе душа не утвердится совершенно в смирении, а сердце не сделается неудобоподвижным, если не совсем неподвижным, на гордость и тщеславие.

Помню, дважды меня (в Париже) посещала благодать дивная; но я не понимал сначала, что это благодать, и думал, что переживаемое мною так, по разуму вещей, естественно, что оно должно было бы быть почти постоянным состоянием. Но вот мне вскоре после второго посещения Божия попались творения преподобного Симеона Нового Богослова в стихах, и я читаю там описание бывшего со мною. Тогда раскрылись мои очи; но лучше было бы, если бы они не раскрывались... после того благодать та меня не посещала в столь дивной силе.

Другой случай. Однажды я беседовал с отцом Ювеналием (на Афоне) и в беседе той, безотносительно к себе, так что отец Ювеналий никоим образом не мог бы что-либо «заподозрить», то есть подумать, что я говорю не просто только понимание свое где-то прочитанного, а лично пережитого, я говорил, как надо понимать слова святых отцов о свете умном. И что же, несмотря на всю безотносительность ко мне, с того дня я перестал видеть этот свет, а до того многожды Господь давал мне созерцать умный свет Солнца правды. Надо сказать, что *созерцание сие* столь приятно для ума (и души), что когда, после молитвы, душа снова вспоминает о необходимости вернуться в этот мир и видеть свет вещественного солнца, то со скорбью принимает эту необходимость. Ей хотелось бы постоянно пребывать в созерцании умного невещественного света. Входит в это созерцание душа так постепенно, что сначала (так было со мной) не понимал я происходящего; а когда шуйца моя увидела, что творит со мною десница Божия, то прекратилось видение. И подобных случаев со мной было несколько.

Вот поэтому, дорогой отец Давид, так не хочется говорить людям об этом; когда мне нужно было открыться перед Вами, то я, прямо скажу, решился на это с борьбою, сказав: пусть я ради пользы брата моего потерплю ущерб. И я пошел на эту жертву ради любви к Вам. Говорю о жертве не потому, чтобы указать Вам на это, как на какую-то заслугу мою перед Вами, но просто, как брату присному, открываю свою душу. И прошу Вас, возлюбленный мне брат, умолите Господа посетить снова душу мою; ибо я тоскую несказанно, давно не видя Господа. Нет печали на земле тяжелее печали души, когда она потеряет благодать.

И еще скажу Вам, не разжигайтесь воображением обо всем, что я Вам говорил; все это, с одной стороны, столь дивно, что нет слов выразить, а с другой — это все так естественно,

просто, ясно, что всякое вычурное выражение будет ложно. Восходит (вернее, возводится благодатию) до созерцания человек постепенно, сам того не замечая.

Но при всем этом скажу Вам тайну жизни о Христе. И эта тайна нетайная, не новая, открытая мною, а древняя, как учение Христа. Тайна жизни о Христе — любовь, неразрывно связанная со смирением. Если человек не смирится до зела, так что будет почитать себя хуже бессловесных животных, то не уразумеет он никогда тайну духовной жизни, — не узрит света Христова. И это начало смирения. Любовь же — это сущность христианской жизни; любовь — основание богословия. Различные понимания, взгляды существуют на многие предметы и явления духовной жизни, но истинный до конца тот, который в основе имеет любовь Божию (к нам, а затем нашу к Богу).

Например, некоторые смотрят на послушание, как на принесение человеком в жертву Богу своей воли, которая, конечно, дороже всего человеку. На самом же деле иначе нужно понимать об этом. В жертву Богу человек что может принести? Бог ни в чем не нуждается; жертвы не хочет, а милость Свою к нам явить — вот Его желание (см. [Мф.9:13, 12:7](#)). Когда мы отрекаемся от своей плотской воли ради послушания Богу, ради исполнения Его воли, то чрез исполнение Божией воли мы становимся причастниками Божественной жизни, — а акт произвольного отречения от своей воли делает наше восхождение разумным проявлением нашей любви к Богу. И эта возможность — свободного разумного восхождения при содействии, конечно, благодати есть благодеяние нам, а не жертва наша Богу. Но этим не исчерпывается все то, что должно или можно сказать о послушании. Понимать тайну послушания или отречения воли своей очень важно для разумного восхождения (постепенного) в духовной жизни.

Также о скорбях. В чем выражалась бы или из чего познавалась бы нами наша свобода, если бы для восхождения нашего к Богу не требовалось совершение подвига, сопряженного с болезнями, скорбями, тяготою и проч.? Но Бог дал нам свободу, дал нам и возможность познать себя благодетельствованными, одаренными столь великим даром; дал нам вместе и возможность проявления свободы, выражающуюся в добровольном терпении нами скорбей. Так что благоразумная душа, из всего этого познавая себя одаренною, благодетельствованною от Бога в высшем духовном смысле, радуется в скорбях и благодарит Бога и произвольные скорби почитает более приятными невольных радостей (то же пишет и Василий Великий)¹⁴³. Последняя или высшая степень этого восхождения может быть проявлена человеком в смерти своей. Блаженный Диадокх говорит об этом так: «Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога — вменение в радость скорбность смерти»¹⁴⁴. Таким образом, любящая Бога душа, уразумевавшая должным образом совершающееся с ней некоторым неизреченным образом, торжествует и радуется даже в смертной агонии, а Бог по безмерной благодати Своей и любви к человеку за сие благоразумие, а не жертву, еще одаряет нас неизмеримо большим даром, — приобщает нас Своей Божественной жизни... Творец — Единый Бог, но и нам Он дает возможность некоторого соучастия в деле творения, — деле, свойственном по существу только Ему. Первоначальное проявление этого состоит в том, что мы сами принимаем ближайшее участие в деле возрождения, восстановления или вторичного высшего воссоздания нас Божественною благодатию. О дальнейших степенях и формах этого участия не будем говорить. Заметим только, что дар Вам от Бога — священство — дает Вам возможность и даже налагает обязательство великого подвига — служения ближним. В этом служении своем Вы должны со страхом и смирением сознавать себя соучастником в деле Божественного спасения людей. Много случаев проявления любви к ближнему предоставляет это служение. Особенно в духовничестве: исповеди и руководстве. Многожды будет Вам предоставлена возможность «душу свою полагать за овцы своя» (ср. [Ин.10:11](#)), вернее, Христовы овцы, и други, и братья своя.

Слишком в сторону от прямой темы уклонился я по влечению своему рассуждать о том, что Бог нас так безмерно любит, что все случающееся с нами можно и должно принимать и понимать как Его милость и благодеяние, и поэтому всегда и за все должно благодарить и радоваться (см. [1Сол.5:16, 18](#)).

2. Относительно Вашего «неверия», помню, хотел сказать Вам, что душа Ваша, благодаря пережитому Вами периоду «неверия», и теперь, и после — легко сравнительно — при умалении действия благодати может слагаться на привычную ей складку — чувство сомнения или неверия, но Вы не придавайте этому большого значения и не смущайтесь, а только знайте, что это неверие поверхностное и является только показателем умаления благодати и охлаждения сердца. Тогда хорошо молиться до тех пор, покамест не согреется сердце, покамест не будет преоблаждено это чувство холода и неверия. Вообще Богу угодно, чтобы мы испрашивали у Него молитвою всякий дар благодати: веры, смирения, терпения и проч. Все это сначала дается вкусить душе даром, но затем благодать отымается (главным образом за возношение и гордость), и тогда человек должен сам с трудом искать ее для того, чтобы снова получить ее более прочным образом по сознательному к ней влечению и разумному усвоению.

Ваши последние письма¹⁴⁵, в которых Вы стали так осторожно и продуманно выражаться о всякой вещи, заставили меня устыдиться тем, что я позволял себе как бы поправлять Вас, и теперь я думаю, — да уж нужно ли все это говорить Вам, что я говорю. Ваши рассуждения о многих предметах духовной жизни столь благоразумны, что не требуется к ним никаких дополнений или поправок. Чтение книг даст Вам несравненно больше того, что я могу дать. Служение мое Вам близится к концу¹⁴⁶.

3. О помыслах Вы узнаете все из книг. Впрочем, помните, что заповедь о любви к Богу всем сердцем, всем помышлением, всем умом и говорит о том, что когда мы умом своим отходим от Бога, то этим погрешаем против сей первой заповеди. Поэтому нам, не способным молиться постоянно, да еще чисто, нужно стараться так обставить, устроить свою жизнь, так распределить время, чтобы постоянно, если возможно, плавать в атмосфере духовной: молитве, чтении, богослужении, размышлении о Божественном и проч., меняя и чередуя делания¹⁴⁷.

4. О послушании и старчестве. Письмо слишком затянулось, так что и на сей раз я вынужден отложить беседу об этом, так как хотя и немного я хотел Вам сказать, но все же понадобится, быть может, одна или две страницы¹⁴⁸, а я хочу закончить это письмо, так как уже не располагаю временем.

5. О «выпытывании». Простите меня, я уже сказал Вам об этом и, кажется, в слишком грубой форме, так что боялся, что опечалил Вас.

6. Говорить по этому вопросу я не собираюсь много вообще, но скажу, что я вовсе не думаю считать Католическую Церковь «какою-то светскою, земною организацией», а если говорю о них, что они «оземленились», то это по сравнению с тем, что мне дал Господь узреть в Православии; надеюсь, что и Вам Господь даст познать, что они «оземленились»¹⁴⁹. Эта «земля», или «человеческое», проникло во всю жизнь Католической Церкви. Говорить об этом мы не будем, потому что поневоле увлечемся к обсуждению того, что уже многими обсуждено и изложено вполне обстоятельно и что Вы, несомненно, читали. Нелепо, когда при защите своей Церкви кто-либо обвиняет другую в вещах преходящих и несущественных, как, например, недостатки в личной жизни клира, обряды и тому подобное. Но в католичестве (по сравнению с Православием) есть много существенных погрешностей, как в догматическом отношении, так и в духе ее жизни церковной (духовной). Взгляд на покаяние и исповедная практика не согласны с духом Христовым (как я это понимаю), и это в связи с неправильным пониманием дела искупления человека. Какой-то «земной», «юридический» подход к решению этих вопросов.

Неправильности и даже просто грубые заблуждения в нравственно-аскетической жизни признаются благодатными, канонизованы как таковые (стигматизация, например), в то время как попирается, осмеивается, отвергается умное делание православных аскетов, а некоторые святые отцы, наиболее преуспевшие в сем умном делании, признаны за особо злостных еретиков (например, божественный Григорий Палама).

Но Вы увидите, что то умное делание, о котором учит православная аскетика, — существовало в Церкви во все века и многие из святых древней Церкви до разделения писали об умной молитве, а еще большее число их занимались и восходили до последних доступных на земле благодатных состояний. Святые Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Исихий Иерусалимский (ученик Григория Богослова — в начале V века († 433) *жаловался уже на «умаление и оставление умного делания»*¹⁵⁰), Иоанн Лествичник, Варсануфий Великий, авва Дорофей и другие.

Старец отец Силуан запрещает нам занимать свой ум разбором учений Православной и Католической Церквей и сравнением их; говорит, что нужнее нам и полезнее молиться чистым умом. Уклонившись в некоторой мере от его совета, я погрешаю, но добавлю еще, что, быть может, Вы будете иметь возможность познакомиться с учением о несозданном Свете. Сказал, что пришло на ум из того, что мне кажется более существенным и мало вспоминаемым апологетами Церкви.

Простите меня, дорогой батюшка отец Давид, что я не смогу Вам много сказать по причине недостаточного знакомства моего с этим вопросом, то есть ничего нового не могу Вам сказать. Для меня вопрос о Церквях решен окончательно, но не путем подробного изучения и сравнения, а путем молитвы. Как я молился об этом, Един Господь ведает. Впрочем, я и в порядке умственного убеждения всецело теперь склоняюсь к Православной Церкви, но говорить об этом подробно — дело совершенно излишнее.

Душа моя познала Бога, что «Он есть Любовь» (ср. [1Ин.4:8](#)), и Любовь неизреченная, несказанная, неизъяснимая, ненасытная, безграничная, чистейшая, святейшая, недомыслимая по совершенству, сладчайшая, крепкая, вечная, и что еще сказать? «Бог есть Свет, в Котором нет ни единой тьмы» ([1Ин.1:5](#)) (или пятна, или порока). Когда по дару милосердия Божия душа удостоивается созерцать Святость и Любовь Божию (не говорю о справедливости, которая некоторым образом неудобомыслима в связи с бесконечной любовью Бога), тогда она невольно в каком-то неизъяснимом изумлении, удивлении говорит: «О, какой у нас Господь». И уже после того душа во всех своих разумениях и суждениях исходит из того познания, которого удостоилась, то есть что «Бог есть любви» ([1Ин.4:8](#)).

Потому неудобомыслится справедливость в Боге, что даже и человек в состоянии благодати поставляется превыше закона справедливости¹⁵¹, научается любить и молиться с ненасытным плачем не только за друзей, но и за врагов и исполняется милости и сострадания ко всякой твари. В молитве за ближних своих человек тогда доходит до готовности душу свою погубить не только во времени, но и в вечности, лишь бы и они познали истинного Бога, испили от чаши любви Его. Дух тогда свидетельствует об истине с несомненностью. Сердце, уязвленное любовью Божественною, иногда болит так, как бы его пронзил кто раскаленным мечом, но болезнь эта сладкая непередаваемо. От сладости любви Божией человек может забывать весь мир.

Господь да помилует меня за Ваши молитвы. Хочу я, чтобы у Вас совершился в душе решительный перелом, чтобы Вас не занимал и не отвлекал от прямого шествия вопрос о том, где истинная Церковь и есть ли таковая. Этот вопрос был и в письме из Парижа¹⁵², где Вы пишете о том, что душа Ваша влечется к Православию, как к родному чему-то, а от католичества отходит, как от чего-то чуждого, но что «это, конечно, не все». И у меня были

такие же чувства, но «это, конечно, не все». Однако я верю вместе с Вами, что Вам Господь даст познать истину. *Стойте крепко при перемене ветров.*

Помните, я Вам в одном из писем приводил слова преподобного Григория Синаита, что под познанием истины надо разуметь благодатное чувство ее; и это воистину так... после человек будет говорить о Боге, глядя на сердце свое и вспоминая познанное чувством благодатным. Но опять повторяю — не разжигайтесь воображением. Все это дивное несказанно в то же время так *просто и естественно*, что ничего тут «мистического» нет. Путь ко спасению начинается со страха Божия и совершается в страхе, который может доходить до того, что человек воистину чувствует себя пригвожденным. Надо любить чувство страха Божия и хранить его. Любовь же должна проявляться, по слову Господа, в соблюдении заповедей. И в этом «Бога бойся и заповеди Его храни» — вся премудрость, вся мистика-тайна. Жизнь христианская — простая, и мы все в жизни должны быть просты, так что даже как бы и ничего нет. Да и действительно, так все понятно и ясно.

Одна малограмотная женщина пишет из России отцу Пинуфрию (он дал мне прочитать ее письмо в прошлом году). В сравнительно длинном письме она описывает трудности жить в России для верующих, гонения, ссылки, притеснения, аресты, налоги особые и прочее, так что, по ее словам, «встаешь, не знаешь, что день принесет, а ложишься, не знаешь дадут ли спать, — не пришли бы ночью с обыском или арестовать» и прочее; а после этих описаний говорит: «И так хочется побегать за ними, ухватиться за одежду и сказать: “Подумай, дорогой, что ты делаешь, куда ты идешь, ведь в погибель вечную”». И так к скорбям прилагается *естественная* скорбь за врагов-братьев, что они погибают.

Но при всей естественности должно обязательно сказать, что вся жизнь о Христе для человека вышеестественная и есть дар Божественной благодати; жизнь, неизъяснимая на языке человеческом; поэтому божественный Павел и говорил все на языке, непонятном обычному необлагодатствованному уму человеческому.

Величие в смирении, сила в немощи, в кротости, мудрость в безумии, свобода в произвольном самопорабощении, богатство в нищете и так далее. Губя душу свою — спасаем ее. Все как бы наоборот по сравнению с обычными человеческими понятиями. Радость в скорбях, милость и благодеяния — врагам, уплата добром за зло, сознание своего невежества при богатстве ведения. И это воистину так бывает, потому что чем глубже старается человек проникнуть, тем больше, яснее познает свою удаленность от цели; всякое новое приобретение в отношении познания, в сущности, только раскрывает уму нашему существование новой области неведомого, не делая его ведомым, и в то же время заставляет помышлять, что за гранью относительно познанного существует бесконечный ряд познаний, о которых мы не имеем никакого представления.

Остаются еще некоторые вопросы, о которых уже нет времени побеседовать. К тому же я так много уже написал, что, быть может, Вы будете жалеть время, потраченное Вами на прочтение этого письма. Но еще не могу удержаться, чтобы не сказать Вам — радуйтесь, что Господь привел Вас к познанию истины. Но радость свою начните с великого страха, помышляя в душе своей о словах Господа: «узкая врата, и тесный путь вводя в живот, и мало их есть, иже обретают его», то есть сей узкий путь ([Мф.7:14](#)). Да поможет нам Господь постепенно (или как Ему угодно будет) оторваться душой от мира сего, то есть от страстей и жизни в узах вещества, дабы сподобились мы иной невещественной жизни во свете Лица Божия.

Простите меня, дорогой батюшка отец Давид, и благословите. Молясь Богу о мне, грешном и недостойном Вашем брате, молитесь и Божией Матери, и, если возможно, в молитве своей препобеждайте всякие препятствия, доколе есть силы; буду считать себя вознагражденным за свою к Вам любовь, имея в Вашем лице молитвенника о моей грешной душе [153](#).

Преданный Вам и любящий Вас о Господе
недостойный иеродиакон Софроний

Письмо 12. Покаяние — основа духовного делания

О божественном превосходстве Православной Церкви. Покаяние — единственный путь к богосыновству. О молитвенном правиле. О христоподобии в жизни и наружности

Афон, 12 (25) декабря 1932 г. [154](#)

Глубокочтимый батюшка отец Давид!

Благословите.

[...] Очень благодарю Вас за любовь Вашу ко мне и молитвы. Не собирался я так скоро опять писать Вам, но теперь, получив от Вас и письмо со многими и очень важными вопросами, и книгу «Abrégé de toute la doctrine mystique de St Jean de la Croix» [155](#), — решил написать Вам хотя немного в надежде, что это успокоит Вас несколько.

Предо мною стоит трудная, превышающая мои силы задача по отношению к Вам. День и ночь лежит на сердце моем забота о том, чтобы Господь даровал душе Вашей несомненную уверенность, убеждение (не веру только) в том, что теперь Вы вступили на путь воистину совершенный и правый [156](#); чтобы Вы не только в еще не совсем ясном чувстве сердца сознавали это, но и умом видели; чтобы Вы, подобно апостолу Петру, сказали в самом себе: «Несть под небесем инаго пути ко спасению, ведомаго в человецех», совершеннейшего того, которому учит Православная Церковь (ср. [Деян.4:12](#)).

С другой стороны — хочу, чтобы наша жизнь духовная шла нормальным, законным путем постепенного восхождения души к Богу.

Итак, первое понуждает меня говорить о высоком в духовной жизни, второе — о начальном, соответствующем нашему состоянию. Говорю об этом не потому, чтобы я сомневался в Вас, нет, но потому, что еще не вижу в Вашей душе того, о чем упомянул выше, — то есть ясного сознания о божественном превосходстве нашей Церкви над всеми другими. Это очень важно иметь для Вас. Тогда душа Ваша с совершенным покоем, и миром, и верою будет пребывать в соответствующем ее силам делании, нисколько не смущаясь тем, что где-то учат о якобы более совершенном пути, о высшем делании. Вот теперь что получилось. Вы увидели книгу St Jean и думаете, что нашли разрешение стоявшего пред Вами вопроса, как надо молиться.

Я своими письмами сбил Вас с толку; Вы ничего не понимали и находились в недоумении; а мне именно это и хотелось; нужно было, чтобы Вы сознали свое неведение, нужно было, чтобы Вы, с одной стороны, стали твердо на почве веры несомненной, с другой — выбить из-под Ваших ног всякую почву. Нужно было, чтобы Вы помучились недоумениями и страхом.

St Jean учит в своей книге об «умном безмолвии» — высочайшем делании духовном, о созерцании и Любви Божественной, а Вы, прочитав его книгу и как человек интеллектуально развитой, усвоили часть из его идей и потянулись на «брак Агнчий» ([Откр.19:7](#)), не умыв предварительно лица своего. Умываются христиане не иным чем как плачем. Поверьте, дорогой батюшка отец Давид, хотя я и невежда, что путь к созерцанию [157](#) и любви Божественной есть только один — покаяние (оно состоит в страхе Божиим, раскаянии во грехах и посильном стремлении не оскорблять Бога повторением грехов, в которых каемся); опять скажу: «Бога бойся и заповеди Его храни» (ср. [Еккл.12:13](#)).

Покаяние должно быть началом нашей духовной жизни; оно красной нитью должно проходить чрез всю нашу жизнь до гроба. А если Богу угодно будет восхитить человека к созерцанию, то это всецело дело Его усмотрения и благоволения к *кающемуся*; мы же об этом никакой даже мысли не должны иметь, ни желания, потому что самое это наше *желание*, по слову преподобного Исаака Сирина, есть первое препятствие к созерцанию. Теперь очень часто

говорят о богосыновстве, но мало говорят о пути к нему. А путь этот — *покаяние*. Нигде так ясно не познает душа наша Бога как Отца, как в покаянии. Кающегося Бог принимает как блудного сына и радуется о нем, что мертв был и ожил, погибший был и нашелся (ср. [Лк.15:32](#)). Молитва наша всегда должна приноситься Богу с сознанием, что она приносится «от скверных устен, от мерзкого сердца, от души осквернены». «Во все течение жизни твоей, сын мой, молись, как *грешник*, говоря на всякое время: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»¹⁵⁸. Смотри в конце книги аввы Варсануфия и Иоанна поучение святого Нифонта, епископа Констанции, современника Афанасия Великого (первая половина IV века). Все это поучение есть лучшее из того, что мы можем взять в руководство в настоящее время.

Покамест совершенно оставьте и, если возможно, забудьте прочитанное Вами в книге de St Jean de la Croix. Вопрос о молитве Вас в настоящий момент более других занимает, а поэтому я и позволил себе говорить о нем, — и тороплюсь отправить письмо с этой почтой, если только не опоздал еще.

Что касается задачи, возложенной Вами на меня, — «высказать мое мнение о книге de St Jean, указать в ней на искажения и уклоны», то должен прежде всего заметить, что задача эта настолько превосходит мои силы, что я счел бы себя безусловно обязанным уклониться от выполнения ее, если бы не боялся, что память прочитанного с таким напряженным вниманием не даст Вам возможности относиться ко всем нашим дальнейшим, Богу благоволящу, беседам о молитве просто и с доверием. Дело в том, что если St Jean учит верно «умному деланию», то и тогда то, о чем он говорит, неприменимо к нам. Я еще не разрезал книги; посмотрел только *préface*. Прошу Вас, не торопитесь и меня не торопите с этим делом; я так мало времени могу уделить чтению вообще, а столь серьезному особенно. Трудность чтения этой книги, помимо малознакомой мне аскетической терминологии французского языка, состоит главным образом еще и в том, что по данному Вами мне заданию я должен критически относиться к ее содержанию, то есть проверять, где автор ее учит правильно и где он заблуждается, если заблуждается. Я совершенно не расположен относиться к творению de St Jean с преднамеренным желанием найти в нем «искажения и уклоны», — или придирааться к несущественному, или останавливаться на очевидном и общеизвестном — то есть расхождении в догматическом отношении. Наоборот, Господа умоляю и Матерь Божию дать мне, безумному и невежде, на сей раз разум и рассуждение понять самый существенный момент в его учении об «умном безмолвии». Дело в том, что существуют и неправильные представления о нем.

Молитесь и Вы, дорогой батюшка отец Давид¹⁵⁹, чтобы Господь помог мне. В Рождественские дни, Богу благоволящу, буду читать книгу со страхом, молитвою и вниманием. После напишу Вам. В числе недобрых свойств невежества есть и то, что оно своих обладателей понуждает иногда на дела, очевидно превосходящие их силы и разум.

О Вашем правиле молитвенном. Если бы я был духовником Вашим, то дерзнул бы по отношению к Вам (а не вообще) заменить чтение канонов и тропарей и стихир молитвою по четкам — и на время. Если же заменить каноны четками по числу (по уставу — три четки за канон), то получится значительное удлинение правила в отношении времени, так как прочитать канон много легче и скорее, чем протянуть три четки Спасителю. (Божией Матери нетрудно, так как молитва много короче.) Молитвы ко Причащению заменяются по уставу 12-ю четками. Это по меньшей мере займет один час времени, тогда как прочитать их можно в 25 минут (молитвы без канонов — 12 четок; каноны Спасителю, Божией Матери, ангелу-хранителю, причастный — 10 четок — всего 22 четки). Монахи так делают, но Вы не можете столько времени затрачивать на правило. Не выполнять этого правила могут лишь те, которым «закон не лежит», то есть которые постоянно пребывают в молитве.

В обычные дни, когда не служите литургию, мне представляется возможным заменить

правило молитвою на время (как хочет душа — по книге или четкам своими словами): за вечерню — 45 минут, за повечерие перед сном — 45 минут, за утреню — два часа — итого три с половиной часа. Частью по книгам (псалтирь, часы, каноны), частью на четках, частью от себя. Необходимо при этом следить за тем, чтобы эта свобода не была для ума поводом скитаться по миру, а только давала бы свободу душе молиться более сосредоточенною молитвою от сердца. Если же ум скитается, то надо привлечь его к молитве или по крайней мере удержать его от скитания. Старайтесь ум заключить в слова молитвы. В общем же скажу — это даже хорошо: побойтесь и помучитесь этим вопросом, ища разрешения его и непосредственно у Бога: «скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду»... ([Пс.142:8](#)) «Научи мя творити волю...» ([Пс.142:10](#)) научи мя оправданиям Твоим» ([Пс.118:12](#)), и другое: чтением книг и беседою с некоторыми (немногими) людьми. Попросите владыку благословить Вам заменить правило по книгам — молитвою на время, то есть то время, которое Вы употребляете на чтение (не быстрое, не медленное — среднее) правила, Вы будете употреблять на молитву или по книгам же — более медленное внимательное чтение без боязни растянуть правило на несколько часов, оканчивая его по истечении назначенного времени, в каком бы месте это ни пришлось, или на четках, опять не торопясь, а внимая молитве, — не обращая внимания на количество четок, или, когда захочет душа помолиться, пусть молится спокойно, не боясь, что своя молитва не будет считаться правилом и что поэтому по окончании ее все же придется вычитывать каноны, что будет уже в тягость. Словом, свобода должна быть душе от книги, но свобода молиться, а не мечтать умом. Если же ум будет ленив на внимательную молитву, тогда надо браться за книгу и устав церковный...

Истинно благочестивая жизнь христианина делает его лицо похожим на Христа (несмотря на все разнообразие характеров и индивидуальных черт у людей). Я очень рад был увидеть Ваш портрет. Вы стали православным человеком. Милость Божия почивает на Вас. Старец отец Силуан тоже очень благодарит Вас за фотографию; он с любовью рассматривал Ваше лицо; радуется, что благотворная перемена Вашей жизни отразилась даже и на внешности^{[160](#)}.

*Недостойный иеродиакон Софроний,
любящий Вас о Господе*

Письмо 13. О духовном преуспевании

О молитве чистым умом; книги об умном делании. О порядке в духовном развитии человека. О наставниках. Надо низводить себя во ад. О сердце плотном и духовном и о пути к нему. О двоедушии. Нельзя стремиться к видениям

Афон, 14 (27) декабря 1932 г. [161](#)

Глубокочтимый батюшка отец Давид!

Благословите!

Возлюбленный о Христе брат, примите от меня поздравление и добрые пожелания в дни праздника Рождества Христова.

Вчера отправил Вам письмо и думал, что не буду Вам писать теперь долго. Но память, чтоб не сказать забота, о Вас не отходит ни днем ни ночью, и вот сегодня, снова перечитав Ваши письма [162](#) из Ниццы, решил опять безотлагательно писать Вам, так как на многие вопросы, которые Вас в настоящее время особенно остро интересуют, а именно о молитве, не дал я еще почти никакого положительного ответа.

«Молиться, достигнуть истинную молитву; упражняться в молитве по правильным методам — вот теперь моя главная забота. Пожалуйста, пишите мне все, что можете, об этом».

Молитва есть дело ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, *бесконечное* делание [163](#). В пропавшем письме я, помню, писал Вам, в ответ на Ваше большое письмо из Литвы, несколько и о молитве.

Когда то письмо Ваше я прочитал старцу отцу Силуану, то он помолчал сравнительно долго, а потом сказал, что Вам бесполезно занимать свой ум рассуждениями о вере и о Церквах (в том письме было очень много уделено Вами внимания этим вопросам, и Вы просили меня на многое Вам ответить), а что Вам нужно **МОЛИТЬСЯ ЧИСТЫМ УМОМ**.

Не помню я теперь точно обстоятельств этой беседы у меня с ним; помню только, что он настойчиво, со всею решительностью сказал, чтобы я написал Вам об этом и чтобы Вы обратили серьезное внимание на его совет. После этих слов в письме, помню, писал я Вам немного, что значит «молиться чистым умом». Заметил я также и о том, что делание сие *великое и страшное*, и что приступать к нему надо с большою осторожностью и страхом Божиим, что святые отцы предупреждают о том, что недостойно приступающие к сей ПРЕЕСТЕСТВЕННОЙ молитве навлекают на себя только гнев Божий [164](#).

В том же письме я говорил Вам, что считаю совершенно излишним писать Вам о молитве в то время, как существуют в великом изобилии творения святых отцов и некоторых позднейших писателей-аскетов, посвященные исключительно умному деланию, и предложил Вам приобрести эти книги, вот они:

1. «Добротолюбие» (Φιλοκαλία). Лучше, думаю, приобрести русское «Добротолюбие» (перевод епископа Феофана Затворника), потому что, помимо превосходства по сравнению с греческим в отношении обилия собранных в нем святоотеческих аскетических творений, оно является, безусловно, более понятным, чем греческие подлинники, где часто встречаются неясные, то есть труднопонимаемые, места, которые в русском переводе более или менее разобраны и смысл их найден. (Впрочем, есть кое-где и не совсем точный перевод, но это не существенно.) Полное русское «Добротолюбие» составляет пять томов. Четвертый, посвященный исключительно преподобному Феодору Студиту, — Вам, думаю, не нужен. О молитве и умном трезвении собрано преимущественно в пятом томе, есть многое и в третьем томе, так что пятый и третий являются наиболее важными для интересующихся молитвою.

2. Кроме «Добротолюбия» необходимо иметь книги преподобного Исаака Сирина;

3. Святого Петра Дамаскина;

4. Преподобного Симеона Нового Богослова, или греческий текст (новый язык), или русский перевод епископа Феофана Затворника (в русском переводе нет творений святого в стихотворной форме).

Но этого еще недостаточно. Думаю, что для правильного и систематического ознакомления с существом и методами умной молитвы Вам полезно будет предварительно познакомиться с сочинениями

5. Епископа Игнатия Брянчанинова. Сей епископ-подвижник опытно проходил делание умной молитвы и в своих сочинениях с вполне удовлетворительной последовательностью, и подробностью, и ясностью излагает учение святых отцов об умной — Иисусовой — молитве. Чтение его сочинений значительно сократит труд разобраться в творениях святых отцов, даст сразу правильное понимание о них и представление о постепенности восхождения, которая если и не для всех обязательна, то все же знание об этом всем полезно.

6. Житие и писания старца Паисия Величковского. Весьма полезная книга.

7. Можно, если хотите, приобрести «Откровенные рассказы странника» и

8. Некоторые небольшие сочинения епископа Феофана Затворника — в этих книгах Вы найдете бесконечное, неисчерпаемое богатство. Чтение их доставляет душе неизъяснимое наслаждение. Написанные по вдохновению Святого Духа, они при одном чтении их *освящают* ум. Помучайтесь, потрудитесь, поскорбите, помолитесь, поплачьте о своей душе, читая их.

Дорогой батюшка отец Давид, что понуждает меня писать Вам, когда есть Священное Писание, есть такое изобилие святоотеческих творений, на которых только и может основываться всякий пишущий в наше время (по заповеди святых отцов, говорящих, чтобы никто не дерзал учить *от себя*)? Не что иное, как готовность любви ради Христовой послужить Вам в той мере, в какой могу. «Наука сокращает нам опыт быстротекущей жизни» ¹⁶⁵. Вот желание мое: сократить Вам затрату труда и времени на приобретение опыта и знания духовного и *указать* Вам на путь истинный и незаблудный (указать, а не руководить) в той мере, в какой могу ¹⁶⁶.

Я, сознавая свою недостаточность, много молился Богу и Божией Матери освободить меня от превышающего мои силы дела — быть как бы Вашим духовным советником, но до сих пор не было благоволения Божия на то, чтобы я уклонился от сего труда, и потому со скорбью, и болезнью, и слезами нес я, как мог, это бремя. Постоянно думы о Вас, писание по ночам писем, после крайнее изнеможение на утреннем бдении — совершенно разорили мое безмолвие. Трудно быть наставником и для простого, непытливового, доверчивого человека, но какой несравненно более тяжкий труд быть советником человека образованного, с высокоразвитым интеллектом.

В духовной жизни существует известный порядок, которого необходимо держаться для правильного развития человека. Бывают исключительные случаи, но тогда все совершается Богом без участия человеческого руководства или воли; а как только встречается руководство, или воля, или сознательность в выборе деланий, так обязательно нужна бывает последовательность. Нельзя, пропустив нижние ступени, ступить сразу на верхние. Когда же такому человеку говорят о деланиях начальных, которые во многом могут быть несовершенны, то он, читая где-либо о совершеннейшем и понимая читаемое интеллектуально, начинает стремиться к тому совершенству НЕЗАКОННЫМ путем.

Необходимо скрыть от ученика очень и очень многое, чтобы он позднее, в свое время, познал то самую жизнь, а не отвлеченно только умом, от чего не будет ему пользы, а скорее даже и вред. Враг будет разжигать на подвиги, не соответствующие силам, и при этом постоянно шептать: вот оно — то самое; вот благодать; вот совершенство; вот тот мрак, или

свет, или истина и так далее — и этим совершенно собьет в погибель, подсунув прелесть вместо истины, или наполнит ум и сердце возношением, делает его неспособным принять благодать Божию, всегда готовую посетить нас.

Когда я говорю Вам что-либо, то Вы хотя и с добрым, похвальным намерением — ПОНЯТЬ, однако такому анализу подвергаете мои слова, который безусловно является превосходящим должную меру. Чтобы разъяснить Вам все Ваши недоумения — потребуется много времени, потому что Вы то перескакиваете в догматику, то видите разногласие там, где его фактически нет, а есть только разница устроений и уровня тех людей, которым даются советы, и так далее. На часть Ваших вопросов я постараюсь скоро ответить, а остальное Вам станет ясным скоро само по себе.

Теперь же считаю более важным сказать Вам в продолжение моих последних писем, что сказанное мною, иногда более высокое, а иногда простое, сказано в таком соединении, которое, по намерению моему, должно было Вас привести, с одной стороны, к вере и сознанию, что тот путь, который я пытаюсь начертить пред Вами, есть истинный, с другой — удержать Вас в пределах доступного, и сильного, и законного¹⁶⁷.

Говорю Вам то, в чем уверен, что сам пережил; но хочу кончить ссылки на свой ничтожный опыт. Я знаю, что Вы не осуждали меня за это, но все-таки нелепо говорить о себе. Как много пострадал я, что не имел наставника верного, лучше сказать, такого, который смог бы держать меня в своих руках, удовлетворяя в некоторой мере моим запросам — душевным или умственным. Я подчинился до крайнего отречения от всего своего, несмотря на то что слышал и видел от своего наставника вещи слишком простые и элементарные, могущие только удовлетворить человека малограмотного и медленно мыслящего. Приходилось зарывать себя в землю, смиряться, быть может, до нелепости. Когда же помышлял о более высоком, то приходилось действовать, основываясь на своих догадках, и, знаете ли, сколько раз я претывался и до сих пор претываюсь, и иногда страшно, почти смертельно. Сотни раз собирался умирать; уходил в больницу часто, часто дома ложился со слезами болезни без надежды почти оправиться когда-нибудь. Желание было у меня хотя бы немного в начале Вашего пути оградить Вас от некоторых вещей, которые причинили мне вред, быть может, непоправимый. Я хожу среди людей и бываю весел на вид, но душа моя скорбит тяжко; хотел бы плакать, упав на землю лицом, и не вставать до дня освобождения или судного, но изнемогаю от плача скоро.

Сколько раз так плакал, что казалось — утроба моя, сгорая, истекает в слезах, но даже до сих пор не вижу успеха, не могу исправиться ни на йоту. Одно только познал, что не должен человек никогда стремиться к видению, к созерцанию, к высоким достижениям — это все путь прелестный. Путь в Царство Небесное лежит чрез ад. Надо всеусильно сознательно умом низводить себя во ад, то есть почитать себя окаянным, недостойным милосердия Божия, достойным за злобу свою, за все окаянства, за противление Богу — вечных мук во аде; только когда душа изнемогает от этого сознания, — тогда уповать на милость Божию, чтобы не отчаяться¹⁶⁸.

Низводить себя во ад должно, но повторяю — это значит почитать себя достойным ада; воображать же себе при этом что-либо нет никакой нужды (зачем воображать, когда ад в душе). Вас привели мои слова об аде в недоумение, да и многое Вас приводит в недоумение, и Вы сделали так много выписок из моих писем, что я не знаю, на что Вам отвечать; при этом мне кажется, что между ними (выписками) нет связи. Не понимаю я, например, почему Вы после «нам нужно привыкать вниманием ума стоять в сердце» — приводите мои слова «прелесть прежде всего состоит в том, что человек в уме своем рисует образы или предается душевной восторженности», и затем «берегитесь от мечтательности», и далее о «чувстве» страха Божия или о сознании величия нашего звания христианского. Не понимаю, что Вас смущает.

Стоять умом в сердце — это значит внимание ума сосредоточить в том месте (физического пространства), где находится наше сердце (плотное, то, что бьется в груди у нас). Рисовать при этом какой бы то ни было образ не должно, и самого сердца воображать не должно; а стоять обнаженным (от всякой *посторонней* мысли) умом, чисто помышляя (безвидно, безобразно) о Боге, и призывать Божественное имя Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия ¹⁶⁹. Что при этом произойдет — Вы увидите, и тогда можно будет и говорить о том; и это одно. Другое совсем — предаваться мечтательности, этого действительно надо избегать ¹⁷⁰.

Излишним мне представляется и Ваше искание МЕТАФИЗИЧЕСКИХ понятий о сердце ¹⁷¹. Впрочем, все это, быть может, возникло у Вас потому, что St Jean de la Croix учит противоположному? Но знайте, дорогой, что если он *правильно* учит об «умном безмолвии» — то между нами не будет никакого противоречия. А Вы просто забежали несвоевременно туда, куда не следует еще Вам стараться проникнуть, и, кажется мне, Вы еще не вполне *поняли*, хотя и пишете в своем письме, что Вам все *очень понятно*. Впрочем, я человек, быть может, ошибаюсь я, а не Вы, тогда прошу меня поправить. В письме последнем Вы пишете так: «Мне кажется, что под словом *сердце* православные понимают тот *vide des puissances* ¹⁷², о котором пишет St Jean, хотя по обыкновенному современному (светскому) понятию сердце означает именно изобилие чувства и сознания... а «ум в сердце» — это уже *следствие* благодатного познания в «темноте» (?)» — Из Ваших слов нетрудно понять, куда склоняются симпатии Вашего *сердца*, — к первому, конечно, а второе даже как-то осуждается как недуховное. В своих рассуждениях дальнейших я буду базироваться не на каком-либо определенном учении православной аскетики, а главным образом на своих догадках, поэтому если наговорю нелепостей, то не приписывайте их никому другому, кроме меня.

Вопрос о сердце Вас интересовал еще и ранее. Помню, в личной нашей беседе Вы рассказывали мне, что задавали вопрос этот: «Что надо понимать под сердцем?» еще отцу Феодосию на Каруле, и тот ответил Вам, не помню точно что, но только помню, удовлетворил он несколько Вас своим ответом, потому что тоже давал определение сердцу метафизическое. Я же хочу Вам предложить для практической духовной деятельной жизни, соответствующей нашему духовному уровню или состоянию, не увлекаться покамест изысканием метафизических понятий о сердце, а подойти к решению этого вопроса много проще, что приведет Вас вернее к истине во время, благоугодное Богу. Излишняя иногда бывает у людей «духовность». Так «излишне духовны» были иконоборцы, которым мудрование православных об иконах казалось недуховным, плотским. Так же и о сердце, мне кажется, Вы создали в уме своем «излишне духовное» представление, которое может повредить деланию умной молитвы. Боюсь, что мои рассуждения покажутся Вам теперь плотскими, светскими; боюсь, что Вы сделаете заключение, что, говоря о *чувствах* (страха Божия и других духовных чувствах), я понимаю что-либо *чувственное*; но нет, это будет ошибкою с Вашей стороны так предполагать. (Если успею написать, приложу Вам выписку из писем Феофана Затворника.) Говорю все это не потому, чтобы отрицать существование более глубоких предлагаемого мною пониманий о сердце, но потому, что путь к *тому* сердцу лежит чрез *это* сердце плотное.

Можно провести некоторую параллель между отношением мозга головного к уму и сердца плотного к тому сердцу, которое является средоточием человеческого существа. По выходе из тела душа сохраняет свой ум способным мыслить, — сохраняет она и сердце свое уже не плотное, а духовное, назовем так. Но как при жизни во плоти деятельность ума неразрывно связывается с деятельностью мозга, точно так же и сердце наше плотное является средоточием проявлений духовной жизни во все время ее пребывания в теле.

Когда, по дару милости Божией, Ваш ум соединится с сердцем, тогда Вы познаете, что это соединение есть пребывание внутри, во внутреннем человеке, есть соединение естества нашего,

рассеченного грехопадением, по учению святых отцов (Василий Великий¹⁷³). Пребывая внутри сердца, человек чисто помышляет о Боге, *видит* все совершающееся в сердце, видит подступающие помыслы, отвергает их, отражает их Иисусовою молитвою, не дает им войти в сердце и так далее — бесконечная деятельность. О большем не думайте сейчас; кроме вреда — ничего не получите, по моему мнению. Если я напутал, — то непременно, прошу Вас, укажите мне на мои ошибки. Я тоже хочу понять то, что Вы поняли. Возражаю Вам в порядке ученического обсуждения. Мне показалось, что Вы ищете путей к «тому» сердцу помимо «этого» (плотного), а я думаю, что здесь скрывается ошибка, поэтому и возражал. Но, подчеркивая ошибку Вашу, я думаю, что Вы теперь все же приблизились к более глубокому пониманию духовной жизни, хотя было бы лучше для Вас не приближаться таким образом. Приблизились Вы к истине и в своем понимании отличия Божественного и истинно духовного от человеческого душевного, и что значит стать сыном Божиим или причастником Божественного бытия (я бы сказал, жизни). Но мне очень ценно узнать от Вас, каким образом у Вас состоялось это понимание.

Непременно, прошу, напишите мне об этом. Хотя я и предупреждаю Вас следующим замечанием: если Вы поняли это только интеллектуально, почерпнули это понимание из книги St Jean de la Croix, то почему же Вы собираетесь «утвердиться в этих взглядах и изложить их как свои» А если Вас посетила благодать Божия, то и тогда, если найдете возможным, напишите мне.

Теперь, я вижу, отпадает необходимость писать Вам о том, что существование в аскетической терминологии понятий духовного, душевного и плотского не значит вовсе, что человек признается трехсоставным (то есть из духа, души и тела). По учению Священного Писания и святых отцов и Церкви — человек состоит из души и тела. Здесь я так же, как и в рассуждении о сердце, хотел бы опустить Вас с небес на землю. Святые отцы говорят: «Если увидишь молодого, самочинно устремляющегося на небо, схвати его за ноги и брось на землю»¹⁷⁴.

Скоро у Вас будут книги, надеюсь, и тогда совершенно отпадет необходимость писать Вам о духовной жизни. Целью своей я поставлял несколько более медленное поступательное движение Вас, но теперь вижу, что Вы ухватились уже за самые вершины; боюсь, что это все больше по догадкам ума Вашего, а не по благодатному просвещению происходит. Если мое предположение правильно, то знайте, что уже не является необходимым посещение Вас Божественною благодатию, так как Вы и без того научаетесь пониманию закона духовного, Божиего; остается только действовать согласно тому, чему научаетесь, ибо сказано: «грех есть ведущим добро творить и не творящим...» (Иак. 4:17).

Было у Вас недоумение еще относительно моего выражения, что Бог иногда оставляет человека на труды и болезни. Мне кажется, это выражение не должно давать повода к заключению, что я думаю, якобы человек без содействия Божественной благодати может творить добро. Однако повторяю еще и думаю, что это Вам необходимо помнить, что да, действительно, Господь иногда так скрывает Свою благодать, что мы ее совершенно не ощущаем в себе, и тогда всякое даже и малое дело по заповеди Божией сопровождается для нас самонасилием и болезнью. Но это состояние борьбы и неощущения благодати мне представляется таковым, в котором человек не может творить волю Божию или правду Его... Но об этом нет нужды говорить.

Двоедушие — это нерешительность, сомнение, недостаток веры (апостол Иаков) (см. Иак.1:8). Вообще же должен сказать, что многие забывают последовательность своих переживаний, ибо не могут еще стоять умом в сердце и видеть по-настоящему свое устройство. Я недавно одному человеку говорю: «Я молился за Вас вчера, и так скорбела душа моя; у Вас было

большое искушение какое-нибудь, уныние сильное». Он говорит: «Нет, все слава Богу». На следующий день приходит и говорит: «Да, мне было трудно в тот день». — «Но почему же Вы вчера отрекались?» Он говорит: «Да повеселела душа моя, и я все забыл, что было». Но это фактически потому, что он не умеет наблюдать за своим сердцем, а ум его, рассеянный по внешнему миру, забывает скоро все, что было с душою.

Снова возвращаюсь к тому, чтобы предупредить Вас об опасности стремлений к высоким достижениям. Враг не дремлет. Начнутся — избави Бог — «видения», «благодатные» посещения. Все пойдет легко сравнительно: бдение, умное внимание, воздержание в пище и, словом, совершенство. И тогда трудно будет убедить Вас в чем-либо. Покамест не поздно — на всю жизнь возьмите себе в правило: *не стремиться к видению (и созерцанию), даже во время видения*¹⁷⁵. Есть только одно созерцание и видение, к которому должно стремиться всесильно, это — видение греха своего, — и большего не надо нам для спасения. Конечно, подразумевается раскаяние в увиденном грехе.

Так что я всей душой приветствую Вашу молитву, какую Вы молились до последнего времени: сознание своей грешности, недостойнства, худородия, ничтожества; выражать Богу свои сердечные чувства просто, не выискивая слов, но понимая, разумеая, что просишь. Это молитва правильная, не нужно только рисовать в уме никаких образов.

Что же до Иисусовой молитвы, то хотя я и говорил Вам о соединении ума с сердцем во время совершения ее, но лучше будет, если Вы просто будете привыкать к словам этой молитвы, заключая ум в слова ее, сердце же хорошо при этом иметь сочувствующим молитве, которая заключает в себе покаяние: «Помилуй мя грешного».

А когда от сочувствия словам молитвы, к имени Иисуса Христа, усладится сердце, тогда ум сам по себе привлекается туда. Это только и нужно; *сладкое сосредоточенное покаяние пред Господом нашим Иисусом Христом*. Да даст Вам и мне Господь достигнуть этого, за Ваши молитвы.

Простите меня, дорогой батюшка отец Давид, и благословите.

Хотел бы еще с Вами говорить, но все в настоящее время буду сводить к тому, что в духовной, по закону Христову, жизни рассуждение идет обратным (противоположным обычному человеческому) порядком. Когда начнешь смирать себя до земли, тогда Бог тебя вознесет на небо; когда будешь почитать себя достойным ада, особенно если искренно, от глубины души, тогда Рука Божия введет тебя в созерцание бесконечных невещественных, сверхчувствительных, над-умных, сверхмысленных благ небесных, гадать о которых прежде вкушения, по крайней мере, бесполезно. Всегда буду молиться за Вас, благословляя Бога, давшего мне, недостойному, в Вашем лице бесценно дорогого возлюбленного о Христе отца и сомолитвенника.

Грешный иеродиакон Софроний

P.S. Выписки не успел сделать. Старец отец Силуан радуется Вашим успехам и молится за Вас. Шлет Вам приветствие и добрые пожелания.

Письмо 14. Любовь как цель подвига

Забота о матери. Подвиг целью имеет любовь. Служение братьям. Поменьше внимания к миру

16 (29) января 1933 г. ¹⁷⁶

Глубокочтимый батюшка отец Давид!

Благословите.

Возлюбленный о Христе брат, никогда не оставляя памяти о Вас, я последнее время все же был лишен возможности писать Вам. Давно чувствую потребность в этом, но, к сожалению, не мог выбрать времени на беседу с Вами и тем доставить радость своей душе.

Все хотел писать Вам о том, чтобы Вы не смущались неустройством своей внешней жизни, которое влечет за собою как следствие неустройство и внутренней Вашей жизни.

Душа ищет тишины, хочет молиться, приходит желание читать, узнать многое, размышлять о Божественном, а жизнь внешняя такая беспокойная, шумная, так складывается, столько внимания и сил отнимает у нас, что как бы она стоит на первом месте, а духовное является только придатком или входит в состав ее только как часть некая. Но это недолго так будет; потерпите покамест весь этот шум, заботы, переезды и не печальтесь душою.

Выполняйте с великим терпением, и кротостию, и любовью лежащее на Вас послушание — устроить Вашу маму. Общение с нею непосредственно кроме вреда ничего Вам не приносит, но выполнение долга своего — послушания — принесет добрый плод душе Вашей. Душе необходим такой опыт, чтобы она научилась побеждать в искушениях, преодолевать всякое постороннее влияние. Весь подвиг наш своею целью должен иметь любовь. Стяжать ее в сердце своем — великий труд. Всякие скорби, неудачи, болезни — всякого рода страдания, мужественно с благодарностию Богу претерпеваемые, — делают землю сердца нашего плодородною, могущею взрастить любовь.

Не бегите от лондонцев, не бойтесь их, не отстраняйтесь от них, не оставляйте их.

Поверьте, дорогой отец Давид, что если я так много писал Вам о том, сколько я молился о Вас, скорбел, плакал, трудился или еще что делал, то не для того я писал Вам все это, чтобы отяготить Вашу душу каким бы то ни было обязательством по отношению ко мне лично, хотя бы даже и малейшею признательностью, но для того, чтобы Вы после всю жизнь вспоминали, когда отяготится душа Ваша служением ближнему, что и Вам послужили другие. Хочу, чтобы Вы то малое, что я хотел сделать Вам, поставили себе в долг *обязательный*, но не по отношению ко мне, да не будет, а по отношению к братьям Вашим. Итак, если хотите мне за любовь воздать сторицею, то возьмите на себя иго служения Вашим братьям. Придется ради них изнемогать не только телом, но и душевно; придется жертвовать собою, быть может, даже и душу полагать ради них, не говорю уже о времени, покое или средствах материальных или еще чем-либо подобном.

Но Вы не подумайте, что все это будет Вам непосильно тяжело. Нет. Вы будете и сами пользоваться возможностью заниматься собою. Вам естественно жить в Англии. Говорю Вам, как брат, только высказываю свое мнение. Но как Вы с владыкой Елевферием решите — об этом я не знаю. Ему дано знать волю Божию о Вас. Вполне разделяю Ваше желание принять постриг от владыки Елевферия, который в письме к Вам с такою любовью и сознанием своей ответственности писал: «Одно знайте определенно, что Вы Богом вручены моему духовному попечению», но что касается Вашего отношения, несколько презрительного, к церковной жизни эмиграции русской, если позволите, скажу, что Вы не совсем правы; Вам нет нужды и самому входить в сутолоку и суету их. Так что если не удастся принять постриг в Литве, то не

отвращайтесь от того, что может Вам дать архиепископ Вениамин.

Здесь, в сущности, идет речь о глубоких душевных расположениях. Я отлично понимаю Ваше желание удалиться от людской суеты и шума, но не должно малодушествовать. Поменьше внимания к миру. Сражайтесь мужественно за независимость души своей от всякого влияния его. Ни слава, ни бесчестие, ни шум и ни молчание его — пусть ничто не смущает душевного покоя в Боге. Презирайте все преходящее, — вспоминая о смерти и Страшном суде. Не бойтесь борьбы, положите начало и познаете неизъяснимую радость, когда увидите себя свободным от власти мира и всякого влияния его на состояние души Вашей. Будьте бесстрастны хотя бы умом.

Вы мне писали о своем желании жить со мною. Я сам по расположению к Вам и глубокому доверию душевному (больше, чем к кому бы то ни было другому) счел бы великим даром милости Божией иметь Вас своим братом — сподвижником; но это оказывается невозможным, во всяком случае в настоящее время. Я просил отца игумена дать нам (для совместного безмолвия) келлию одну из ближайших к монастырю. Лично он сначала отнесся очень благожелательно, но не решал вопроса; сказал, что нужно молиться Божией Матерью, чтобы узнать волю Божию; дело очень важное. Хотел он посоветоваться с соборными старцами монастыря. Самая добрая память о Вас всех склоняла к желанию видеть Вас среди афонской братии, но по внимательном обсуждении всех обстоятельств и условий настоящей жизни на Святой Горе и отец игумен, и почти все другие старцы пришли к тому выводу, что теперь неблагоприятное время для Вашего приезда и поселения на Афоне.

Меня, между прочим, ни за что не хотят освободить от послушаний и отпустить на безмолвие. Жизнь в стенах монастыря Вам не полезна. На общих условиях с другими Вы не сможете жить. На пустынных келлиях жизнь связана с постоянными опасностями от разбойничьих нападений. Про Вас непременно узнают, не дадут покоя. Теперь на Афоне много безработных бродят; бездомные, голодные, они не дают покоя даже и сиромехам¹⁷⁷. Кроме того, много других препятствий Вы встретите. Принимая все это во внимание, я думал, что лучше Вам отложить на неопределенное время свое намерение поселиться на Святой Горе.

Не оставляйте молитвы за меня, грешного,

Любящий Вас о Господе

недостойный иеродиакон Софроний

Часть третья. Испытания

«Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению... ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, — в горниле уничижения» ([Сир.2:1, 5](#)).

Письмо 15. Скорби — знамение богоизбрания

О мужестве в скорбях, которые суть Божие благоволение к нам. Благодарение Бога за них. Скорби как путь к обожению

Афон, 21 января (3 февраля) 1933 г.¹⁷⁸

Глубокочтимый батюшка отец Давид,

Благословите!

Возлюбленный о Господе брат — мир душе Вашей о Господе.

Жизнь наша — «вода непостоянная» (см. [Пс.123:5](#)). Не только мы, новоначальные, еще только думающие вступить на путь деятельной жизни, но и совершенные отцы, достигавшие последних высот созерцания, и те не пребывали неизменными. Не смущайтесь находящими на Вас скорбями и недоумениями, но крепко верою стойте при перемене ветров, то есть душевных состояний. В этом отношении хорошо нам утвердиться в сознании, что все случающиеся с нами искушения приносят нам великую пользу, научают брани духовной, дают познать себя. Мужественная душа даже любит искушения, потому что, преодолевая их, она становится более крепкою, устойчивою, опытною, мудрою, становится способною восходить к созерцанию.

Мир о Духе Святом пожелал я Вам, но знаю из святоотеческих творений, что невозможно стяжать этот мир, если душа не переживет сначала многих бурь, и по временам страшных и великих.

Душа неопытная боится искушений, но когда она научится их преодолевать, то уже становится бесстрашною в своем крепком уповании на Бога; тогда она ничего не боится¹⁷⁹: ни неудач, ни скорбей и болезней, ни унижений или гонений, ни встреч с «научениями странными» ([Евр.13:9](#))¹⁸⁰. А этого нельзя достигнуть без многих браней и искушений.

Последний месяц душа моя уже не так спокойна за Вас, как это было в ноябре — до половины декабря. Хотел бы я быть с Вами, делить Ваши труды и печали и скорби. Какие скорби? Какие бы то ни было; вплоть до сомнений или недоумений мучительных, до преткновений, вольных и невольных; неустройство в жизни, отсутствие руководителя и даже друга близкого. Всякие скорби. И хотел бы я, чтобы Вы во всех этих скорбях радовались духом, то есть умом, усматривая в них еще и другую сторону — свидетельство великой любви Божией к нам. Скорби для души, любящей Христа, — пища; это как бы дрова для разжигания огня внутреннего. Скорби дают нам возможности проявить свою любовь к Богу. Сопряжение пребывания в заповедях Божиих с подвигом самоотречения есть совершенная необходимость для того, чтобы мы познали должным образом Бога, самих себя и взаимоотношение между Богом и нами. Временный (в этой жизни) труд и подвиг совершенно необходим, чтобы мы достигли, перейдя чрез этот порог, — истинной разумности и свободы, чтобы мы стали способными, как говорит преподобный Макарий Великий, к жизни в Небесном Царствии¹⁸¹, во свете лица Божия, который есть прежде всего «свет разума»¹⁸².

Если бы мы были воистину благоразумны или достойны (потому что это достоинство избранных Божиих, чад Его), то должны были бы идти на вольные страдания, подобно тому как шел Христос «на вольную страсть»; но по немощи своей будем хотя бы благодарить и славить Бога за находящие скорби. Дело мужей духовных благодарить Бога за предоставленную нам возможность идти на вольные скорби за имя Его, за исполнение заповедей Его; славословить бесконечную Премудрость Божию, создавшую нам условия, благоприятные для этих вольных страданий. (Кто-то сказал, что ангелы завидуют нам, будучи лишены этой возможности (ср. [1Пет.1:12](#)).) Только этим образом мы можем проявить свою разумную любовь к Богу; только этим путем человек может стать другом Божиим, братом Христовым, достигнуть

совершенного спасения — обожения во Христе¹⁸³.

До тех пор, пока душа не испытана скорбями, покамест она не уразумела, что в предоставленной нам возможности скорбей за заповедь Божию проявляется величайшая, неизъяснимая любовь к нам Создателя, этим путем скорбей возводящая нас к божественному состоянию, до тех пор она еще пребывает в детском состоянии, неразумна или разумна только потенциально; неспособна к Царствию Небесному. Читайте об этом у преподобного Макария Великого. А если так, если мы понимаем любовь Божию к нам, то будем, помощью Его же, благодарить Его даже до последнего издыхания.

Желание сердца моего в сей час, чтобы душа Ваша пребывала в мире и радости.

Дорогой отец Давид, *не торопитесь*. Вы теряете нить жизни, ищете путей к тому, чтобы устроиться более определенно и постоянно. И это понятно. Но не спешите. Больше спокойной преданности в волю Божию и поменьше своих раздумий о том, как лучше устроиться; Вы при этих раздумьях и гаданиях многого еще не учитываете, во многом ошибаетесь; но иначе и быть не может. Это Вы увидите позднее.

Мир душе Вашей да даст Господь. Об этом молюсь Богу и Божией Матери молюсь, чтобы Владычица устроила вас по Ее Божественному благоволению. Но что моя молитва и даже кого бы то ни было другого, — это только проявление нашей взаимной любви, заповеданной нам Христом. Сам Он печется о Вас; Владычица Сама покровительствует Вам.

Весь этот месяц перегружен я работою. Не имел возможности прочитать книгу de St Jean de la Croix — лежит еще неразрезанная, и даже писать не мог Вам.

Недостойный иеродиакон Софроний,

Ваш меньший брат о Господе

Письмо 16. О родных

Относительно родных: «свои» — «не свои». О переводе аскетической литературы. О грехе похоти

Афон, 13 (26) марта 1933 г.¹⁸⁴

Глубокопочтимый батюшка отец Давид!

Благословите.

(Вы перестали меня благословлять.)

[...] Не иметь от Вас известий столь долгий срок в то время, когда Вы еще совсем не устроены, — для меня было тяжело. Ходил я к старцу отцу Силуану; говорил о Вас. Жалуюсь ему, что давно нет никаких вестей от отца Давида. Старец [говорит]: «Да плохого ничего не должно было бы случиться. Молюсь за него, душа покойна». — «Но почему же он замолчал?» Старец [ответил]: «Не знаю. Быть может, некогда, быть может, мирен он и не находит, что писать».

Но в начале Великого поста сам старец отец Силуан сказал мне, что надо все-таки спросить о Вас у кого-нибудь. Итак, я решился послать письмо владыке митрополиту Елевферию с просьбой сказать нам, где Вы теперь и, если возможно, как Вы себя чувствуете. Отправил письмо это неделю тому назад. Не знаю, ответит ли мне владыка; он меня совершенно не знает; и мне было нелегко решиться на эту переписку с ним, заявлять о себе. Ответит ли он — не знаю, во всяком случае теперь в том нужда отпала, и я жалею, что не дотерпел.

Дорогой батюшка отец Давид, для меня трудно писать Вам какие-либо советы при глубоком сознании Вашего превосходства и старшинства, поэтому я в прежних письмах прибегал в беседе с Вами о предметах духовной жизни к особой форме — рассказу о себе. Я думал, что эта форма являлась в данном случае наиболее удобною, потому что Вам предоставлялась совершенная возможность рассматривать все написанное без обязательного отношения к себе.

Теперь я хочу решиться высказать Вам свои мысли по поводу написанного Вами в последнем Вашем письме в форме непосредственного отношения к Вам, но при всем том я совершенно считаю невозможным выдавать свои мысли за то, чем они не являются по существу, то есть определенное выражение воли Божией; нет — это только те мысли, которые я имею по отношению к тому, о чем Вы пишете. Прошу Вас снисходительно отнестись и к грубости, и к резкости выражения, что так, к глубокому прискорбию, свойственно моей окаянной душе. Без всяких ухищрений — голые мысли.

Относительно родных. «Из среды их изыдите» (ср. [2Кор.6:17](#); [Ис.52:11](#); [Иер.50:8](#)). Срок Вашего пребывания с ними (главным образом с мамою Вашею) *во исполнение заповеди Божией* — *истек*. Оставаться с ними по соображениям материального порядка — *не* должно. Довольно того вреда, который Вы потерпели уже и который только ради послушания Вашего умаляется: «враги человеку домашние его» ([Мф.10:36](#)) — слова Господа. Эти «свои» нам *не* свои, как говорит святой Иоанн Лествичник¹⁸⁵ — ему же память ныне совершаем. Смотрите, чтобы не закралась в сердце тайная мысль — получить от матери при жизни и по смерти наследство. Какое бы то ни было. Чтоб никакой надежды, расчета, мысли о том не было у Вас. Предайте их и себя воле Божией. Заботу о них предайте Господу — Он печется о всякой твари Своей. Сношения с ними (переписку, свидания и прочее) сведите до возможного минимума.

Монаху так мало нужно. Не бойтесь, дорогой, если придется в будущем жить скромно — быть может, даже до скудости в хлебе.

Вот теперь Вы хотя и относительно, однако с Божией помощью устроили Вашу маму на

год, и благодарите Бога. Попечение о душе своей — Ваш *наиглавнейший* в данное время долг. Не нужно совершенно Вам «становиться лицом к Западу и заниматься распространением или поддержкой Православия в Западной Европе». Как возможно это для человека, который сам еще совсем не устроен внутренне? Если мы говорили с Вами о предстоящей для Вас *пастырской* службе, то это совсем другое дело. Но об этом, если Господь даст слово и время, после.

Что касается перевода на английский язык книги St Jean de la Croix — то предоставьте это дело и заботу на усмотрение Вашей мамы. Посылать книгу знакомому Вам афонскому монаху — также нет никакой нужды. Вообще *освободите* душу свою от сих необязательных и даже бесполезных для Вас дел. Идею о «создании интересного и духовно полезного издательского дела» на Ривьере предоставьте осуществлять или не осуществлять другим. Устройство «*настоящего* монастыря» в *Roquefort*, думается мне, мечта праздная. Оставьте это дело и уклонитесь от него. Для Вас кроме вреда — ничего не будет.

Вам много хорошего даровал Господь, и все это заглохнет, если Вы продолжите общение с родными и еще некоторыми лицами. Не по Богу еще и забота Ваша о госпоже Е. Л. Если придется с нею встретиться или писать, то скажите коротко: «Для меня вопросы о Церкви решены; я искренно Вам говорил, что находил нужным для пользы души Вашей, и теперь не имею ничего, что бы мог Вам сказать», — и на этом решительно кончите с нею дело. (Но, быть может, и это не понадобится.) Оставьте и ее на попечение промысла Божия.

Постараюсь отправить это письмо сегодня. (Почта ходит один раз в неделю.) К сожалению, бдение, затем собором литургия Василия Великого — лишают меня возможности писать Вам подробнее, так, как бы то хотел. Поэтому вкратце скажу, что душа моя по-прежнему склоняется к мысли, что Вам лучше всего не уклоняться от предложения лондонцев. Заботы о них при выполнении своего служения Вы можете увеличивать или уменьшать в зависимости от своего состояния. Думаю, что и в материальном отношении они Вам составят некоторое *минимальное* обеспечение.

Предполагаемый Вами труд по переводу православной аскетической литературы на английский язык — *благословенное дело*. Заниматься этим трудом, живя в Лондоне, Вы будете иметь полную возможность. Если это дает Вам в то же время и заработок, то это будет совсем хорошо. Думаю, что в Лондоне, быть может, на окраинах, можно найти спокойное сравнительно и уединенное место. Небольшое, отдельное помещение (жилище). Посмотрите, то есть подумайте, возможно ли это все.

Если Господь даст Вам возможность приехать (и даже приезжать время от времени) на Афон на небольшой срок — на один-два месяца, то и отец Силуан, и я — унылый — будем несказанно рады.

Да, это было бы очень хорошо.

Дай, Господи, чтобы это удалось и осуществить.

Труден наш путь, но вместе и блаженный, и радостный. Быть может, не только сделать, но и читать написанное мною — для Вас будет небезболезненно. Необходимо человеку набрести на путь истинный — тогда раскроются очи и предстанет пред ним необъятное поле внутренней душевной деятельности. А доколе этого нет, человек мятется духом и не знает толком, за что приняться, что делать.

Чтобы соблюдать заповеди Божии, необходимо человеку быть безжалостным к себе, беспощадным, но не безрассудно. Общение с женщинами расслабляет душу, и она становится неспособною к тому, о чем только что сказано. Бойтесь допустить при общении с ними (необходимом и неизбежном для священника в миру) хотя бы малейшую свободу светского человека, улыбку, кавалерство и прочее. Обращайтесь, как слугитель Божий и пастырь; как только кончилась существенно необходимейшая беседа, тотчас мужественно, с решительностью

полагайте конец; конечно, все это не мешает быть вежливым. Берегите глаза от смотра на красоту лиц. Все эти мелочи для хотящего жить внимательно — далеко не мелочи. Благодать Божия отходит от души даже при малейшем блудном услаждении от помысла, от слуха, от взирания, не говорю уже о большем.

Владычица наша Пресвятая Богородица, сохрани нас под кровом Твоим.

Страх — очень хранит человека от этих грехов. Благодать Божия не терпит этого греха. При малом услаждении в помысле уже отходит. «Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих... зане суть плоть» ([Быт.6:3](#)).

Простите меня. Молитесь, как и прежде. Я не забывал Вас никогда и душою люблю Вас. Если возможно — в месяц хотя бы один раз, хотя бы самую короткую весточку о себе давайте. Нет времени — так два-три слова. И это — доколе не устроитесь более или менее определенно. После же можно будет писать более редко.

Написал ночью. Завтра должен буду читать Ваше письмо старцу отцу Силуану уже после литургии. До отъезда отца Петра на Дафну — буду иметь один-два часа только; писать будет некогда. Если что старец отец Силуан скажет от себя, то напишу в следующий раз и уже в Париж, — по адресу владыки Вениамина.

Любящий Вас о Господе, преданный Вам

Ваш недостойный меньший брат

грешный иеродиакон Софроний

P.S. Старец отец Силуан говорит относительно монастыря в *Roquefort*, что Вам не нужно вмешиваться в это дело, а если попросят у Вас совета, то старайтесь узнать волю Божию и дайте им совет, то есть не уклоняйтесь от оказания им помощи советом, а в строительство монастыря не вмешивайтесь, а то рассеется ум от житейских дел, и это будет вредить Вам.

Старец отец Силуан очень-очень обрадовался письму от Вас. Шлет Вам приветствие о Господе.

Молится за Вас всегда.

Со всеми моими мыслями старец вполне согласен, особенно в отношении родных и материальных вопросов.

Любящий Вас о Господе схимонах Силуан^{[186](#)}

Письмо 17. Постриг

Поздравления с принятием монашества

Афон, 18 (31) мая 1933 г. [187](#)

Всечестнейший батюшка отец Димитрий!

Благословите.

Поздравляю Вас с принятием ангельского образа [188](#); неизменное желание сердца моего и молитва, чтобы дал Вам Господь обильную благодать в помощь на том тесном пути, на который Вы вступили. Верю, что Ваш новый небесный покровитель великий святитель Димитрий умолит Господа за Вас. Этот святой «многочастне и многообразне» засвидетельствован свыше как весьма благоугодивший Богу [189](#). Как только несколько определится Ваше положение, то есть будет хотя бы относительно оседлым, пришлю Вам что-нибудь из его сочинений. Творения святого Димитрия носят на себе явную печать благодатного помазания... [190](#)

Я очень люблю и почитаю Вас. Молюсь всегда. Молюсь теперь, чтобы Господь или избавил Вас, или дал бы сил понести те скорби и неприятности, быть может — оскорбления, которые так возможны на Вашем пути.

Ваш недостойный меньший о Христе брат

иеродиакон Софроний,

грешный, унылый, расслабленный, больной,

ленивый, малодушный (и так без конца)

P.S. Относительно книг Вашу просьбу исполню опять-таки, когда Ваше положение станет более определенным. (Так сказал старец отец Силуан.)

Письма, даже и мои, адресуйте на имя R. P. Silouan; более важные — шлите Recommandé.

Землетрясение у нас продолжается даже до сих пор. По временам повторяются не очень сильные, а иногда и совсем небольшие колебания; но все же, если это случается ночью, приходится встать и помянуть «кий наш состав» (ср. [Пс.88:48](#)).

Слава Богу за все.

Письмо 18. Пережитое искушение

За любовь нужно бороться. Молитва друг за друга. О самоукорениях. О нищете материальной и духовной. О почитании Русской Церкви

Афон, апрель 1934 г.^{[191](#)}

Воистину воскресе Господь!

Глубокочтимый батюшка отец Димитрий!

Благословите.

И я так хорошо помню Пасху 1932 года, а, быть может, еще лучше — время после Пасхи. Но это уже неповторимое время в нашей жизни. Продолжалось оно с некоторыми неизбежными трудностями приблизительно до Рождества; а потом произошел надрыв. Но хочется верить, что любовь Христова — однажды начавшись — не кончится вовеки. Однако опыт жизни показывает, что за сохранение ее нужно постоянно и сильно бороться; иногда даже удивляться приходится, как ее еще нет, тогда как сердце уже изболелось от плача по ней; но не теряю надежды, что, помощью Божиею, мы избежим поражения.

Получение весточки от Вас мне доставило большую радость. Я ожил снова. Не спорю, что по временам за истекшее время от Великого поста (1933 г.) до этой Пасхи мне бывало так горько, что я едва не пожалел о нашей встрече. И это несмотря на то, что я предвидел неизбежность всего происшедшего; с самого начала нашей переписки я всегда со страхом принимался за письмо... и только сознание, что в течение какого-то времени это необходимо, — придавало мне силы. Чуть ли не с первых писем я отрекался от выпавшей мне роли, прежде всего потому, что в настоящее время сия роль не только мне, худейшему и несмысленному, но, быть может, *и никому другому* не по силам. (Объяснить это сейчас я не имею возможности.) Во-вторых, потому, что именно эта переписка и привела нас к тому долгому по времени искушению, которое мы пережили и которое, быть может, благодатию Божиею, не повторится.

Если в том, что говорю, Вы увидите что-либо другое, кроме любви, то ошибетесь.

Теперь уже кончилась всякая нужда в той форме наших отношений, какая существовала ранее. Время ее прошло окончательно. Молитва друг за друга — вот преимущественно что остается нам. Сила молитвы *весьма велика*. Вы уже вкусили горечи на том пути, на который вступили... но это еще только начатки. Как горько и скорбно душе на пути следования за Христом Господом «на вольную страсть». Недаром преподобный Иоанн Лествичник говорит: «От хлеба, что с горьким зелием да яст, от чаши, что со слезами да пьет, *да не в суд себе воинствует*»^{[192](#)}.

Все происшедшее с Вами меня нимало не удивляет; одному, впрочем, несколько удивляюсь, уж слишком скоро с Вами произошло то, что обычно начинается по прошествии нескольких лет. И это, быть может, потому, что Вам *засчитаны* прежние годы, то есть до перехода.

Когда я читал Ваши самоукорения, то вспоминал, как один старец (древний) сказал пришедшему к нему монаху египетскому, который жаловался на то, что постоянно побеждается скверными помыслами: «Удивительны египетские монахи, они наговаривают на себя многое такое, чего на самом деле нет, а вот иерусалимские, наоборот, любят похвалиться такими дарованиями, которых в действительности не имеют».

Простите, дорогой, если я еще позволю себе снова повторить то, что уже, кажется, несколько раз говорил, — моя душа по-прежнему склоняется к той мысли, что, несмотря на некоторые моральные трудности, для Вас жить в Лондоне, — все же это единственное место, по крайней мере в настоящее время, где Вы найдете добрые и благоприятные условия для себя, а

вместе будете полезны и другим более, чем где бы то ни было еще, — не говорю уже об Америке, где пребывание Ваше весьма вредно для Вас. С самого начала этого предприятия (поездки в Америку) я был против него, но только то обстоятельство, что мы стояли пред уже совершившимся фактом, не дало мне возможности сказать об этом, дабы не посеять в душе Вашей сомнения и нерасположения к предстоявшему Вам труду¹⁹³.

В Лондоне, несомненно, благоприятно разрешится для Вас и материальный вопрос.

Сквозь слезы Вы находите в себе силы шутить о постигшей Вас нищете. Вполне разделяя Вашу скорбь, я вместе с тем радуюсь, что Вы сами уже почувствовали пользу бедности материальной для души¹⁹⁴. Вашу мысль, что недостаток материальных средств «всячески мешает церковному делу», — готов разделить лишь в самой незначительной мере. Наша духовная нищета (в дурном смысле, то есть как отсутствие духовной силы) — вот это воистину большое препятствие.

Старец отец Силуан вчера вечером просил меня написать конверт Вам и отправил уже письмо, не дождавшись моего. Но сегодня вечером опять пришел сказать, чтобы я написал Вам от его имени, чтобы Вы ехали в Лондон без малейшего сомнения.

Относительно Вашего пребывания в Америке сказал: «Не благоволит моя душа, чтобы он там оставался». Таким образом, митрополит Сергей, митрополит Елевферий, старец отец Силуан за то, чтобы Вы ехали в Лондон. Чего же более?

К Вашей идее поступить на богословский факультет в Афинах старец отец Силуан относится отрицательно. (В Солуни нет богословского факультета; Халкинская школа — подобна русским семинариям, несколько выше.)

Теперь еще о нашей переписке. Вы, как видно из Вашего письма, до сих пор храните мои письма, а я очень не хочу, чтобы они как-нибудь случайно попали в другие руки, и поэтому прошу Вас их уничтожить. Кроме того, писанные к определенному лицу в определенных условиях, они не заключают в себе законченных мыслей, но во всех отношениях являлись предназначенными для некоторого переходного времени. И еще, — с самого начала моя переписка с Вами была встречена с большим неудовольствием от большинства старцев, думаю, главным образом потому, что афонские старцы (подавляющее большинство) неблагоприятно относятся к митрополиту Сергию, смотря на его дело глазами митрополита Антония и его собора. Я не скрывал своего расположения к Русской Патриаршей Церкви и поэтому подвергся некоторому преследованию. Почему прошлый год был вынужден, во избежание неприятностей, просить Вас не писать писем на мое имя. Положение не изменилось. Поэтому прошу Вас, вести общего характера сообщайте старцу отцу Силуану и только что-либо отдельное и особое вкладывайте для меня в отдельном запечатанном конверте. Писать Вы теперь будете; старца не опечаливайте. Немного по русской форме: «Жив, здоров, чего и Вам желаю». И так раза три в год.

С неизменной любовью о Господе
недостойный иеродиакон Софроний

Письмо 19. Христианская жизнь есть подвиг

О неизбежности скорбей для восприятия благодати. О брани с миром. Наше спасение только впереди. «С Креста не сходят, а снимают». О брани с блудной похотью. «Христианин обязательно должен быть подвижником»

Афон, 28 июля (10 августа) 1934 г. [195](#)

Возлюбленный о Христе отец мой и брат, батюшка отец Димитрий!

Благословите.

Человеку, находящемуся в столь тяжком испытании, какое выпало на Вашу долю в настоящее время, писать крайне трудно, особенно это трудно мне, при тех отношениях, которые существуют между нами, вернее, потому, что все выпадающие на Вас неудачи и скорби падают по моей вине. И если бы возможна была вера в то, что я хочу Вам сказать теперь, то еще возможно полное исправление, полная победа. Но как можно ожидать от Вас этой веры ко мне теперь, после всего, что случилось уже с Вами?

Я еще удивляюсь Вашему великодушию и мужеству — как Вы еще не соблазнились вконец. Но если все-таки мы будем говорить не как младенцы, но как достигшие хотя бы по плоти мужеского возраста, то я решусь Вам сказать, что думаю, действительно думаю, не ложно, не ради словесного утешения.

Христианин никогда не сможет достигнуть ни любви к Богу, ни истинной любви к человеку, если не переживет весьма многих и тяжких скорбей. Благодать приходит только в душу, которая *исстрадалась*. То трагическое положение, в котором оказались Вы теперь, не неведомо мне. Я сам до сих пор ясно помню ту невыразимо тяжкую брань, которую имел я в миру с врагом, в Париже особенно. Частично расскажу Вам. Бывали случаи, иду из церкви домой, и так хочется пойти куда-нибудь к знакомым, поговорить, развлечься, что нет сил, кажется, вернуться к себе домой и быть там одному. Но все-таки крайним напряжением воли прихожу к себе в комнату и тогда почти падаю на землю в изнеможении от тоски и уныния, готовый землю скрести ногтями. От боли сердечной готов плакать, да и плакал. И только молитва спасала и водворяла мир в сердце. Зато такой мир, которого раньше и не подозревал возможным, какой на сердце мое не приходил дотоле. Бывали многократно такие случаи. Иду откуда-нибудь домой. Хочется зайти в *Café*, но я борюсь с этим желанием. И что же. Вдруг как-то непонятным для меня самого образом чувствую себя как бы потерявшим волю, и положительно, как скотину на веревке, кто-то невидимый ведет меня в сторону *Café* какого-нибудь. Даже жутко становилось. Только Господь знает да пережившие подобные же искушения, с какой болезнью, с каким невероятным трудом приходилось побеждать эти бессловесные желания. Или, помню, с такою же силою влечет куда-нибудь в кинематограф, или еще куда-нибудь, в такие места, которые меня, по существу говоря, никогда не удовлетворяли. Но зато, когда приходишь домой, то, если никуда не зашел, молитва бывает как огонь.

То, что Вы пишете, мне так понятно. Все, что хочешь, буду делать, только бы не молиться. Тогда я понял силу слов отцов, что нет дела тяжелее молитвы. Но когда преодолел человек искушение, *молитвою* же, то последняя бывает так сладка, как ничто иное в мире. И путь этот воистину скорбный, тесный, и немногие, по слову Господа, обретают его (см. [Мф.7:14](#)).

Моя глубокая вера, если Вы (это для всякого человека) не переживете тех скорбей, нищеты, унижений, быть может, голода, совершенной оставленности всеми — и людьми, и даже Богом: «Боже мой, Боже мой... вскую оставил мя еси?» ([Пс.21:2](#); ср. [Мк.15:34](#)), — то никогда не познаете любви Божественной. Сердце, не сокрушившееся от ударов скорбей и не смилившееся вконец от нищеты всякой (и духовной и телесной), неспособно принять Божию благодать.

Последняя покупается весьма дорогой ценой.

Когда нас борет враг, пользуясь самым естеством нашим, желанием любви человеческой — душевной, а иногда и просто животной — плотской, то будем, подобно Марии Египетской, пав на землю, умолять Бога, чтобы Он нам по милосердию Своему дал познать Свою Божественную любовь взамен той плотской, человеческой, от которой мы ради Него отреклись ¹⁹⁶. Но, молясь так, надо молиться только до того момента, когда угаснет всякое желание плотской любви и водворится мир в душе и теле. Большого не надо искать, чтобы не впасть в искушение, в «прелесть».

Если можно, терпите, дорогой. Поругайте меня, виновника Ваших бед, но терпите. Верите ли Вы, что так сказать Вам дерзаю потому только, что [...] сам я познал подобные Вашим скорби.

Если хотите царствовать со Христом, то побеждайте страсти. Иного пути нет — ведь это только «искушение». Я никогда не поверю Вам, что Вас может удовлетворить что-либо в мире сем. Театр, кино, *Café* и тому подобное — все это только для детей, неразумных сердцем...

Жизнь по заповедям Христовым — воистину *Голгофа*. И это такой путь, что вступивший на него, если не будет побеждать молитвою все нарастающие трудности и отступит, вспять возвратится, то и там, куда он возвратился, то есть в мир (то есть жизнь по страстям), не найдет он радости той, какую имеют люди мира сего, не познавшие Бога.

В прошлую последнюю Великую войну часто, посылая в атаку солдат, начальство ставило пулеметы сзади наступающих, или офицер шел с двумя револьверами в обеих руках, чтобы всякого малодушного и готового отступить расстрелять. Таким образом получалось для атакующих, что спасение и жизнь только впереди, если победишь врага. У нас, монахов, положение подобное этому. Наше спасение во всех смыслах только впереди.

Когда скорби души моей, все возрастая, достигли, кажется, апогея, тогда я не путем отвлеченных философских рассуждений, но живым и глубоким чувством сердца познал цену человеческой души, то есть что она дороже всего мира. Страдания столь великий плод приносят, что если бы мы были поразумнее, то не желали бы «сойти со Креста». Одному иеромонаху нашему явился во сне Господь, распятый на Кресте, и сказал: «С Креста не сходят, а снимают». И эти слова Господь повторил трижды. И затем видение кончилось.

Я бы рассказал Вам еще нечто, но боюсь предварить Ваш опыт жизненный. Об одном молюсь: чтобы Вы не убоялись нашедшей тучи.

Жалею, что Вы редко пишете старцу своему. Посмотрите в конце тридцать второго Слова у преподобного Симеона Нового Богослова, как он советует своему ученику писать чаще, так как при этом он (преподобный Симеон) будет молиться за него теплее ¹⁹⁷. И это верно, потому что при долгом молчании то, что окружает, ослабляет молитву за того, кто дальше. Кругом, куда ни посмотришь, скорби. И то, что на глазах, то сильнейшее сочувствие к себе вызывает. Только когда в мире и относительном благополучии будете, тогда писать можно реже, а когда у Вас скорби и брань тяжкая, то не надо медлить, пишите отцу Силуану, и, верую Богу, Вы получите помощь. Положение Ваше особенно трудно потому, что Вы пребываете в единоборстве с врагом.

И это прежде чем научились бороться со страстями. Но и научившиеся (относительно, конечно) побеждают их подвигом и трудом. Святитель Иоанн Златоуст блудную страсть называет нашим мучителем беспощадным, который почти до глубокой старости на всякий день терзает нас. Надо полюбить болезненное состояние тела, чтобы найти относительный покой от этой *лют*ой страсти. Простите меня, что позволю говорить о себе.

По благословиению духовника я сам одно время при всяком возбуждении в теле бил себя до кровавых синяков, покамест наконец боль, дойдя до сердца, погасала и укрощала движение

плоти. Но теперь оставил я этот способ по двум причинам: во-первых, при болезненном состоянии тела и при отсутствии у нас на Афоне соблазнов и страсть блудная не так сильно досаждала, а во-вторых — этот способ при долговременном и частом применении сильно поражает всю нервную систему. Так что приходится предпочитать одну молитву. Один раз чуть не убил себя. Углом куска дерева, бывшего у меня в руках, ударил меж ребер у самого сердца. Две недели с трудом двигался, левая рука почти отнялась. Лежать было больно, дышать тоже трудно было. Но, слава Богу, оправился. Но иногда, при сильном возбуждении тела, почти необходимо прибегать к этому способу. И какая странность: блудная страсть как-то так действует в теле, что при усилении разжжения даже сильные удары, оставляющие по себе болезненные синяки или кровоподтеки на долгое время, так что и ходить после бывает трудно, в то самое время почти не ощущаются, так что надо много раз с беспощадностью ударять себя, покамест болезнь не ударит в сердце, чтобы успокоилось тело.

«Жестоко... слово сие» ([Ин.6:60](#)), но что поделаешь. Лучше, по слову преподобного Исаака Сирина, нам умереть в подвиге, чем, поддавшись страстям, потерять образ человеческий, изменить Христу^{[198](#)}.

Христианин *обязательно* должен быть подвижником. Тем более монах, иерей. Возненавидь себя, начни себя мучить не только воздержанием от страстей, но и противлением им, то есть наступлением на них, и сразу почувствуешь облегчение. Как бы свет некий в душе появится. Святые Василий Великий и Иоанн Лествичник говорят, что приятнее произвольное страдание, чем невольная бессловесная радость^{[199](#)}.

В зависимости от того, как человек живет, складываются и внешние обстоятельства его жизни. Иногда по причине наших внутренних ошибок или, наоборот, исправлений изменяются к худшему или лучшему и внешние условия жизни.

Быть может, я уже слишком отяготил Вас. Простите.

Думаю о Вашем приезде на Афон с большою боязнью, что Вас встретят здесь многие неприятности. Здесь у большинства начальствующих старцев настроение по отношению к «Сергиевской» иерархии весьма неблагоприятное. Вступив в Русскую Церковь, Вы теперь разделяете судьбу ее членов.

Слава Богу за все. Будем терпеть. Таков наш путь. Преткнулся, встань. Пал, подымись. А отчаиваться никогда не нужно. Иногда бывает так тяжело, что человек готов отказаться от вечной жизни, если она достается таким путем. Зато когда пройдет эта туча, тогда по-особому как-то сияет солнце и тогда рад бывает человек, что он пережил скорби: «Во все дни веселится за дни, в которые видел скорби» (ср. [Пс.89:15](#)).

Чтобы быть до конца откровенным и не скрыть от Вас ничего, напишу Вам, что думаю о Вашем пребывании в Лондоне. С тех пор, как Вы переехали в Лондон, постоянно при молитве за Вас радовалось у меня сердце. И это обстоятельство приводит меня к помыслу, что быть в Лондоне полезно для Вас. Если Вас встретила неудача в самом начале, то может ли это быть признаком, что нет Божией воли и благословения на Вашу деятельность в Лондоне или вообще на то, чтобы Вы жили там? Но Вы скажете, что там нет никакой деятельности. А разве в других местах она непременно будет? Или вообще разве деятельность, разумеется внешняя, так уж необходима? Главное, чтобы была возможность в деятельности внутренней. Вы вполне справедливо ответите, что и для внутренней условия в Лондоне более чем неблагоприятны. Но разве невозможно изменение их?

Простите. Я не настаиваю ни на чем. Только высказываю свои думы, и то не без страха опечалить Вас. Пребываю в душевной борьбе. Один помысл говорит мне, чтобы я не посылал Вам этого письма, потому что, во-первых, позволяю себе что-то советовать Вам, а во-вторых, и это еще важнее, давая советы, указываю на себя, что совсем не уместно. С другой стороны,

когда склоняюсь к решению уничтожить письмо, то не умиряюсь душою; я и сам много раз в жизни только в том и находил себе помощь, когда узнавал, что не я один страдаю от натиска всякой злобы, что всех одинаково борет диавол, что не я один, но и другие на всякий день с болезнию понуждают себя на подвиг. Только Богу и Вам принадлежит судить меня за это.

Простите.

Преданный Вам иеродиакон Софроний

Письмо 20. Решение старца Силуана

О Париже. О старце Силуане

Афон, 15 (28) августа 1934 г. [200](#)

Возлюбленный о Господе батюшка отец Димитрий!

Благословите.

Из всех указанных Вами в последнем большом письме мест, куда Вы могли бы поехать, старцу отцу Силуану (и мне тоже) лучшим представляется Париж — Трехсвятительское подворье. Там действительно есть группа лиц, настроенных весьма хорошо, и Вы в их среде сможете в трудные минуты уныния найти успокоение. Если Вы и сами еще чувствуете доброе к ним расположение и *желание*, то поезжайте в Париж пожить с ними.

Очень прошу Вас о Вашем решении по этому поводу и о самом факте переезда туда (если состоится) написать нам. В пользу Парижа еще и то соображение, что, живя там, Вы недалеко будете от Лондона и, быть может, время от времени сможете посещать тех, которые имеют нужду в Вашей помощи.

Просил я старца отца Силуана молиться за нас побольше. Он обещал с любовью. Сознавая ничтожность моей молитвы, я все же никогда не отказываюсь молиться за всех, кто просит или не просит. Тем более должен я молиться за Вас, одного из самых дорогих и близких мне. Итак, заключив союз тройственный (старец отец Силуан, Вы и я), будем надеяться, что милость Божия посетит и нас и избавит нас от всех стужающих нам.

Слава и благодарение Богу, давшему мне, недостойному, радость любви к Вам. Чувство глубокого благоговейного уважения к Вам никогда не ослабевало во мне. Я весьма дорожу Вашим добрым ко мне отношением и всегда молюсь Богу, чтобы Он помиловал меня за Ваши молитвы.

Ваш недостойный, меньший брат о Христе
грешный иеродиакон Софроний

Письмо 21. Подвиг любви Христовой

О принятии схимы. Как жить с людьми в мире. Любовь Христова есть вечная жизнь. О времени и вечности

Афон, 23 февраля (9 марта) 1935 г. [201](#)

Глубокопочтимый, возлюбленный о Христе батюшка отец Димитрий!

Благословите.

С самого начала этого года (в ночь на 7 января) я сильно заболел и до сих пор еще не оправился. Первые двадцать дней, особенно ночей, мне было так трудно, что могу сказать словами апостола Павла: «паче силы отяготихся, яко не надеяться мне и жити, но сам в себе осуждение смерти имех» (ср. [2Кор.1:8, 9](#)). В ночь на 18 января в больничной церкви я принял постриг в схиму. Слава Богу за этот дар. Болезнь моя не позволила мне ответить на Ваше письмо так, как то хотелось бы; да и теперь я еще так слаб, что с трудом пишу...

Наш игумен [202](#) сильно болен. Его смерть может повлечь за собой большие перемены, а быть может, и настоящую катастрофу для нашего монастыря. Очень прошу Вас в будущем адрес писать по-французски: R. P. Silouan (или Hierod. Sofroni) — Couvent Ste Panteleimone, Mont Athos, Dafni, Greese, вот и все. Никаких добавлений по-русски не делайте. Более важные шлите Recommandé.

В случае моей смерти в переписке с отцом Силуаном будьте откровенны не до конца (Вы понимаете, о чем я говорю), так как он вынужден будет для прочтения Ваших писем обратиться за помощью к кому-либо другому. Это говорю Вам теперь потому, что если смерть постигнет внезапно, что так возможно, то я не смогу Вас об этом предупредить. Все мне пророчат выздоровление и долгую жизнь, но я, побеждаемый силой болезни, не очень верю в эти пророчества. Если умру, то прошу Вас не переставать молиться за меня. Не забывайте и отца Силуана, дабы Вы не остались пред ним должником в том, в чем мы, христиане, не должны быть должниками, то есть в любви (ср. [Рим.13:8](#)). Вы и сами знаете больше, чем кто-либо, что когда душа наша узнает, что кто-то нас любит больше, чем мы его, то в такой степени уязвляется угрызениями совести, что готова в прах обратиться пред ним.

Чтобы жить с людьми в мире, надо им уступать, а так как почти всегда стремления их не выходят за пределы несущественного, то и поступать так почти всегда является возможным. Всегда Вы в сердце моем. Молю Бога, чтобы и в случае смерти любовь во Христе наша не только не исчезла, но и возросла бы.

Странная вещь. Ведь любовь Христова по существу своему есть вечная жизнь, но как же возможно, что она в условиях нашего земного бытия то «начинается» или «зарождается», то «растет» или «умаляется» и даже «исчезает» иногда? Появившись — делает нас осязательно бессмертными, вечными, исчезнув — повергает опять в долину смерти.

В связи с этим мне приходили такие мысли: время и вечность — суть два различных образа бытия. И подобно тому как Господь «во образе (ἐνμορφῇ) Божии сый... зрак (μορφῇν) раба приим» ([Флп.2:6—7](#)) — совместил в единой личности два образа бытия, — так и мы, во образе рабьем сущии, — по дару благодати *πάσχομεν θέωσιν* — претерпеваем обожение (по выражению святых отцов [203](#)) и таким образом тоже совмещаем в себе обе указанные формы бытия. Теряя благодать, мы как бы «перестаем» быть вечными, как бы выпадаем из вечности. И чем в большей мере «прильпнет душа наша земли», тем дальше мы от вечности; и наоборот — когда мы в Боге, тогда мы в вечности. И эти колебания — печальный удел наш до гроба, покуда не получим дара сего так, что никто уж не сможет отнять его у нас «и радости вашей никтоже не возмет от вас» ([Ин.16:22](#))).

В момент приближения смерти, в этот тяжелый час, душа познает, что спасение ее только в любви. За эту любовь приходится постоянно и крепко бороться, а сил совершенно нет. Слава Богу за все.

Преданный Вам всей душою грешный

иеросхидиакон Софроний

P.S. Отец Силуан шлет Вам свой привет.

Письмо 22. О жизни, смерти и вечности

О приближении смерти и вечной жизни. О пасхальном богопосещении

Афон, 5(18) апреля 1935 г.²⁰⁴

Христос воскрес!

Глубокочтимый батюшка отец Димитрий, дорогой, возлюбленный о Христе.

Шлем Вам свой пасхальный привет и наилучшие пожелания. И старец отец Силуан, и я всегда помним и любим Вас.

Как монах я располагаю возможностью выражать свою любовь прежде всего молитвою. Быть может, это наиболее существенная форма выражения любви, потому что она и нас, и все наши отношения переносит в иной мир; молитвою препобеждается разделение не только местное, но и душевное. Однако и привет в письменной форме имеет свою силу и тоже в известной мере заменяет живое общение.

Я давно Вам не писал. Теперь по случаю Пасхи Христовой хочу поделиться с Вами, как с близким родным, надеждою на то, что и мы в назначенный Отцом Небесным час воскреснем для вечной жизни. В этом году с самого начала января я сильно болел. Смерть много ночей в упор смотрела мне в глаза. Как смущается душа и как скорбит она в эти часы, описать, кажется, невозможно.

Тягостнейшие искушения ураганом находят на душу во время этого жуткого стояния на грани жизни и смерти, когда приближается решение вечной участи, страх овладевает душою. Только мысль о распятом Спасителе укрепляет ее.

В какие-то минуты изменяется сердце, приходит любовь, и тогда душа готова оставить этот мир без малейшего сожаления. Сожаления, впрочем, нет и до прихода любви, но тогда страх от предстоящего Божиего суда, страх от чаемого осуждения и отвержения заставляет как бы держаться еще за эту жизнь в надежде, что еще что-то сделаешь для своего спасения. За последние двадцать лет моей жизни я много раз бывал близок к смерти, но столь тяжелые искушения, какие выпали на меня в этом году, бывали редки и не столь продолжительны. В этом году снова с большою силою я переживал, что наша земная жизнь есть исполненное тяжелой борьбы стояние на грани бытия и небытия, стояние между раем любви Божией и адом оставленности Богом. Однако, как бы ни были тяжелы наши страдания здесь, в глубине души таится сознание их глубокого смысла.

Я люблю размышлять о смысле страданий, люблю размышлять о вечности. Мне думается, что наша земная, временная жизнь для нас неизбежно должна быть страданием.

Время — образ изменчивого бытия. Во всяком изменении есть элемент страдания²⁰⁵. Мы, люди, принадлежа одновременно, вернее, параллельно двум мирам — горнему и дольнему, во все течение земной жизни как бы раздираемся. Стремимся к вечной жизни, имея пред собой образ Божественного Бытия, неизменного в своем совершенстве, и вместе погружаемся в заботы о земном, не в силах будучи презреть потребностей и этой жизни. «Чаю воскресения мертвых». Только она, эта чаемая вечная жизнь — есть подлинная жизнь.

Вечность приходится представлять себе не как продолжение времени в бесконечность, но как единый непротяженный акт полноты бытия. Вечность объемлет всю протяженность времени, — сама же протяжения не имеет.

Мы чаем приобщения вечной жизни. Но, по смыслу вещей, становясь вечным, человек становится не только бессмертным, но и *безначальным*. Святитель Григорий Палама так мыслил, ссылаясь на святых отцов²⁰⁶.

Отсюда ясно, что вечность есть *иной* образ бытия, причем такой, к которому выработанные

нами в пределах эмпирической действительности понятия протяженности и последовательности, понятия начала, конца, до, после, — не могут иметь приложения. Вечная жизнь — это духовная жизнь. Вечность — это мир чистой мысли и нравственности в их нераздельном единстве. Но чистую мысль и нравственность должно понимать не только в смысле психологическом, как субъективное переживание человека, но и в смысле онтологическом, как объективно сущее, — то есть Ум и Любовь Божества, то есть Христовы. Любовь в Премудрости, и Премудрость в Любви. И если это соответствует истине, то подлинно вечен Един Бог, а мы лишь постольку, поскольку пребываем в Боге и Бог в нас пребывает.

Когда же «Бог будет всяческая во всех» ([1Кор.15:28](#)), тогда и мы явимся обладателями вечности, и уже не отчасти, а в полноте. К этому «краю желаний» стремится душа²⁰⁷. Тогда только возможна будет ничем не омраченная радость. А теперь, празднуя не горнюю, а только еще дольную Пасху, только образ той вечной, мы все-таки не достигаем совершенного покоя радости. Однако и эта Пасха действует на душу удивительным образом.

Знаю одного человека в Париже, который с Великой Субботы до третьего дня Пасхи, в течение трех дней, был в состоянии видения, которое в образах нашего земного бытия он находил возможным выразить только словами, что он *видел утро не вечернего дня*. Утро — потому что свет был необычайно нежный, тонкий, «*тихий*», как бы голубой. Невечерний же день — вечность.

Помню еще, как три года тому назад, при первой нашей встрече, почувствовав дыхание вечности, мы с Вами затаили на время дыхание...

Часть четвертая. Разрыв

«Многие из Его учеников, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?.. С этого времени многие из Его учеников отошли от Него и уже не ходили с Ним» ([Ин.6:60, 66](#)).

Письмо 23. «Пусть живет по-своему»

О братстве «Ζωή». Отречение от мира — непрерывный подвиг всей жизни. Что есть сущность христианского послушания. Беседа со старцем Силуаном: старец и оракул. Ответы старцев по сердцу вопрошающего

Афон, 7 (20) апреля 1936 г. [208](#)

Ὡς ἡγέρθη ὁ Κύριος ([Лк.24:34](#)).

Возлюбленный о Господе глубокочтимый отец Димитрий!

Благословите.

Я очень рад, что в Афинах есть столь положительное явление, как 'Αδελφότης «Ζωή» [209](#). Хорошие отзывы об этом Братстве можно слышать от многих. Но для мирского человека даже элементарная христианская нравственность, как отказ от спиртных напитков, от табака, от посещения мест общественного развлечения, воздержание в пище, честность, скромность и целомудрие, и тем более целибат, представляются уже пределом совершенства и отречения от мира и от себя, и даже как ὑπερβολή [210](#). Зная это, я не придаю большого значения их отзывам, радуясь только тому, что их удивление и благоговение к подвижникам полезно прежде всего для них.

Вас я знаю как человека, не склонного увлекаться, скорее, рассудочного и даже иногда *слишком критически* настроенного. Принимая это во внимание, а к тому же и Вашу опытность в духовной жизни, Ваш восторженный отзыв о братстве «Ζωή» я воспринимаю с особою серьезностью. Мне стыдно за Афон, и прежде всего за самого себя. Я на Афоне не встретил того совершенства, которое Вы нашли там. Живя в лучших, чем они, условиях, мы не достигаем их высоты. Уже давно до глубины души я осознал, что мы «отреби миру» и «всем поправление» — περικαθήματα τοῦ κόσμου... πάντων περίψημα ([1Кор.4:13](#)).

Отречение от мира не есть единожды совершаемый акт; отречение от мира — непрерывный подвиг всей жизни. Безмолвие — показатель степени отречения, отрешенности от мира. Чистота ума соответствует степени отречения от мира. А если мир понимать как «совокупность страстей» [211](#), то совершенное отречение будет совершенным *бесстрастием*. В этом смысле мы совсем еще не отреклись от мира; мы только телом удалились из мира.

Вы хвалите «Ζωή» за отказ «от всякого компромисса и оппортунизма», которые являются едва ли не главным принципом всей нашей деятельности и поведения. Вы отмечаете у них «совершенное послушание», а у нас даже и человеческой дисциплины нет.

Сущность христианского послушания я вижу в молитвенном искании воли Божией и следовании ей. Под дисциплиною я разумею или добровольное (например политическая партия), или вынужденное (например армия) подчинение человека человеку, что является необходимым условием успеха всякого общественного человеческого предприятия.

Можно только порадоваться тому, что Вы, наконец, нашли это и в Православной Церкви. Читая и перечитывая Ваш отзыв («требуют такой хрустальной чистоты и подчиненности... все молчаливые, чинные, сдержанные... Дело не построено на быту... а на сознательности» и так далее), я вижу, что у нас *все наоборот*. Мы самые настоящие варвары. Мне понятно, что Вы теперь отдыхаете душой в их среде после нашего варварства.

Мне нравится и избранная ими форма служения Церкви: апостольство. У нас, конечно, другой путь, иной план борьбы за себя и за мир. Принципиально я вовсе не склонен унижать и наш путь. Жалею лишь, что не достигаем мы своей цели: их образ жизни, их путь — Вам ближе.

Наши пути не совпадают (пути, а не конечная цель). Истина едина, единообразна, *проста*. Однако имеет бесчисленное множество *различных* проекций. Причина *различия* проекции

единой простой Истины — различие воспринимающих поверхностей. Они Вам ближе. Этим отчасти я объясняю то, что Вам среди них *«легче дышать»*, что они Вам более *«по душе»*. Но разве хотя бы даже я с самого начала не говорил Вам, что *это Ваш путь?*

Получил я Ваше письмо на третий день Пасхи. Пошел к отцу Силуану, рассказал вкратце «на словах» приблизительно так:

— Отца Димитрия в Афинах встретили очень хорошо. Некоторые ему предлагают жить у них сколько хочет — годами. Познакомился он с некоторыми учеными людьми, которые хотят его устроить в университет так, чтобы он мог его окончить в два года. Обещают устроить легкий и удобный заработок. Кроме того, он там познакомился с многими и замечательными людьми, настоящими подвижниками, с людьми благочестивыми, и притом с высшим богословским образованием. Все это ему понравилось. Он покамест отложил поездку в Иерусалим. Остается в Греции.

Отец Силуан ответил:

— Ну что ж. Пусть живет там сколько его душе хочется. Само дело покажет все.

Таким образом, старец согласен на то, чтобы Вы жили в Афинах. Я подумал: в Ваших глазах это новое противоречие.

Вы пишете: «Прошу, не вступите в спор со мной». Вы так недавно были свидетелем моего ничтожества, что я теперь потерял силу, смелость или дерзновение говорить с Вами о духовной жизни. Более, чем кто-либо, я хожу *πλάγιως*²¹² — окольными путями. Смею ли я открыть рот? Не скрою, на сей раз мне трудно Вам писать.

В воскресенье 6(19) апреля я снова ходил к отцу Силуану, говорил о Вас. Я хотел несколько подробнее познакомить его с тем, что Вы писали. Сокращенно приведу Вам нашу беседу.

Я [говорю]:

— Отец Димитрий смущен противоречиями в Ваших советах и благословениях. То Вы благословили ему возвратиться во Францию, то годами жить в Иерусалиме.

— Первый раз, когда он меня спросил, — [отвечает] отец Силуан, — я молился Богу — вышло ему возвратиться во Францию. Сказал ему. Он, вижу, не хочет. Хочет в Греции; я молился, — сердце не слагается. Он захотел в Иерусалим. Пусть едет. Ведь он как дитя. Я, как нянька, удерживал его от беды, чтобы он голову не сломил. Но пусть он живет в Греции. Это даже интересно для опыта.

— А что, если этот опыт будет «горький»?

— Что поделаешь.

— Отец Димитрий считает лучшим, если он будет решать такие вопросы сам.

— Пусть, пусть, — [говорит] отец Силуан. — Мы его свободы не отнимаем. Это еще хорошо, что он написал письмо. Он только свободы ищет; но это не в первый раз мне наблюдать. Некоторые спрашивают совета; им скажешь: они не хотят послушаться, им тяжело это; так они начинают даже враждовать. Вот отец Х. сколько лет не перестает против меня идти, а раньше ходил. Сколько таких случаев.

Я [говорю]:

— Союз ученика со старцем — добровольный и в этом смысле свободный. Если отец Димитрий находит неудобным для него следовать некоторым Вашим советам, хочет решать такие вопросы сам, то тем самым делает свободным и Вас. Связь порывается.

— Он сам меня назначил своим старцем, — [отвечает] отец Силуан. — Мне уже нельзя было отказаться. При постриге владыка передал его мне заочно... А теперь я считаю, что нужно еще потерпеть. Само дело покажет.

— Отец Димитрий говорит, что неправильно спрашивать у старца указаний на такие подробности (детали), как, например, где жить, куда ехать. Нельзя же пользоваться старцем, как

оракулом.

— Что же он наши молитвы сравнивает с оракулом? Дешево же он нас оценил. Пусть он живет по-своему, как хочет. Опыт его научит. Он потерял веру, а без веры пользы не будет. Получится, как в песне про Луку: «К тебе за советом приехал я, кум...» и так далее.

— Отец Димитрий просит меня «не вступать с ним в спор».

— Какая нужда нам спорить, — [отвечает] отец Силуан. — Напишите ему, что мы не будем его разубеждать. Когда я увидел, что он не хочет послушаться совета, то в конце я ему сказал, что пусть живет, где хочет, лишь бы хранил себя, жил по-монашески. Время, говорю, трудное. Я видел, что если с ним поступить строго, то он возмутится.

Вспомнили мы: «Учителю, что сотворю?» Господь: «Заповеди веси». Юноша: «Это я от юности все знаю. Скажи мне большее». Господь, возлюбив его, рече: «Продай имение... и следуй за Мною». Он же, дряхл быв, отъиде скорбя» (см. [Мк.10:17—22](#)).

Из Патерика: к Великому Пимену пришел брат просить благословение устраивать вечера любви для братий-монахов. Преподобный благословил. Старший брат преподобного Пимена — авва Анувий, узнав, сделал замечание Пимену за немонашеский совет. В другой раз пришел тот же брат к преподобному Пимену. Святой, уже в присутствии аввы Анувия, спрашивает: «Ты зачем приходил в прошлый раз?» Ответ: «За тем-то». Преподобный Пимен: «А я что тебе сказал?» Ответ: «Ты благословил». Преподобный Пимен: «Это я по ошибке. Невнимательно выслушал. Немонашеское дело устраивать вечера любви. Оставь это». Брат, со скорбью: «Я другого ничего делать не могу», — и ушел. Тогда авва Анувий: «Прости». Преподобный Пимен: «Я видел, что он не послушается, если ему запретить, потому и благословил, *чтобы он делал это с мирною душою*»²¹³.

К Великому Антонию пришли братья, спрашивают: «Как спасемся?» Великий Антоний: «Делайте то-то». Ответ: «Не можем». Преподобный Антоний: «Делайте тогда то-то». Опять ответ: «Не можем». В третий раз святой: «Ну тогда делайте то-то». Ответ: «И этого не можем». Преподобный Антоний к своему послушнику: «Свари им кашицу и отпусти с миром»²¹⁴.

И Священное Писание говорит, что и пророки дают советы «по сердцу» вопрошающего.

Я не хочу Вас опечаливать. Но Вы сами подняли вопрос о противоречиях в советах старца отца Силуана. Если бы Вы действовали с верою по первому совету, то не имели бы места противоречия. Это все покрывающая любовь противоречит.

Сказал я отцу Силуану и еще одну вещь:

— Мне очень трудно писать или говорить отцу Димитрию, когда я вижу, что он нас понимает по-своему. Он думает, что наши советы объясняются тем, что мы заинтересованы удержать его в Русской Церкви. Некоторые действия наши он понимает не как желание ему помочь, а, скорее, наоборот.

— У меня никогда и в мыслях этого не было, — [отвечает] отец Силуан. — Для меня все равно, что греки, что французы, что русские, что евреи. Я всем желаю только спасения. Заступаться за Русскую Церковь я тоже никогда не думал. Он спросил меня, что делать, куда ехать. Я по молитве сказал ему. А по-человечески я не знаю, где какие условия.

Я счел нужным не скрыть от Вас содержание нашей беседы. Но Вы и сами понимаете *трудность* положения старца и неловкость — моего.

Если бы я знал, что Вас неизбежно ждет беда в Афинах, то не имел бы права (нравственно) молчать; но мы ходим верою, а не видением (ср. [2Кор.5:7](#)). Последнее слово старца: «Пусть он живет в Афинах — во славу Божию». И я от всей души желаю Вам использовать время Вашего пребывания в Афинах наиболее продуктивно.

Отец Кирик прислал к Пасхе письма отцам Н., И. и отцу Виссариону. Последнему пишет: «Иеромонах Димитрий, англичанин, что живет у Вас на Афоне, поднял здесь у патриарха целую

бурю. Жалуется, что его изгнали из монастыря. На этих днях пойду к патриарху исповедовать его. Буду говорить с ним по этому делу».

Слава Богу за все. Однако трудно нам жить. Собственно, по-христиански «ЖИТЬ» невозможно. По-христиански можно только «УМИРАТЬ» тысячью смертей на всякий день [215](#). Надо постоянно губить душу свою в мире сем, всегда мертвость Господа Иисуса носить, чтобы и живот Его явился в нас (ср. [2Кор.4:10](#)). Получается так, что поскольку мы «живем» в мире сем, постольку «мертвы» в Боге.

Но есть еще ужасное состояние богооставленности. Человек уже «не имеет жизни» в этом мире, то есть не может жить этим миром, память об ином Божественном мире влечет его «туда», но, несмотря на это, мрак окружает душу.

Собственно мы спастись, достигнуть Бога не можем. Сам Он, Непонуждаемый Господь, если пожелает, может прийти к нам. Я зову Его то плачем, то ропотом на мрак и нищету жизни моей, то молитвою, то молчанием, то воплями... — но Он не слушает меня. И я устал.

Со мной произошла страшная перемена. Свет, Божественная благодать далеко отступили от меня. Я понес ничем не вознаградимую потерю, и в этом неистощающийся источник моих страданий, которые снова достигли силы, превышающей меру сил моих; и душа и тело в болезни. От великой скорби я, как Иов, бываю иногда НЕИСТОВ.

Прошу Вас — молитесь за меня.

Преданный Вам душою, Ваш недостойный о Христе меньший брат

иеродиакон Софроний

Письмо 24. О воле Божией, ведущей на Голгофу

О возведении в сан. О познании воли Божией. О книге Иоанна Креста

Афон, 17—18 (30—31) мая 1936 г. [216](#)

Глубокочтимый батюшка отец Димитрий!

Благословите.

Старец отец Силуан и я радуемся по случаю возведения Вас в сан архимандрита и от всей души поздравляем Вас, εὐχόμεθα καὶ εἰς ἄνωτέρα. Мы рады, что у Вас так благоприятно складываются все обстоятельства. Старец Силуан говорит, что это Вам в утешение за скорби, понесенные здесь. Ваши письма я прочитал ему лишь на этих днях, так как я был болен, никуда не выходил из больницы, а отец Силуан не знал, что я слег.

Вопрос о том, где Вам пребывать, можно считать вполне исчерпанным, и возвращаться к нему, после Ваших писем, нет нужды. Старец Силуан говорит, что если по мнению достойных доверия людей *есть* воля Божия на то, чтобы Вы жили в Греции и учились, то с его стороны остается только желать Вам успеха.

Затем мы вообще говорили о том, *как познается воля Божия* и каких видов она бывает. Можно сказать, в мире *все без исключения* совершается по воле Божией, и не будет ошибки. Однако благочестивые люди никогда не переставали *искать* волю Божию. Здесь имеется в виду, конечно, воля Божия «благая, угодная и совершенная» ([Рим.12:2](#)). Способный совершеннее познавать сию последнюю — поставляется выше. На этом принципе построена священная иерархия (согласно свт. Дионисию Ареопажиту).

Старец Силуан (и тем более я) не претендуем на обладание сим великим даром и потому не можем не отступить, когда высший нас свидетельствует иначе, чем мы. Противиться воле Божией мы не дерзаем. Дерзание становится тем более трудным, чем в большей мере человек сознает свою *ответственность* пред Богом за данный совет или указание. А мы все-таки боимся Бога. Теперь нам лучше. Мы покойны и рады за Вас, потому что и мы для Вас не искали ничего, кроме воли Божией. Нам лучше еще и потому, что теперь ответственность, в случае ошибки, в большей мере ложится на того, кому Вы последовали.

Итак, по Вашим письмам видно, что общими усилиями найдена воля Божия. Да будет с Вами Господь. Трудность искать волю Божию состоит в том, что *нет* внешних признаков, по которым с определенностью можно было бы решить этот вопрос. Ни благоприятно складывающиеся обстоятельства, ни, наоборот, скорби и трудности — не являются окончательным критерием.

Есть еще одно обстоятельство, помимо приведенных Вами в письме, лишаящее возможности быть настойчивым и требовать послушания. Воля Божия нередко ведет на Голгофу. Кто это сознает, кто сам ходил этим путем, тот вряд ли решится быть настойчивым и повелительным.

Прошрое письмо к Вам я закончил исповедью моего отчаянного душевного состояния. Вы в утешение и назидание прислали мне выписку из книги de St Jean de la Croix и тем заставили меня прочитать всю книгу. Для меня это настоящий подвиг. Вы знаете, что я уже давно сравнительно потерял всякую трудоспособность. Даже по-русски мне тяжело прочитать несколько страниц серьезной книги. Но теперь я Вам глубоко благодарен и за переведенную выписку, побудившую меня читать книгу, и за самую книгу, и за всю Вашу любовь ко мне. Ваш ответ на мою жалобу показал мне Вас с новой стороны и сделал по-новому близким. Из боязни быть неправильно понятым и потому соблазнить, я избегаю говорить о своем душевном состоянии. С другой стороны, я считаю полезным иногда близкому по духу человеку сказать о

трудностях нашей жизни. Быть может, я ошибаюсь... Но лично я всегда почерпаю новые силы, когда узнаю, что претерпели прежде нас шедшие по этому пути.

В этом отношении книга de St Jean мне оказала помощь. St Jean поразил меня глубиной психологического анализа. Некоторые душевные состояния, которыми он главным образом занят, у него описаны с удивительной последовательностью и целостностью. По методу и терминологии отличаясь значительно от восточных отцов, он в своих главных *нравственно-догматических* положениях находится в согласии с ними и стоит на высоте величайших из творцов восточной аскетики. Читая St Jean, встречая отдельные места, иногда целые страницы (и даже подряд несколько), с удивительной точностью описывающие то, что мне и самому приходилось так или иначе переживать, я чувствовал прилив сил и решимости терпеть с благодарностью неизбежные скорби и трудности нашего пути. Быть может, когда-нибудь мы будем говорить об этом подробнее. Устал я писать.

Как бы ни разошлись наши дороги здесь, я верю, что ἀμεταμέλητα τὰ χαρίσματα καὶ ἡ κλήσις τοῦ Θεοῦ ([Рим.11:29](#)) («дары и призвание Божие непреложны») и что в будущем веке любовь Божия уже совершенно соединит нас.

Преданный Вам

грешный иеродиакон Софроний

Письмо 25. Об истинном монашестве

О величии призвания и собственном ничтожестве. Встреча с отцом Иоанном Шаховским. О черном иночестве. «Заживо во аде». Подвиг самопознания. О совлечении естественного мира. Об оскудении монашества на Афоне. Об Иоанне Креста. О мытарствах и чистилище

Афон, 10 (23) сентября 1936 г. [217](#)

Возлюбленный о Господе глубокочтимый отец Димитрий!

Благословите.

Ваши письма ко мне после Вашего отъезда с Афона сделали Вас близким мне по-новому, я бы сказал, что теперь в Вашем лице я обрел себе нового брата, в каком-то отношении более дорогого, чем тот, которого я видел в Вас раньше. Письма Ваши стали носить характер *черно-иноческий* [218](#). Является ли это новою нотою в Вашем устроении или Вы только теперь обнаружили несколько свое настоящее лицо, что раньше скрывали, причем обнаружение это вызвано Вашим желанием ободрить меня в моем бедственном положении?

Вспоминаю, как Вы четыре года тому назад писали из Литвы, полный недоумения, как это можно держать ум во аде... ведь это воображение... что недопустимо при молитве... а теперь Вы так просто и ясно поняли это и выразили в письме к старцу отцу Силуану. Теперь Вы для меня служите опорой вследствие более полного взаимного понимания; и то, о чем я раньше не решался говорить, дабы не соблазнить или не напугать, теперь стало в центре Вашего внимания. Все-таки нас так мало («малое стадо» (ср. [Лк.12:32](#))), что каждый отдельный человек, готовый пойти по этому скорбному и тесному пути, является большою нравственною поддержкою для изнемогающих и малодушных подобно мне.

Вы не представляете себе, быть может, как мне дороги Ваши призывы терпеть и мужаться. Я действительно изнемог. Я, несмотря на то, что не имел «иллюзий... о легкости духовных достижений», все же встретил трудности, превосходящие все мои предположения, и убедился в своем ничтожестве, размеры которого от меня раньше были сокрыты.

Я сознаю величие монашеского пути, а осознание своей ничтожности, обнаружившейся довольно скоро на этом пути, породило во мне сомнение в правильности избрания мною его. Могу сказать, что я своего призвания не нашел, не понял, не услышал. Однако я сознаю совершенную невозможность для меня идти иным путем, найти иную форму служения Богу и ближнему. «Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог» ([Иер.20:7](#)). Таким отрицательным образом решается вопрос обо мне. Я не хотел, потому что признавал трудность, и вместе увлекался. Я упорно противился Богу, но Он нашел способ принудить меня. И теперь мне непосильно тяжело; я положительно раздавлен. Причина болезни внутри, поэтому невозможно облегчить мое состояние изменением моего внешнего положения и условий. Так снова отрицательным образом решается вопрос и о месте моего пребывания.

Вчера уехал от нас игумен отец Иоанн (Шаховской). Жалею, что он не остался у нас на больший срок, не дал нам насладиться его обществом. Это человек какой-то особой чистоты, как ангел; благодать Божия очевидно почивает на нем. Он как-то по-детски открыто любит Бога, и потому беседа с ним доставляет глубокое наслаждение, исцеляюще действует на душу. Я готов писать о нем много; я хотел бы почаще иметь общение с ним, хотя бы только видеть его. И при всем том, как ни парадоксальным покажется Вам это, он убедил меня в *превосходстве «черного иночества»* своим сдержанным отношением к нему. Он находит возможным заменить существовавшие до сих пор монастыри *трудовыми братскими артелями*, видимо, отдавая предпочтение *трудовой*, но, конечно, соединенной с молитвой и целомудрием жизни среди мира. Служение ближним и проч.

Все, что он говорил, само по себе, конечно, хорошо и похвально, но для меня было неожиданностью встретить в нем непонимание и недооценку идеалов *черного* иночества. С печалью думал я, что если и такие избранники, как отец Иоанн, не вполне понимают смысл черного монашества, то что же ждать от других.

Я думал: неужели Господь отымет от человечества эту, по выражению преподобного Феодора Студита, *третью* благодать [219](#) (первая — крещение, вторая — покаяние, третья — монашество)? Неужели действительно пришел срок, когда *величайшая*, поистине неземная культура будет отвергнута человечеством?

Посещение отца Иоанна еще и в том отношении было для меня полезно, что теперь мне особенно дорого стало *монашество* (монашество, а не целибат, возможный и среди мира).

Я не монах, а мечтатель о монашестве [220](#). Монашество я понимаю как особую форму любви. Любовь возможна различных видов. Иногда она радует и делает жизнь среди людей приятной и плодотворной. Но возможна и такая форма любви, которая мучит и тяготит и делает жизнь нестерпимо тяжелой, доколе она не достигнет своего последнего желания, пути к достижению которого избирает она необычные.

Жизнь, надо полагать, всякого человека настолько сложна, что даже при самом сосредоточенном внимании человек не в состоянии понять совершающихся в нем процессов, а быть может, что и самая эта сосредоточенность на себе приводит к еще большему недоумению, к более глубокому чувству *тайны* жизни. Наблюдения и опыт показывают, что страдания являются почвой, на которой только и может произрасти большая любовь. Впрочем, это сопряжено с опасностями и возможностью извращений.

Различны призвания, различны и пути. Вот одна из возможностей: неудовлетворенность данной действительностью и искание иной жизни, подлинной, вечной. Посещение благодати, которая с великой силой восхищает человека в иной мир, Божественный, в неизреченном свете показывает ему, дает приобщиться вечности. Затем уже с измененным сознанием, как познавший закон вечной Божественной жизни — а именно любви к Богу и ближнему, — человек оставляется на подвиг в этом мире. Все силы сосредоточиваются на сообразовании внутренней жизни сердца с познанным законом, и тут начинается крестный путь. Свет виденный отошел, уязвив сердце и оставшись в уме лишь в форме отвлеченного познания о законах вечной жизни. Просвещенный таким образом ум начинает созерцать великую трагедию падения человека, и созерцается нами эта трагедия в нашем же сердце. Оказывается, что оно полно совершенно противных чувств и расположений.

Нет такого зла в мире, которого не находилось бы в нашем сердце, и это иногда в страшных размерах. Видеть это в себе, конечно, не доставляет радости. Сознать себя заживо во аде — о, как скорбно. По мере роста сознания болезни растет и жажда спастись.

Сознание же, что судьба братьев моих подобна моей, рождает в сердце сострадание к ним и понуждает молиться не о себе только, но о всех. Господи, помилуй нас, то есть всех нас, людей, без исключения.

И скажу Вам странную вещь, которая, быть может, покажется Вам извращением. Забота «о всех» делает неудобным служение отдельным лицам и заставляет как бы удаляться от них. Получается какое-то увлечение чем-то абстрактным. Впрочем, думаю, «все» не есть абстракция. Преобладающим, однако, количественно содержанием жизни души являются *недоумение и ожидание*. Положительно ничего не понимаешь, ничего не можешь. Кругом мрак. Нет того света, который был вначале, и только мучительное ожидание, когда же этот мрак преложится и станет светом. Господи, когда же... доколе?

Другое побуждение к монашеству — желание постоянной молитвы. Любовь к молитве привела большинство в монастырь. Под величайшей же культурой я разумел умное делание.

Сущность умного делания: Господь сказал, что в сердце рождаются, из сердца исходят *помышления*... Желание соблюдать заповеди Господни заставляет *все внимание* сосредоточить на сердце. *Ум безвидный безмолвно внимает сердцу*... Вся тайна в этих немногих словах.

Можно по этому поводу много философствовать о том, что Бог созерцается чистым умом, что доколе не совлечется человек умом всего тварного, не может зреть Бога и прочее многое. Характерным для нашего православного «мистицизма» является сосредоточение всех сил на соблюдении нравственных евангельских заповедей, и именно чрез погружение в мир нравственный-духовный *достигается совлечение* мира естественного. Подобное совлечение доходит до полной потери чувства не только окружающей нас вещественности, но и самого тела нашего, как сказано: «не знаю, в теле или вне тела» (см. [2Кор.12:2](#)). Причем это происходит так тихо, нежно (не знаю, как и выразить), что человек совершенно и не замечает, как это происходит, а лишь после молитвы «открывает», «догадывается», что произошло с ним.

Всякий иной путь, например, механического отвлечения ума от вещества (то есть от представления чего-либо вещественного), от помышлений, погружение во мрак безмыслия, без того направляющего начала, о котором я сказал выше, считаю не свойственным православной аскетике.

Кажется, слишком много я написал. Вы все это знаете, но, как бы *споря* (однако с любовью) с отцом Иоанном, я изложил свои мысли о *черном* иночестве. (Вы знаете, надеюсь, что отец Иоанн Шаховской уже давно написал книгу о белом иночестве, то есть в миру.)

Посылаю Вам письмо Владимира Родионова. Я в нем не ошибся, когда, еще не зная его, сказал Вам, что он способен быть монахом. Прочитайте письмо и потом возвратите его мне, посоветуйте при этом, что с ним (то есть Владимиром) делать.

Вы знаете нашу *обстановку*²²¹. Я боюсь советовать Владимиру приехать на Афон хотя бы и временно. Кто ни приедет — разочаровываются. Один соблазн, ни следа подлинного монашества, даже человеческого благообразия. К тому же нет возможности оградить посетителей от *нелюбезностей* всякого рода со стороны «администрации» нашей. Отец Иоанн Шаховской уехал так скоро отчасти, думаю, потому, что ему, постриженцу нашего монастыря, отказали в церковном общении.

Отец Силуан правду говорит, что мы не по-монашески живем, потому и не должно удивляться, что люди избегают общения с нами как дела бесполезного...

В своем последнем письме Вы затрагиваете несколько важных вопросов. Нет у меня решимости Вам на них отвечать. О гениальном St Jean de la Croix скажу, что его книга, сыгравшая в Вашей жизни великую роль, — *откровения* о таинствах духовной жизни, — для меня явилась лишь весьма ценным открытием о существовании на Западе оригинального метода безмолвия. Кажется, я Вам в своем прошлом письме писал, что я *методам* как таковым не склонен придавать значения большего, чем средству, то есть смотрю на них как на нечто *относительное*.

Самым существенным мне казалось не его оригинальное толкование процессов духовного роста, а его решимость идти «ЖЕСТОКИМ» путем, по линии наибольшего сопротивления, его забота о хранении ума *безвидным* с единым устремлением к Богу. Понимание им совершенной жизни — как единственно любви.

Его вдохновенная книга действительно возбуждает душу к решимости терпеливо идти чрез *сухую и мрачную* пустыню к обетованной земле.

Я думаю, что в житиях святых, в Прологе, в Лимонаре и подобном есть и легендарный элемент, «мифотворчество», — как сказал бы Н. А. Бердяев.

Откровенно скажу, что различие в учении Православной и Католической Церквей о загробном состоянии умерших не является, по моему мнению, существенным. Идея загробного «воспитания» души не чужда ни той, ни другой. Идея «чистилища» как такого места, откуда по отбытии определенного, пропорционального греховности-нечистоте срока наказания все идут в рай, — мне представляется неверной. Движение души свободной, не достигшей неизменяемости совершенства, всегда мне кажется возможным двоякое. Если признать возможным изведение Божественною силою души из ада, то нет никакой необходимости предполагать существование третьего «места», то есть чистилища. По моему представлению, учение Православной Церкви от Католической отличается тем, что если душа неспособна по нечистоте своей идти в рай, то она идет во ад и уже оттуда, единому Богу известно когда, как и почему, может быть изведена в рай.

Как в «дому Отца есть много обителей» (ср. [Ин.14:2](#)), то есть различных степеней блаженства, так и во аде различны муки. Посмертный путь души — мытарства — различным образом описываются. Не знаю, в какой мере описание преподобной Феодоры может быть принято, то есть как неизбежный путь во всех его «инстанциях», или возможны и иные пути, с меньшим, положим, количеством остановок, а то и совсем без испытаний на воздушных «мытницах». Мне не ясно еще и то, как понимать это все: буквально или иносказательно?

Подобные вопросы как-то не привлекают моего внимания; читая Ваше письмо, я увидел, что Вы обстоятельно продумали все и Ваши мысли подобны моим. Как Вы, и я думаю, что спасение достигается при непременном условии приобщения страданиям Христа.

Молитесь за меня.

Душа моя полна надежды, что любовь наша во Христе пребудет вечною.

Ваш недостойный брат о Христе

грешный иеродиакон Софроний

Часть пятая. Вне Церкви

«Иное (семя) упало на каменистое *место*... и скоро возшло, потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло» ([Мк.4:5—6](#)).

Письмо 26. О мире всего мира

Душа христианина в этом мире не может не страдать. О молитве за мир в мире. Лишения как путь познания человеческой души. Чередование волн мрака и света — удел монаха. Об ignorance invincible

Афон, 23 апреля (6 мая) 1945 г. [222](#)

Христос воскрес!

Возлюбленный о Господе отец Димитрий!

Христос посреде нас!

Истекшие годы войны были переполнены самыми разнообразными переживаниями чрезвычайного напряжения, потрясавшими душу до последней глубины. Образ Христа всегда является как великий контраст образу нашего эмпирического бытия (или скотского, или звериного); во время же войны, и притом столь великой и жестокой, этот контраст становится еще большим. И поэтому душа христианина в этом мире не может не страдать. И то, что и ты страдаешь, — так понятно, и даже неизбежно. К этим страданиям прилагаются личные: разбитая жизнь, потеря родных и близких. Так ты потерял своего брата.

Несмотря на все это, я был чрезвычайно обрадован (твоим письмом), что наконец, после четырех лет разлуки, снова обрел тебя. Я всегда был уверен, что ты жив, и со времени бегства немцев из Греции ждал известий от тебя и до некоторой степени недоумевал, не имея их от тебя...

Миллионы душ молятся Богу о мире; присоединился к ним и я. В своем отчаянии, за эти годы, как безумный, бесстыдно и дерзко, иногда с болезнью, доводящей меня почти до смерти, и я умоляю Бога дать миру мир. И если молитва преодолет темную силу преступного, братоубийственного эгоизма и желанный мир будет дан, тогда, быть может, и нам будет дана возможность хотя бы на время пожить вместе. Я всегда этого хотел, теперь еще более. Говорю об этом, чтобы ты имел это в виду, если когда-нибудь почувствуешь к тому позыв.

Твое письмо я получил лишь вчера, 22 апреля (5 мая) 1945 года. Отец Герасим теперь живет в пещере святого Афанасия, приписался к Лавре. Давно его не видал, но, к счастью, он пришел в святой Павел на Пасху. Он все такой же, как и прежде, впрочем, несколько ослабел.

Хотел было кончить письмо, но вспомнил, что, быть может, нужно написать что-либо и о себе.

За эти годы ужасы войны (бомбардировка, эвакуация и прочее) непосредственно нас не коснулись. По временам даже бывало более безмолвно, более пустынно, мертво внешне, чем до войны. Главным образом чувствовалось лишение почти всего необходимого. Но все же сравнительно я прожил благополучно. То есть и я пережил острую нищету, а иногда непосильные физические труды, но рад этому опыту, чтобы глубже познать человеческую душу. Много времени потратил на борьбу за кусок черного хлеба, но все же по временам имел возможность читать и безмолвствовать. (По принципу отца Силуана: «Если хочешь быть свободным, свяжи себя, ограничь себя во всем» [223](#).)

Периоды отчаяния сменялись периодами чувства Божией любви. Чередование волн мрака и света — удел, как ты знаешь, монаха. Душа иногда болезненно ищет Бога, иногда сильно и сладко влечется ко Христу, любит Христа, чувствует Его в себе, а потом снова отступает этот свет, и остается во мраке.

Чрезвычайно интересен опыт духовничества, но и чрезвычайно труден этот подвиг, то есть борьба в сердце брата с терзающей его страстью, или иначе: принять его в свое сердце и его искушение жить, как свое личное.

К сожалению, слишком часто встречаешься с тем, что я назвал бы «непреодолимым невежеством» (термин Папы Пия IX — *ignorance invincible* — несколько иного значения). Попытка все же передать слово Христа приводит к обратному результату, отталкиванию и вражде. Ζητεῖτέ με ἀποκτεῖναι, ὅτι ὁ λόγος ὁ ἐμὸς οὐ χωρεῖ ἐν ὑμῖν... «ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас» ([Ин.8:37](#)). В этих случаях душа моя переживает тягостное опустошение, иногда до изнеможения...

Буду бесконечно рад тебя видеть.

Твой недостойный о Христе, любящий брат

грешный иеромонах Софроний

Письмо 27. О свободе души и церковных узах

Об «узах» монашества и иерейства. О гонениях на монашество. О свободе, дарованной Христом. Нет христианства вне Церкви. О наследии святых. Душа остается свободною при всех оковах. О связи внутренней духовной жизни с догматическими воззрениями (теориями)

Афон («Св. Троица»), 8 (21) августа 1945 г. [224](#)

[...] Итак, ты думаешь, что я тебя не пойму. Первое, что, как мне кажется, я должен понять, — это твое желание освободиться от тех уз, которые на тебя налагало иерейство и монашество. И это так легко понять. Сколько раз я сам переживал и переживаю еще тесноту и тяжесть этих оков. Достаточно самого поверхностного ознакомления с канонами Церкви и законами государства о монашестве и священстве, чтобы понять, как мы стеснены до последней степени, до форм гонения. Отречение от мира — мир отомщает нас отвержением, и изгнанием, и ненавистью. Особенно монашеству. Монашество гонится даже церковными властями. Хочется спросить, на каком основании, по какой причине все это предпринято против нас?

Разве нам даны какие-либо особые права и преимущества, чтобы связать нас соответствующими обязанностями? И мне известны случаи, когда иереи и монахи, возмущенные бессмысленными садистическими издевательствами владык и иных церковных властей, отказывались от священства и рясы, но не от Христа. Отказывались, чтобы жить свободно во Христе, «стоять в той свободе», в которую, как говорит апостол Павел, нас искупил Христос (см. [Гал.5:1](#)).

И если это ощущают греки и русские, то тем более ты — англичанин — должен переживать это более остро и болезненно. И если сказать о себе, почему я до сих пор терплю все это, или что дает мне силу терпеть, или каким способом я борюсь, подобно тебе, за свою внутреннюю духовную свободу, то исповедую тебе и это.

По моему глубокому убеждению (не только вере) христианство не может быть бесцерковным — будем ли мы рассматривать Церковь как мистическое Тело Христа или как историческое явление — общество христиан. Состояние членом последнего — то есть общества христиан — неизбежно налагает известные обязанности, внутренние и внешние. Неизбежно — считаться с состояниями и требованиями сочленов. Мой метод в борьбе за свободу — предельное возможное для меня удаление и самоограничение. То есть я вяжу самого себя так крепко, чтобы мне не ощущать налагаемых на меня Церковью и обществом оков. И это считаю нужным делать, чтобы мне не потерять того, что положительного дает мне Церковь, сохраняя притом возможную свободу. Что же дает мне Церковь? — Таинства: крещение, покаяние, причащение, священство и прочее. Чрез Церковь я, в доступной мне мере, становлюсь наследником величайшей в истории человечества культуры. Чрез Церковь и в Церкви я чувствую постоянно самую живую связь со святыми Иоанном Богословом и Павлом и апостолами, со святителями Афанасием, Василием и другими отцами, с преподобными Антонием и Сисоем, с Макарием и Исааком, с Максимом и Симеоном Новым Богословом, со святителем Григорием Паламою, преподобным Серафимом Саровским. Они — мои, родные. Но я воспринял их в церковном ряду. Вне Церкви — связь с ними ослабляется. Пусть в меньшей мере, но я живу единою с ними жизнью. Чрез Церковь в моем сознании я ношу Образ Христа, распятого по безмерной любви за наши грехи, — Образ, который постоянно кротко, но сильно влечет к себе душу! И вот все это дает мне силу терпеть многое уродливое и извращенное, что мы постоянно встречаем в церковной среде.

Я говорил об удалении своем от церковного общества. Но нередко мы видим в истории Церкви возвращающихся в эту невежественную духовно среду, чтобы по примеру Христа

положить душу свою за брата своего. И это опять-таки в Церкви.

Много отрицательного, уродливого, связующего, но все же еще более положительного. Мне кажется, что выход из Церкви ради свободы в конечном итоге приведет к ущербу. Лично я могу констатировать, что в своем последнем стремлении стяжать любовь Христову — душа остается свободною при всех оковах, налагаемых на монаха Церковью и обществом — миром.

Ты говоришь: «Внутренней борьбой я приобрел какую-то духовную свободу». Дерзаю сказать — не думаю, чтобы твоя свобода была большею, чем та, которую я имею на пустыне. Но когда я возвращаюсь в среде других монахов, я действительно приноравливаюсь к строю их жизни.

Я не хочу тебе возражать, отягощать. Я говорю о себе, чтобы ты понял, что и я в не меньшей, чем ты, мере чувствую тесноту рамок церковного общества. Я не стараюсь и не старался «заключать себя в исключительных конфессиональных рамках». Но я глубоко переживаю самую тесную, неразрывную связь нашей аскетической жизни с догматическими основными положениями. Так, например, когда я знакомлюсь с доктриной Иоанна de la Croix, я вижу его связь с Августинским учением о последствиях грехопадения. Когда я знакомлюсь с Шлейермахером²²⁵, я не могу не обратить внимания на то, что его бездогматическое христианство, бездогматическая вера — привела его к тому, что он пантеистическое мироощущение Спинозы²²⁶ охарактеризовал как классическое выражение религиозной жизни (разумеется, подлинной, истинной). Вообще опыт и изучение ясно показывают самую тесную связь внутренней духовной жизни с догматическими воззрениями (теориями).

Я лично считаю необходимым быть очень осторожным. Я верую во Христа. Я верю Христу. Я связан любовью Христа. Я доверяю только Христу, Которого познал в Церкви. Когда-то искание «подлинного бытия» привело меня на Афон. Теперь я всеми силами души желаю уподобиться хоть в наималейшей мере Христу, потому что в Нем для меня заключена подлинная, вечная, Божественная жизнь; искать же я перестал.

Возможно, я много наговорил не на тему. Я предпочел бы пожить с тобою. Ты, может быть, убедился бы тогда, что я в достаточной мере свободен. Если бы это было возможно, я предпочел бы Палестину.

Твое письмо на меня произвело впечатление, что ты считаешь меня каким-то узкоконфессиональным фанатиком наподобие афонских зилотов. Если бы не так, ты почел бы меня большим доверием.

С большою любовью о Христе

твой Софроний

Мир тебе.

Письмо 28. О православном догматическом сознании

Трагедия человеческого бытия — суровая действительность. О борьбе за внутреннюю свободу. О «борьбе» с Богом за мир. Об усвоении и уподоблении Христу. О невозможности адогматической веры, бесцерковного христианства и безаскетического христианства. О тесноте конфессиональных рамок. Церковь, догмат и аскетика — единая жизнь. Об иерархии духовных ценностей. О положительных и отрицательных формах аскетизма. В чем состоит православная культура

Афон («Св. Троица»),

22 августа (4 сентября) 1945 г. [227](#)

Христос посреде нас!

Возлюбленный о Господе отец Димитрий!

Мир тебе от Господа.

Не забываю тебя. Часто, очень часто мыслю возвращаюсь к тебе. После многих дней, исчезнувших в суете пожара и других житейских попечений, располагаю временем, чтобы писать тебе, хотя пребываю в состоянии еще некоторой душевной усталости.

Ты отодвинул от себя «чувство трагического характера человеческой духовной жизни». И я по временам делаю то же самое. Я закрываю глаза, закрываю свои чувства, чтобы не видеть бытия человеческого, которое для меня в пределах этого мира представляется действительно трагическим. Делаю так, когда изнемогает душа моя, когда нестерпимо заболевает сердце мое. Но когда, после некоторого отдыха, я снова открываю их, то снова, иногда с еще большей остротой и напряженностью, я вижу все ту же глубокую трагедию.

Думаю, что и ты лишь на время сможешь отойти от этого страшного, томящего видения, а потом снова невольно вернешься к нему, потому что это не просто идея, создание больной фантазии, а сама суровая действительность. При этом самым трагическим мне представляется не то, что люди вообще много страдают, а то, что умирают, не познав Бога. «Старание во всем заключить себя в исключительных конфессиональных рамках ослабляет у меня всякую религиозную веру, делает непонятным и недействительным в моем сознании отношение Божией любви и Божьего промысла к человечеству как целому». И для меня между благовестием: «Бог есть любовь» ([1Ин.4:8](#)), с одной стороны, и созерцаемыми в пределах этого мира судьбами человечества, с другой, заключено великое противоречие. Но я не думаю, чтобы удаление от Церкви могло посодействовать его разрешению.

Подобно тебе и я пребываю в постоянной борьбе за внутреннюю свободу, в постоянном искании разрешения многих противоречий и недоумений. Эта борьба у меня по временам принимает характер борьбы с самим Богом (при всем сознании моего последнего ничтожества). Иногда я молюсь с кротким плачем, а часто, как безумный, спорю, настаиваю, требую, «ругаюсь», почти «богохульствую». Но при всем богоборческом характере моей жизни, я люблю Бога до последней глубины моего существа и Ему отдаю последний суд, потому что Он располагает бесконечными возможностями за пределами этого мира. Любовь к миру, к человеку меня толкает на войну с Богом.

Этому духу борьбы с Богом я предоставляю действовать в душе свободно, и наблюдаю, как он, достигнув некоторой непоколебимой стены, падает, разбившись, и тогда убеждаюсь, что еще глубже люблю я Бога. С Богом я «спорю», «ругаюсь», Бога «дерзко оскорбляю» в борьбе за судьбы людей, но в конечном итоге, каковы бы ни были судьбы всего человечества, всего мира, всей твари, Бога я люблю единственной подлинной вечной любовью.

Тысячи раз в душе моей происходила сильная борьба, но всегда побеждала любовь

Христов, так что и я, до некоторой степени, могу повторять слова апостола Павла: «И я уверен, что ни жизнь, ни смерть, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни иная какая тварь не может нас отлучить от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» ([Рим.8:38—39](#)).

Недавно я писал тебе, что я перестал искать Бога. Единственно, что я ищу, — это как-то хотя бы в малейшей мере внутренне уподобиться и усвоиться Христу. Я хочу познать хоть отчасти, хоть в самой малой мере переживать так, как Он, Господь, переживал единство любви к Богу и человеку. Для нас, в пределах этой жизни, эти две заповеди в полноте несогласуемы. Любя Бога, служа Ему, я отхожу от ближнего, забываю его. Любя ближнего, служа ему, я или забываю Бога, или удаляюсь от Него, или даже вражду. И потому неудержимо влечет к Себе Образ несравненного Христа, сочетавшего и ту и другую любовь и в ней указавшего нам закон вечного подлинного бытия.

Я не ищу теперь какого-то непонятного, расплывчатого, безличного вечного бытия, какого-то «неведомого Бога» (ср. [Деян.17:23](#)); Бог и вечное бытие в предельной конкретности мне даны во Христе. Этого Христа ищу я, то есть Ему уподобиться и усвоиться. Когда, при сознании своего крайнего недостойнства, я все же молюсь Ему, то от напряжения этой молитвы собирается воедино все мое существо, то есть и душа и тело, то есть ум, сердце и все члены тела, даже кости, — все от напряжения как бы оцепеневает, изменяется дыхание. Так сильно и неудержимо влечет к Себе Христос душу, всего человека, — Христос, Которого мне дала Церковь.

Ни единым средством, содействующим единению со Христом, не пренебрегаю. Но разве возможно где-либо вне Церкви найти большее богатство этих средств? В Церкви я имею Бога воплощенного, так что Бога мы едим и пьем, Богом, Словом Его мы дышим. Именем Его, Словом Его, Властью Его мы совершаем таинства, и эти таинства не суть какие-то лишь символы, но воистину реальность. Это же так очевидно чрез весь опыт.

Моя мысль проста, но, быть может, нелегко ее передать, потому что я не знаю, о чем нужно сказать, чтобы не обременить тебя излишними словами. Ты не удостоил меня в полноте твоего доверия. Я больше доверяю тебе себя. Ты полагаешь, что я не пережил того опыта, который дан тебе в настоящее время, и потому не смогу тебя понять, а буду так просто по конфессиональному фанатизму оскорблять то святое, что ты испытал. Но как ты «готов слушать со вниманием мое мнение», так и я вполне готов с любовью выслушать все, что бы ты ни сказал. Если я, Бог свидетель, всегда *бескорыстно* готов тебе отдать все, что имею по любви во Христе, то и ты, если нашел что-либо большее и лучшее того, чем обладаю я, потрудись то передать и мне.

Трех вещей я не понимаю:

- 1) адогматической веры;
- 2) бесцерковного христианства;
- 3) безаскетического христианства.

И сии три: Церковь, догмат и аскетика (то есть христианский подвиг) — для меня единая жизнь. Мне кажется неправильным претендовать на то, чтобы в Церкви все было «по-нашему». Когда ты говоришь о тесноте конфессиональных рамок, я понимаю тебя. И я тысячи раз переживал и переживаю стеснения, но их терплю, потому что от Церкви я имею и положительные дары.

Аскетика (то есть духовный подвиг и упражнения) неотъемлема не только от всех известных истории религий, но и вообще от всякой человеческой культуры. В основе всякой аскетики по необходимости лежит та или иная идеология (догмат). Всякая религия — язычество, иудейство, магометанство, пантеизм, христианство — имеет свою аскетическую

культуру, отличную от других, и это различие обусловлено различием догматических представлений.

Я думаю: ценою *личного* подвига и внимательного изучения нужно приобрести знание теоретической основы аскетизма, чтобы иметь возможность свободно и разумно пользоваться различными существующими аскетическими средствами, чтобы существующие формы аскетических упражнений слить в единое целое.

В идеале — нужно как-то знать всю совокупность аскетических видов, форм, методов, средств, чтобы приобрести некоторую внутреннюю свободу, чтобы не впадать в чуждые христианству сферы. Из таких «чуждых» сфер в настоящее время, полагаю, наиболее опасной для христиан является пантеистический мистицизм.

В идеале нужно как-то знать всю последовательность духовного возрастания, восхождения от низшего и меньшего к высшему и большему, чтобы обеспечить непреткновенное преуспевание. Нужно знать «иерархию» духовных ценностей, чтобы не поставить низшее над высшим и тем неисправимо положить конец восхождению. Пример превращения «иерархии» духовных ценностей — Огюст Конт²²⁸, который думал, что он открыл закон исторического развития ума. По нему, человеческий ум проходит три последовательные стадии развития мировосприятия: теологическую, метафизическую и позитивную. В духовной жизни очень часто приходится встречаться с явлением «превращения иерархии». В таких случаях я вспоминаю уроки гимнастики в детские годы, когда, повиснув на трапеции вниз головой, видишь «внизу» (под ногами) — потолок, а сверху над головой — пол с различными предметами.

Конечно, я предпочел бы с тобой устную беседу. Ради этого я чуть было не решился на поездку в Афины на одном каике, идущем в Пирей, почти без расходов. Но, подумав о трудности возвращения, оставил эту мысль.

[Ты пишешь:] «Мой образ жизни совсем не аскетический... главный интерес — уйти внутрь».

Здесь ты несколько отступил от обычной терминологии. Я тебя понял так: ты решил отказаться от отрицательной формы аскетизма и хочешь остановиться только на положительной. (Этого в свое время искал и отец Лазарь — Эдгар Мур.) Идеологически это представляется нам как нечто более совершенное, но опыт показал, что положительное действие — возрастание в добре, положительная форма — любовь — в пределах этой жизни по необходимости встречается с отрицательной формой аскетического действия, то есть с борьбой с действующим в нас «законом греха».

«Мир весь во зле лежит» ([1Ин.5:19](#)). Зло — этот «закон греха» — приобрело силу действующего закона невозрожденной жизни нашей психофизической природы. Процесс возрождения, преображения нашей жизни есть соединение двух аскетических активностей — активности Бога и активности самого человека. Вторая — как подвиг человека — принимает иногда отрицательную форму (пост, воздержание, целомудрие, бдение, нестяжание, послушание — отсечение своей воли, нелюбоначалие и прочее). Иногда же положительную форму. Чем большего напряжения достигает сия последняя, выражающаяся в постоянном устремлении духа к Богу, в молитве, сострадании, любви, тем менее заметной становится отрицательная форма, частично отпадая, но не переставая, однако, существовать. В начале процесса духовного роста, в начале процесса аскетического обучения по необходимости преобладает отрицательная форма, потому что положительное аскетическое действие — есть *искомое*, цель. Начать с нее своею волею мы не можем. Она есть дар. И когда этого дара устаиваются некоторые прежде подвига отрицательной формы, то, как показал опыт многих веков, все же через некоторое время дар этот отыметя, и тогда в поисках «потерянного рая»

христианин предается и отрицательному аскетизму в большей мере, чем не получившие дара.

[Ты пишешь:] «Не знаю, причинит ли тебе лишь скорбь и недоумение перемена в моих убеждениях».

Для меня несомненно, что ты переживаешь подлинное оживление твоей духовной жизни, и этому я глубоко радуюсь. Однако весь ряд высказанных тобою в письме мыслей меня наводит на предположение, что происходящее в твоей душе есть лишь *начало* подлинно религиозной жизни. И именно начало, какой бы силы ни достигали твои настоящие переживания. И если человек с этого начинает, то это должно приветствовать. Но если он на этом остановится (как на чем-то совершенном), то это уже будет «прелестью». Шлейермахер сделал именно эту ошибку. Он попытался «догматизировать» именно эту начальную форму религии, неясное, неконкретное «томление духа», искание Бога, устремление к Богу, жажду подлинного бытия, без положительного осознания, в чем оно. Предел этой формы — потрясающее чувство прикосновения к Великому Вечному Бытию. Все этого рода религиозные переживания человеческого «я», имеющие характер весьма напряженной *жизни* самой глубины человеческого духа, — известны и вне христианства, в опыте пантеистическом (буддизм, Плотин, теософия и другое). Но ими далеко не исчерпываются переживания христианина.

И потому мне очевидно, что Шлейермахер висел на трапедии вниз головой. Этот несомненно даровитый, но и характерный протестант, отвергший догматическую веру Церкви и «догматизировавший» свой сентиментальный мистицизм, — именно в силу последнего впал в чуждую христианству сферу, в то, о чем я уже писал тебе, а именно: *чисто пантеистическое мироощущение Спинозы* он признал *классической формой религиозной жизни*. Шлейермахер по существу, по характеру своей мистики несравненно ближе к пантеизму, чем к христианству. Он даже веру в Личного Бога, веру в личное бессмертие не считал необходимой.

Позволю себе повториться. Этот тип мистических переживаний прикосновения к непостижимой Великой Сущей Реальности, пред которой реальность этого мира уничтожается, для христианина есть лишь *начало* подлинной духовной жизни.

Это начальное переживание (знакомое и пантеистам) Шлейермахер (подобно теософам и вообще всякого рода пантеистам) счел конечным искомым и потому отверг не познанную им, как должно, ту последнюю конкретность, в которой и с которой Церковь передала нам откровение о Божественном вечном бытии.

[Ты пишешь:] «Я остался православным в культурном смысле слова», а вместе с тем: «Я перестал верить многим православным догматам» и еще: «Мой образ жизни совсем не аскетический».

В чем же тогда православная культура? Мне кажется, что если отвергнуть православный Символ веры и веками жизни во Христе приобретенный аскетический опыт, то от православной культуры останутся только греческий минор и русская тетрафония.

От твоих слов создается впечатление, что ты тесным рамкам Церкви предпочел протестантскую свободу: «Внутренней борьбой я приобрел какую-то духовную свободу». В этой борьбе одержал победу естественный разум. Опыт истории показал, что естественный разум, предоставленный самому себе, роковым образом приходит к пантеистическому мироощущению и мистике. Если же это происходит в душе христианина, не желающего все же отказаться от Христа, подобно Льву Толстому, то он приходит к протестантскому рационализму или спиритуализму, мистически приближающемуся к пантеизму. Я как-то внутренне убедился, что отказ от Церкви приведет к отказу от проповеди апостолов: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами... что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию вечную жизнь» ([1Ин.1:1—2](#)).

«Слово плоть бысть» ([Ин.1:14](#)). Именно этого воплощенного Логоса — видимого, слышимого, осязаемого — проповедует Церковь в своих догматах. Предельная конкретность. Тело и Кровь Христа — на литургии. Разве ты не переживал никогда этого при служении литургии? Икона... Освящение плоти святых, столь очевидное, когда Дух Святой с силою действует в них. Отсюда — мощи, так непонятные, так соблазняющие спиритуалистов. Ты все это знаешь. И если я говорил об этом, то не потому, что считаю тебя несведущим, но потому, что я сам живу тем, о чем пишу.

Представь себе молодую девушку, мечтающую о женихе и браке. В своих мечтах она рисует образ жениха благородного, красивого, умного, героя. С бьющимся сердцем, с восторженными глазами она воображает и брак, и сладость поцелуя. И сладки ей эти мечты... В то же время другая, подобная ей, девушка действительно вступила в брак с прекрасным женихом. И она в свое время жила мечтами. Первая в свои бессонные ночи новой жизни, конечно, не породит, но ее мечтательные переживания все же будут как-то похожи на переживания действительного брака второй. Таковым теперь мне представляется различие пантеистической мистики от христианской жизни в Боге.

С большой любовью о Христе

Софроний иеромонах

Письмо 29. Крест Христа

О связи между личным и общечеловеческим бытием. Крест Христа — твердыня против всех помышлений

Афон («Св. Троица»),

21 ноября (4 декабря) 1945 г. [229](#)

Дорогой о Господе Давид!

Что ты очень занят и не имеешь возможности писать, вполне тому верю, потому что, во-первых, вообще тебе верю, а во-вторых, и сам я *ὁμοιοπαθής* [230](#), сам я перегружен, и если не работой, так как то, что делаю, не могу назвать работой, то заботой — исповедью, ради которой оставляю все прочее.

Пребываю иногда в напряженной борьбе, а иногда провожу по многу времени пораженный внутренним духовным параличом, природу которого не могу понять, то есть: является ли он следствием полного изнурения души и тела или, что хуже, греха, потери благодати, богооставленности?

До последней ясности сознаю, что мое духовное бытие неразрывно связано с духовным бытием мира, человека вообще, человечества. Иногда любовь к Богу отрывает от мира, хочу забыть мир в умном созерцании Божества Христова, а иногда любовь к человеку, — страдание с ним толкает на безумный спор с Богом.

Крест Сына Божия и Бога — разрешение и предел всякой борьбы этого вида. Крест Христа — это та твердыня, о которую разбиваются в прах все волны помышлений. Христос, распятый по любви к миру за грехи мира, — моя последняя любовь, последнее восхождение ума моего, последнее дерзание сердца моего, мой единственный истинный Бог.

В своем кажущемся уединении в пустыне за время войны много ужасов пережил я душевно, — и сердце мое изнемогло.

Ты можешь быть вполне уверенным, совершенно уверенным, что я тебя не забуду и не переменюсь в своем отношении к тебе никогда, Богу содействующу. И это не потому, чтобы я имел идею ответственности за тебя, нет, так как принимаю положение святых отцов о пределах и условиях духовной ответственности, условиях, которых в нашем случае нет, а потому, что бывают события, которых нельзя изгладить из своего бытия, ибо являются существенной частью этого бытия.

Бог да пребудет с тобою всегда...

С большой любовью о Христе

Софроний

Эпилог

«Господь... долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» ([2Пет.3:9](#)).

Письмо 30. Бог есть Любовь.

Бог есть Любовь. Счастье любви. Монашество — полнота человеческого бытия

Le Donjon, Ste Geneviève-des-Bois,

14 апреля 1948 г. [231](#)

Дорогой Давид!

Мир тебе от Господа.

[...] Я давно уверился, что «Бог есть Любовь» ([1Ин.4:8](#)), что Он с ненасытимой жаждой ищет каждого из нас, что Он СКУЧАЕТ по нам, что в Своей любви к нам Он не изменяется, сколько бы мы ни изменяли Ему, что Он всегда стремится нас засыпать благами, во всем этом я настолько уверился, что с дерзновением и надеждой прошу Его, чтобы дал Он тебе познать возможно полнее то счастье простой человеческой жизни, к которому ты последние годы стремился...

От всей души молю Бога, чтобы дал тебе счастье человеческой любви, чтобы таким образом ты еще более уверился в Его любви и в конце твоей жизни достиг бы и сей последней, то есть вечной Божественной любви.

Я давно имею мысль, что монашество, то есть подлинное монашество, как хранение девства, даже в силу того что оно, монашество, есть полнота человеческого бытия по своей цели, включает в себя и опыт человеческой естественной любви. Правда, этот опыт может быть получен и в плане духовной интуиции, без его материализации или осуществления в жизни, но он все же будет. Монашество не исходит из наивности и неведения. Даже Божия Мать в Своей беседе с архангелом обнаружила Свою ненаивность (см. [Лк.1:34](#)). Нужно или перелететь этот «рубикон», или переплыть вплавь. И потому я прошу Бога хранить тебя и дать тебе полноту и человеческой, и Божественной жизни.

Не удивляйся тому, что я, монах, не изменяя своим взглядам, так искренен в своих тебе добрых пожеланиях в таком случае, когда другие монахи отнесутся иначе...

Скоро будет Пасха.

Поскольку пишу тебе сейчас, прошу тебя, вместе прими мое поздравление к Пасхе.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

С любовью о Христе

иеромонах Софроний

Письмо 1. О послушании при отсутствии старца

О благорасположении к послушанию. Не проявляйте инициативу ни в чем. От отсекающей воли к чистоте ума и усвоению заповедей Божиих. Цель — богопознание, а не нравственность. (Само)руководство посредством святоотеческих книг и через послушание всем

Осень 1932 г. ²³²

[...] Доброе устроение Вашей души — желание занять последнее место новонаначального послушника, который служит старшим отцам и братьям, — не совсем правильно в Вашем положении. Вы хорошо приписали: «Но если Вы видите какую-нибудь опасность или ошибку в слишком крайнем стремлении унижаться пред ними и служить им, то пишите мне». Это Вы просите старца отца Силуана, но Вы позволили и мне прочитать Ваше письмо, а он, кажется, Вам [об] этом ничего не написал; я же по неразумию своему захотел сказать Вам, что об этом думаю, а именно.

В Вашем добром, по-видимому, намерении действительно скрывается некоторая и опасность, и ошибка. Вместо того чтобы научиться «смирению, служению и послушанию», Вы научитесь обратному. И не удивляйтесь тому, что я Вам говорю. Безошибочный путь к тому, чтобы научиться вышеуказанным добродетелям, вот какой.

Вы сами не ищете ни славы, ни бесчестия, ни власти управлять, ни унижения в самовольном служении. Не только не ищете преимуществ пред ними, но, что у Вас уже есть, имейте в сердце своем готовность с радостью уступить во всем и подчиниться, но в том только и в той мере, в чем и в какой они захотят. Сами же не проявляйте инициативы. Какое они Вам место отведут, то и занимайте. Последнее, среднее или первое. Если что попросят или прикажут — сделайте. Сами не набивайтесь ни в чем, но и не противоречьте.

Если же владыка митрополит Вас поставит начальником, то не противьтесь ему. Самое большее, что разрешается в таком случае, — это сказать приблизительно так: «Владыко святой, Ваше благословение и воля — для меня благословение и воля Божия, и я совершенно не дерзаю противиться Вам, но, вполне сознавая свою немощь и неопытность, должен сказать Вам прежде, что послушание, которое Вы хотите возложить на меня, превышает мои силы».

В других случаях, то есть когда Вам поручают дело по Вашим силам, скажите только с поклоном: «Благословите», и все. Не говорите: «Я не достоин» или другое что, не отказывайтесь, если и не нравится, не радуйтесь слишком, если по душе.

Во всех случаях только старайтесь не высовываться, а лишь с радостью, и простотою, и готовностью выполнить всякую просьбу и поручение, посильное Вам. Если так будете делать, то и Богу и людям любезны будете и истинному смирению и кротости научитесь, которая состоит в том, чтобы не унывать в унижении и не возноситься в чести²³³. Указанный Вам путь — есть высокий, совершенный путь. Искать большего — то есть стремиться к унижению — не Ваша мера. Чрезмерность же всегда приводит к дурным последствиям. (Простите меня за откровенность.)

Учиться послушанию — отсекающая свою волю — это Ваш долг. Смысл здесь такой. Не прилепляясь ни к чему душою, не задумываясь ни о чем по пристрастию, Вы всегда будете блаженствовать, имея душу и ум свободными для богомыслия и молитвы. Когда Вам скажут «сделай то-то и так-то», то Вы свободны от необходимости думать, что и как сделать. А это — то есть иметь ум свой свободным от помышлений о вещах мира сего — для нас есть самое нужное. Иметь чистый от помышлений о всем вещественном, о земном ум и сердце, свободное от пристрастий, — необходимо для чистой молитвы.

Второе, к чему необходимо стремиться в послушании, — это навык отсекающей свою

плотскую волю, который нам необходим для того, чтобы мы легче могли исполнять заповеди Божии, т. к. плотская наша воля (и мудрование) всегда противится Божией воле (выраженной в заповеди). В сих двух заключен смысл послушания.

Цель подвига — исполнение воли Божией. Цель наша — вечная жизнь — состоит в познании Бога ([Ин.17:3](#)), а не в исправлении нравов. Это, конечно, не значит, что не нужно исправляться нравственно. Но ведь первая и наибольшая заповедь — любить Бога ([Мф.22:37](#)). Когда мы отрываемся от памяти Божией, забываем о Боге — тогда мы погрешаем против этой заповеди.

[...] Впрочем, есть еще и третья сторона. Бог дважды не судит. Если Вы делаете за послушание какое-либо дело со всею добросовестностью, то Вы свободны от ответа пред Богом. Отвечает давший Вам приказание, так что совесть Ваша все время пребывает мирною.

Если Вы теперь согласитесь принять к неуклонному руководству то, что сказано, то Вы в кратчайший срок сделаете великий успех в духовной жизни. Следуя указанным путем, Вы увидите, что в старце у Вас не будет той потребности. Вы как бы сами себе сделаете старца из владыки и собратий своих.

Старец нужен вот для чего:

1) отсекал в послушнике-ученике всякое проявление личной греховной — плотской — воли, направляя ее согласно с волею Божиею;

2) окормлением (то есть наставлениями) возводить ученика от низших ступеней на более высокие. Давать ему делания, соответствующие его духовному возрасту и силам.

Первое заменяется для Вас — чрез отсечение своей воли пред владыкою и собратиями по монастырю.

Второе — чтением святоотеческих творений аскетических (прпп. Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Варсануфия и Иоанна и других, уже имеющих у Вас). Но это не может заменить вполне старца (идеального, совершенного), которого, однако, всегда и во все времена было нелегко найти. Кроме того, современные послушники (самочинные, самонадеянные, умные, нетерпеливые, несмиранные, всезнающие) неспособны жить под старцем (настоящим).

Беседа с единокорными (ищущими спасения) так же много помогает нам. Когда все же накопятся недоумения и трудности такие, что человек становится совершенно в тупике, то (если он по устройству сердца и по подготовке своей окажется способным) Господь пошлет ему такого человека (старца) или собеседника, который поможет ему и выведет на дорогу.

Так пространно я изложил Вам то, о чем сначала кратко написал по повелению старца отца Силуана.

Советую Вам, примите к неуклонному руководству указанный Вам путь и делание. Это освободит Вас от раздумий и изысканий у святых отцов. Это внесет в Вашу жизнь спокойствие, определенность, уверенность. Это будет незыблемое основание всей дальнейшей Вашей жизни. Помышляйте так: «Если меня ненавидеть будут и даже голову оторвут за то, что я так буду делать, то все равно я иначе делать не могу — отец Силуан мне так приказал, а я пред Богом, за свое послушание ему, чист». Если будут любить и хвалить — говорите, что это за молитвы отца Силуана: «Это он меня научил, а моя заслуга здесь невелика, я должен так делать, мне нельзя иначе». Так избавитесь от малодушия и гордости.

Владыке Вы можете все это прочитать или рассказать, но другим (отцу Стефану и другим) — никакое. Скрывайте это от них, как тайну, иначе враг все разрушит.

Если Вы теперь уразумеваете то, чему нас учит отец Силуан, то это будет для Вас великая польза, и я буду радоваться за Вас. Что же собственно надо уразуметь? А вот что. Быть послушником, отсекал свою волю пред другим — это значит свою ношу и заботу отдать другому, сделаться как бы нахлебником, избавиться духовно от черной работы думать о вещах

мира сего. Вам представляется полная свобода заниматься постоянным богомыслием и молитвою «без гнева и размышлений», так как дело, если оно делается за послушание, а не по пристрастию, не разоряет душевного мира, а созидает его. И если при этом оно очень простое (например, копать землю, рубить дрова, варить пищу и тому подобное), то не мешает творить молитву и во время самой работы. Вот почему истинные монахи предпочитают простую работу.

В Ваших условиях могут быть еще некоторые особенности, которые не разрешаются сказанным, но это видно будет потом, а покамест так будем думать и делать [...]

Письмо 2. О благодати и душевном-духовном

О неприметном действии благодати. О служении литургии. О жестком ложе. О различии между «душевым» и «плотским»

Афон, 3 (16) декабря 1932 г.²³⁴

[...] Думаю, нет теперь в этом никакой нужды — то есть указывать Вам на моменты, когда Божия благодать была с Вами. Важнее Вам обратить внимание на другое, а именно: и моя ошибка, и Ваша состоит в том, что Вам лучше ЗАБЫТЬ о благодати, а не следить так внимательно за ее действиями. Вы не можете еще смиряться должным образом, поэтому Вам ОЩУТИМО и не дает Господь ее. Я, помнится, писал Вам в одном из первых писем, чтобы Вы не наблюдали за ее приходами и уходами, ибо, по слову Господа, Царствие Божие не приходит с наблюдением (см. [Лк.17:20](#)). Лучше почитать себя недостойным благодати.

Что же до слов преподобного Макария Египетского (приводимых Вами в письме): «Трезвенно внимая умом, ожидать, когда Бог придет и посетит душу»²³⁵... Вы это к себе не прилагайте в том смысле, как Вы это делаете, но осмелюсь предложить Вам прилагать их к себе в следующих пределах, границах. Когда дурной помысл или страсть Вас боронит, то Вы должны молиться Богу, ожидая от Него помощи в брани или избавления от помысла и тому подобное. Когда сия помощь или избавление пришло — а уж большего (и вообще «ничего особенного») не будем ждать. Не ждите «ничего особенного» — взывайте к Богу, иногда с воплем душевным, иногда в молчании ума — прилепившись к Богу. Это наш долг, по заповеди: «Непрестанно молитесь» ([1Сол.5:17](#)).

[...] Относительно служения литургии я думаю, что Вам не нужно в настоящее время напрягаться служить чаще, чем до сих пор Вы служили. Раз условия столь неблагоприятны, то не нужно стараться преодолевать неудобства и препятствия, тем более что Вы нуждаетесь еще в необходимости сосредоточиться душою и умом на внутренней жизни, а ежедневное или частое служение в настоящее время будет поглощать Ваше внимание. Словом, хорошо и достаточно покамест для Вас служить один-два раза в неделю.

Постель жесткая нужна нам для того, чтобы, когда мы лежим, тело наше не нежилось, не испытывало приятных ощущений, так как последние для богобоязненной души подобны блуду, да и легко могут породить и самые блудные движения в теле.

Не очень мне нравилось читать, как Вы пишете о своих успехах. Это потому, что крайне вредно чувство удовлетворенности чем бы то ни было в себе. Но я радуюсь за Вас, однако будьте готовы скоро или не очень скоро встретиться с искушениями. Посмотрите у аввы Варсануфия, он там говорит: «И ты посмел сказать, что у тебя страсти умалились; вот за это у тебя и усилилась брань».

Молитвы 24 — Иоанна Златоуста — читать, как это делаете Вы, — очень и очень хорошо.

О «душевном» и «духовном»

Это термины, встречающиеся в аскетике и даже в Священном Писании (см. [Иак.3:15](#); [Иуд.1:19](#); [1Кор.2:14—15](#), [44](#), [46](#)). Из послания апостола Иакова видно, что он именует (понимает) под словом «душевный» — «земной», «человеческий», «не Божий»; и даже за то, что это не Божий, называет — «бесовский» (см. [Иак.3:15](#)). Как и Господь апостолу Петру сказал: «отыди от Меня, сатана!...» (см. [Мф.16:23](#)). Сатаной назвал за то, что тот помышлял человеческое, а не Божие. Из послания апостола Павла ([1Кор.2:10—16](#)) видно, что он под «душевым» понимает опять-таки земное, человеческое, свойственное падшему человеческому

естеству; «духовным» же — благодатное, дарованное Духом Святым — «нову ю тварь во Христе» (ср. [Гал.6:15](#)). Преподобный Симеон Новый Богослов «духовным» называет водимого Духом Святым²³⁶.

Душевный человек — это человек, живущий в пределах падшего человеческого естества; а духовный — обновленный во Христе благодатию Святого Духа. Это состояние можно считать (да оно и есть в совершенной степени) вышеестественным.

Плотский человек — предавшийся плотским страстям и греху — находится в состоянии неестественном (для человеческого естества).

Душевному человеку свойственно стремиться к добродетели, к Богу, к Правде (это в известной мере). Но сам он — естественными своими силами, хотя и имеет от Бога по естеству дар свободы, не может преодолеть греха, освободиться от насилия дьявольского.

Все эти термины нисколько не изменяют и не расходятся с учением Церкви о Человеке как двухсоставном — из души и тела, так что в этом отношении (как и в многих других) нет разницы в учении Православной и Католической Церквей. И Православная Церковь считает ересью учение спиритуалистов о трехсоставности человека — из духа, души и тела...

С Божиею помощью при Вашем природном такте и благородстве в обращении с людьми — я надеюсь, что Вы самым лучшим образом разрешите вопрос, как Вам вести себя с окружающими Вас людьми. Однако хорошо, мне кажется, держаться поодаль — больше замкнуться в себе. Для этого хорошо делать так. Чтобы не оскорбить брата, по заповеди, всегда нужно быть в обращении с людьми простым и веселым. Но самому к беседам *не давать повода и не поддерживать разговора*. Спросят — ответил, с добрым расположением, но самому не нужно задавать вопросы, начинать беседу, поддерживать ее. Нам, монахам, не совсем по пути даже с благочестивыми и святыми по жизни людьми. У нас свой путь...

Синергизм благодати и свободы. Отсутствие догматической определенности в Церкви по некоторым вопросам

[...] Правду же сказать — мы, уклоняясь в беседы богословского характера, уклоняемся от нашей прямой задачи и от нашего пути (монашеского). Но в некоторой мере это все же необходимо покамест, ввиду особенности *нашего положения*. Впоследствии должны будем удерживать свой ум от стремления его в эту сторону, ради привлечения к сосредоточенному вниманию *внутри*. Блаженный Диадок пишет: «Уму нашему мучительно трудно продолжительное упражнение в (умно-сердечной) молитве, по причине тесноты и сосредоточенности, необходимых при молитве; в богословие же он с радостью пускается, находя в нем для себя простор и свободу. Но не должно пускать его на этот путь или давать ему чрезмерно восхищаться на нем радостью»²³⁸.

Безусловно принимается синергизм благодати и свободы, но точного [определения] того, каким образом происходит их взаимодействие, мы не находим в учении Церкви. [Есть] *согласие* свободы с действием благодати, причем преобладающее или первенствующее значение безусловно принадлежит благодати. В человеке есть естественное предрасположение к добру — добродетели.

Во многих случаях наблюдается в учении Церкви — незаконченность, некоторая неопределенность. Но и нужды нет в точном формулировании того, что не может быть не только выражено словом, но и постигнуто духом, ибо неизмеримо богатство премудрости Божией. Непостижимо, например, соединение свободы с предведением, с предопределением, с тем, что без содействия благодати мы не можем творить ничего. Здесь вообще мне представляется не необходимым для спасения точность определения. Поэтому я иногда смотрю на разногласия, не придавая им большого значения, ввиду невозможности для нас при пользовании несовершенным сравнительно средством выражения — словом.

Простите меня, скоро придет время, когда я уже не дерзну Вам говорить что бы то ни было подобное, но теперь делаю это против моего желания, как бы должным считаю себя это сделать. Не люблю я этого, потому что любовь по Богу порождает в душе желание смириться пред братом.

Поэтому, например, одни говорят о том, что душа и ангелы — дух, невещественны, и они правы, выражая этим действительную духовность их (по сравнению с веществом). Другие говорят о том, что душа и ангелы и демоны имеют некоторую материальную, вещественную субстанцию, — и они правы, желая этим выразить разницу между Абсолютным Духом — Богом — и ограниченным духом — тварью. Возможность правильного понимания теми и другими при различии выражения.

Так же и относительно учения о благодати. Люди не могут не только выразить, но и даже понять до конца все сие, и потому не должно быть слишком придирчивым и не должно стремиться к точному определению и выражению учения о сих предметах. Наличие некоторой незаконченности, неопределенности, при условии существования указания на существенно важный момент, вполне удовлетворяет нашим нуждам, даже более совершенным образом, чем зафиксирование жизни духа в мертвые формы.

Так вот и относительно учения о благодати — нам существенно важно признать, что человеку дана СВОБОДА. Конечно, и здесь (то же, что и относительно духовности) должно сказать, что одно дело — абсолютная свобода Бога, и другое дело — относительная свобода разумных тварей. Существенно важно знать, что спасение человека совершается благодатью

Божией при обязательном условии соучастия нашей свободы воли. Человека создал Бог без человека, но спасти его не может [без соучастия самого человека].

Быть может, самым важным моментом для нас в данном случае является выяснить несколько (схематично), что надо понимать под свободой. Свобода человека, как мне кажется, заключается в свободе произволения, в возможности «принять или отвергнуть». Иной жизни в самом себе человек не имеет. Ошибка пелагиан прежде всего заключается в том, что они понимали человека свободным в том смысле, что он «СВОЕЮ СИЛОЮ» — свойственною его естеству — может не грешить, может творить добро. По мнению православных отцов, например преподобного Симеона Нового Богослова, человек без содействия благодати не может преодолеть греха, не в силах победить врага, освободиться от него. Но произволение его сказывается в желании освободиться от постыдного рабства при посильном противлении греху и искании Божией помощи. Взгляды блаженного Августина тоже надо признать несколько крайними. Истина посредине. Человеческому естеству свойственно стремление к добру, к истине, совершенству. Божественный образ в человеке, бессмертное дыхание сказывается даже в отпадшем человеке — и поэтому человека ничто тварное никогда не сможет удовлетворить, вполне успокоить его духа.

Сочетание предвещения (Богом) и свободы человеческой непостижимо — неисследимо. Духом мы его ощущаем, а выразить это невозможно. Мне представляется особенно великим и достойным бесконечного удивления в создании Божиим именно свобода разумных тварей. Жизни (вечной) в самом себе человек не имеет. Она — даруется ему Богом²³⁹. Это дар благодати Божией; спасение содевается благодатию Божией, но непременно при соучастии свободного произволения на то со стороны человека. И, пожалуй, в этом и сказывается свобода человека.

Что же до утверждения пелагиан и особенно Дунса Скота²⁴⁰ в отношении свободы человеческой, что она достаточна для делания добра, то надо сказать, что делание добра евангельского, делание правды Божией возможно только в состоянии великой благодати. Так, дары благодати, память смертная, страх, вера и др. — только еще удерживают от греха, а делание правды Божией, выражающееся в любви к Богу всем сердцем, всею душою, всею крепостию и ближнего своего как самого себя, — это, безусловно, возможно только при великой благодати. Это состояние для человека — вышеестественное *обожение*, это значит быть богом по благодати — в этом сущность нашего совершенного спасения. В этом состоянии Дух Божий столь привлекает сладостью своею и столь побеждает человека, что последний уже и не чувствует себя свободным, побежденный до конца любовью Божественной, но тогда он, теряя как бы свою свободу, — становится действительно свободным. Мнение католиков о том, что *ощутимое (нечувственное)* присутствие благодати совсем не нужно для спасения и для достижения даже высших ступеней духовной жизни, — неправильное. Это, я думаю, — ошибка Ваша вследствие неточного понимания чужого языка.

Спасение свое человек познает именно тогда только, когда о сем его извещает, удостоверяет присутствующая в сердце благодать, безусловно ощутимая.

Когда мы говорим о том, что благодать с человеком, но он ее не ощущает, то это происходит по особому смотрению Божию о нас. Благодать может скрывать свое присутствие, давая человеку в полной силе ощутить наличие у него свободы произволения. Но присутствие ее может быть познано из того, что человек помнит о Боге, воздерживается от греха, противоборствует страстям. В это время все человеку дается с трудом и болезнью. Подобные оставления похожи на то, когда мать, научая ребенка ходить, отнимает от него свои руки, но сама сзади следует за ним с напряженным вниманием, чтобы в нужный момент снова удержать его руками своими от падения.

Я знаю, что Вы не осуждали меня за то, что я говорил много о себе. Как много я пострадал, что не имел наставника верного, то есть такого, который бы удовлетворял мои душевные и умственные запросы хотя бы в некоторой мере. Сколько раз я претывался и до сих пор претываюсь, и иногда почти смертельно. Желание было у меня хотя бы немного в начале Вашего пути оградить Вас от тех вещей, которые принесли мне вред, быть может, непоправимый. Я хожу среди людей и часто весел на вид, но скорбит душа моя почти до смерти. Хотел бы плакать, падши на землю, и не вставать до дня Судного, но изнемогает душа моя. Много слов мог бы сказать Вам как неоспоримое доказательство истины, но когда-нибудь нужно положить конец моему безумию, то есть говорить о себе.

Только поймите, дорогой батюшка о Христе, что по слову Спасителя, кто ищет своего, тот есть ложь, а кто ищет Божьего или пользы брата своего, тот — в истине (ср. [Мф.16:23](#)). Ибо какая неправда есть в том, кто душу свою готов положить за брата своего (то есть за всякого человека). Или что большее можно искать. Если спасение в любви, то не есть ли это спасение, когда кто любит до готовности на жертву.

Вы очень хорошо в письме из Ниццы²⁴¹ говорите о пошлости и прочее. Пошлость наша — когда мы не плачем о себе. Пошлы мы, когда нет в сердце нашем сострадания к людям — униженным, больным, несчастным телесно или душевно. Когда у нас сердце немилостивое, гордое. Вот это истинная пошлость для нас (и я в этой пошлости погряз совершенно). Господь да помилует меня за Ваши молитвы.

У Вас проскользнули дважды выражения об отсутствии чувства реальности духовной жизни. Буду рад, когда услышу от Вас, что Вы сознаете, что только духовное есть истинная реальность, а все остальное подобно нереальному сонному видению.

В терминологии аскетической могут встречаться выражения, которые, на первый взгляд, расходятся с учением догматическим, чего, конечно, быть не может, ибо одно от другого неотделимо. Погрешивший в догматике — непременно погрешит и в жизни внутренней, нравственной. Поэтому неизбежно приходится принять ту точку зрения, что истинная Церковь должна истинствовать и в том, и в другом, а погрешившая в чем-либо одном погрешит неизбежно и в другом.

Конечно, здесь мы говорим о Церкви в ее целом. Отдельные же члены ее могут, живя в Церкви, не знать многого, и даже в чем-либо ошибаться, не теряя, однако, спасения своего по причине неполноты своего познания, которое, кстати, ни одному человеку в полноте своей и не доступно, а есть только достояние всей Церкви.

То есть я хочу сказать, что для спасения необходимо быть членом истинной Церкви, вне которой невозможно человеку получить ни благодати, ни познаний истинных.

В чем состоит свобода наша?

Быть может, только в том, что мы имеем власть разумно по убеждению подчиниться закону Божию, действию благодати или, наоборот — отвергнуть и закон и благодать. Не это ли говорит апостол Павел в Послании к Римлянам ([Рим.6:18](#))?

Основа духовной жизни — покаяние. Примеры из молитв ко Причащению. О вреде книги Иоанна Креста

Так, например, я говорил Вам, что основа духовной жизни есть *покаяние*; что в страхе Божиим и делании заповедей заключается вся мудрость и вся мистика — то есть тайна; что к достижению высоких устроений или состояний не должно стремиться так, как Вы стремитесь; что к созерцанию человек возводится Божественною благодатию после покаяния, великого и глубокого смирения, и это совершенно неожиданно для человека; что к богосыновству путь — покаяние; что любовь Божия приходит после страха Божия — столь сильного, что человек ощущает себя как бы пригвожденным. Это точное выражение в Священном Писании и молитвах — *«всего мя спригвозди страху Твоему»*²⁴³. Что молиться всегда должно, сознавая себя грешником и проч., как Вы пишете.

В подтверждение моих слов приведу то, что Вы так часто читаете, — молитвы ко Причащению: все они проникнуты главным образом духом покаяния и самоуничижения, искреннего и глубокого.

Первая молитва — *«Несмь достоин воззрети на высоту славы Твоя... и недостоин есмь небесе и земли и сея привременныя жизни»*²⁴⁴.

Вторая молитва — *«Несмь достоин ниже доволен... ниже моих возгнушайся скверных уст и нечистых, ниже мерзких моих и нечистых устен»*²⁴⁵.

Четвертая молитва — сплошь покаяние до зела, почти до отчаяния. *«Аще есть ми спасения упование... яко многих зол исполнися душа моя и нет во мне спасения надежды...»*²⁴⁶

Седьмая молитва — *«От скверных устен... не презри моих ни словес... Дажь мне дерзновение говорить Тебе, и научи меня, что я должен сказать»*. И затем начинается перемена, из которой видны результаты покаяния: *«Но сие паки вем... яко милостию сострадания тепле кающиеся и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего соделоваей независтно, беседуеши им многажды, якоже другом Твоим истинным»*²⁴⁷.

Девятая молитва — *«От покаяния Тебе пришедшая вся, в лице Твоих друзей вчинил еси»*²⁴⁸ и проч.

Поэтому то, что Вы написали в своем последнем письме (из Ниццы) о молитве, — очень хорошо. Так и делайте с несомненным сердцем.

Сознавайте себя грешником, приходящим к Спасителю, ничтожною тварью, дерзающей обращаться к неисповедимо Великому Творцу, признавайте свою нищету, и худородие, и крайнее недостойнство беседовать с Богом. Если сознаете — это великое добро, выражайте свои молитвы Богу и чувства сердечные своими словами. Хорошо, если ясно, разумно, сознательно представляете свои духовные нужды и выражаете их с простотою, не выискивая слова, ибо Бог знает сокровенные мысли нашего сердца, и когда нет слов выразить, то молитесь «воздыханиями неизглаголанными» (см. [Рим.8:26](#)).

Оставьте всякие *vide des puissances, nuit obscure*²⁴⁹ и проч. Жалею, что попалась Вам эта книга — она нам может много повредить. Но этим я не ругаю самую книгу нисколько.

Не думайте, дорогой батюшка, отец Давид, каким изложенный Вам вид молитвы является. То есть — есть ли это высший, или низший, или средний вид молитвы. Впрочем, скажу, по преподобному Симеону Новому Богослову, это средний вид молитвы²⁵⁰. Низший — с воображением. Не сбивайтесь *покамест* с этого вида молитвы. Не думайте также, что если мы с Вами говорим о покаянии как *обязательном* элементе или основании *всей* нашей жизни, то это

значит, что не неведомы такие высшие состояния, когда покаяние «кончается». Подобно тому как неизъяснимым образом великий страх Божий по достижении какого-то крайнего напряжения перерождается в любовь Божию.

Говорю Вам то, в чем уверен, что сам пережил [...] Но горе мне, окаянному: хочу я кончить эти тягостные для меня ссылки на мой ничтожный опыт.

Вот что говорит преподобный Исаак Сирин: «Духовное ведение по природе своей позднее делания добродетелей. Тому же и другому предшествуют страх и любовь. И опять — любви предшествует страх. Всякий, кто, не стыдясь, говорит, что можно приобрести последние без делания первых (то есть приобрести ведение прежде делания добродетелей или любовь прежде страха), несомненно полагает первое основание для гибели души своей. Таков путь Господень, что последние рождаются из первых»^{[251](#)}.

Вопросы о духовном опыте молитвы. О понятии сердца. О молчании ума у свт. Дионисия Ареопагита. О мистике как уходе от Креста

Ваше искание метафизических понятий о сердце мне не нравится, все это не на пользу, не на созидание, а на разорение.

Объясните мне, как это Вы понимаете? Когда Вы погружаетесь в *nuit obscure* или *vide des puissances* — то Ваш ум, совершенно свободный от всякой мысли, все-таки где же находится? Там, где и плотяное наше сердце, в груди (левой части) или еще где, или Вы его совершенно нигде не ощущаете, а просто погружаетесь в совершенное безмыслие, в некую пучину? И совсем ли ничего не помышляет Ваш ум или помышляет как-нибудь о Боге? А может быть, и молитву творит? И если да, то какую и как? Словами, или только чувством сердца (плотяного), или только умным, не выражаемым никаким словом устремлением к Богу? Видит ли что при этом ум Ваш или нет? Все это непременно объясните мне, очень прошу, потрудитесь, если возможно. Я тоже над этим тружусь, и не себя ради, потому что непосредственно меня это не занимает.

Еще — если можно — напишите в кратких словах, как понимают католики мистику божественного Дионисия Ареопагита.

Вы очень хорошо написали в другом месте письма: «Каноны, ирмосы так сложны и так далеки от того, что бывает в моем уме и *сердце*». То сердце, которое Вы разумели здесь, и имейте в виду. И еще в другом месте: «Говорить со Христом, выражая *ясно* то, что *чувствует сердце* (это очень хорошо Вы здесь говорите и правильно разумеете о сердце, где оно и что), развивая это чувство и сознание его значения и силы, упражняясь в легкости такого обращения ко Господу, где сознание *и ум и сердце дают себе ясный отчет того, что происходит*», — это все Вы хорошо говорите и делаете, и с Божией помощью делайте. Обязательно должна быть в молитве согласованность ума и сердца, «сознательность и ясность». И совсем не должно быть *vide des puissances, nuit obscure, anéantissement des facultés*.

Я еще не читал книгу, но из Вашего письма усматриваю, что Вы неправильные представления обо всем этом себе составили. А если Вы поняли автора так, как он действительно учит, то, значит, и он заблуждается. И святителя Дионисия Ареопагита, значит, католики не понимают. Если же Вы только один еще заблуждаетесь, то это было бы хорошо. Поверьте, дорогой батюшка отец Давид, в созерцание и невещественную жизнь входят люди по дару милости Божией другим путем. «Молчание ума» у святителя Дионисия Ареопагита никогда не различается с молитвою, но «умное безмолвие» молитвенников есть нечто другое и достигается иным, другим путем, чем у святителя Дионисия Ареопагита. Есть общее, есть и различие путей и состояний. Лучше всего в настоящее время Вы оставьте думать об этом. Если сейчас Вам все объяснить, то Вы, усвоив себе все интеллектуально, не познаете того опытом духовно.

Впрочем, все это, быть может, возникло у Вас потому, что St Jean de la Croix учит противоположному? Но знайте, дорогой, что если он *правильно* учит об «умном безмолвии» — то между нами не будет никакого противоречия. А Вы просто забежали несвоевременно туда, куда не следует еще Вам стараться проникнуть, и, кажется мне, Вы еще не вполне *поняли*, хотя и пишете в своем письме, что Вам все *очень понятно* (о книге de St Jean — Вы говорите, что она «совсем *понятна*» Вам). Впрочем, я человек, быть может, ошибаюсь я, а не Вы, тогда прошу меня поправить. Говорю все это до прочтения книги, основываясь только на Ваших письмах, которые перечитал еще раз и на которые хочу ответить немедленно. Это стремление к

совершенству и глубоким «мистическим» познаниям является главной причиной ухода многих с крестного пути христианского на широкий путь, *разгул* сектантов, теософов и т. п. И так нарочно делаю — чтобы остановить Вас, или, как святые отцы говорят, «схватить за ноги и бросить на землю порывающегося самочинно лететь на небо»^{[253](#)}.

Письмо 6. О значении чуда

Исцеление по молитве. О невнимании к чуду: о непокаянии и искании старого человеческого счастья. О плачевном исходе

The Old Rectory, 29 января 1962 г. ²⁵⁴

[...] Я очень понимаю тебя, когда ты пишешь об А ²⁵⁵. Я ответил ему и на телеграмму из Каира о кончине [его жены] М., и на его письма также... Тебе могу сказать ОТКРЫТО и со всей определенностью. В последнее время я писал ему с меньшим расположением, потому что ожидал от него и от М. — большего.

Ты ведь знаешь, что она была приговорена врачами к смерти. В Лондоне, в госпитале для раковых больных, уже оставили лечение ее лучами, потому что все уже казалось совершенно безнадежным. Швы не держались, внутренности — съедены раком... и мн. др.

Он просил меня молиться с ним о ее излечении. Он просил у Бога чуда. Я с радостью в духе, но великой скорбью в сердце моем стал молиться за нее и за него. В один из дней февраля месяца два года тому назад я поехал причащать ее. Провел я у ее постели более двух часов. Молились, говорили, обсуждали; причастил я ее... Возвратившись домой, я на другой день получил письмо от А., что врачи осмотрели М. и решили продолжать лечение лучами. Состояние ее и духовно, и физически заметно улучшилось. Тогда я писал А., что первый «поворот» произошел. Пусть он надеется, что выздоровление возможно, но пусть помнит, что и ему, и ей нужно будет в таком случае изменить радикально жизнь, ибо чудо не совершается для того, чтобы они остались, какими были до чуда.

Через некоторое время, приблизительно две недели, я снова был в Лондоне, чтобы вторично причастить ее. Снова крепко молились и прочее.

И вот та, которая была совсем уже «развалиной» несколько дней тому назад, встает с постели, на *автобусе* едет в аэропорт, оттуда на самолете в Швейцарию, где ты их встретил. Живут они в горах, ходят гулять, она ест все, веселая и почти жизнерадостная. Затем через некоторое время едут в Париж, там ходят повсюду, по музеям, театрам и так далее... Приезжали в Лондон, чтобы показаться врачам. Врачи не находили следов «метастаза» или возврата. Они едут в Грецию, в Египет... но ничего нет, кроме искания «старого счастья», кроме желания «жить», как это было в прежние годы, до болезни.

А. не сказал ей, что у нее был рак, что она излечена чудом. Он поддерживал в ней убеждение, что прежние врачи ошиблись, что у нее ничего «страшного» не было... И в результате — чудо произошло без всякого коренного изменения в их жизни духовной. Не знаю, сохранила ли она статуэтку Будды, которую я видел у нее в госпитале и которую она с нескрываемым удовольствием показала мне, как нечто «чудное». В тот час я не хотел ее ничем опечалить и сказал только, что сам я люблю *только* ХРИСТА, и не хотел смотреть я на Будду. Ни она, ни А. меня не поняли.

Я не хочу входить в анализ жизни А. и М. Но я всегда считал А. богато одаренным для духовной жизни, и мне всегда было глубоко больно, что он не понял призвания Божия. Он предпочел некий «универсализм», который находит в наше время почву во многих умах. М. была под его влиянием, и, конечно, от него я прежде всего ждал понимания, что УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ХРИСТА есть единственная и подлинная универсальность. Что искать что бы то ни было и где бы то ни было нечто более универсальное — могут только те, кому не было дано жить благодатью крещения... Естественным для меня было следовавшее снова ухудшение здоровья М. Для меня также было уже невероятно тяжело снова просить Бога, потому что моя первая надежда была обманута: они не переродились, не возродились. Ведь

молитва за больных, за их выздоровление силою свыше, чудом, возможна только при «обещании» покаяться, то есть в корне изменить всю жизнь, чтобы слава Божия нашла свое место в них, чтобы вся последующая жизнь их проходила уже в плане именно Божией славы.

Подобно тебе, и я писал А., что, как ни тяжела его печаль, тот факт, что ему дано пережить М., он должен воспринять как новое призвание к новому подвигу, уже самому великому и торжественному. По его ответу я не вижу, чтобы слова мои нашли отклик в его душе. Все его письмо — плач «душевный», чтобы не сказать — «плотской». Мне так же, как и тебе, хотелось бы увидеть его «восставшим во весь рост», подлинно умудренным опытом... а он говорит о самоубийстве, то есть о намерении своем ускорить уход свой из этого мира, и что только слова М.: «Ты этого никогда не сделаешь» — удерживают его.

Я, конечно, буду ему еще писать, но нет уже в душе моей того вдохновения, которое было еще недавно; нет надежды, что он хочет *восстать*. Он почти по-женски «культивирует» свою скорбь. Сказать ему об этом резко, прямо, решительно, будет ли полезно? Я в этом не уверен. И потому отчасти молчу...

Тебе еще придется переживать много раз печаль о том, что не все люди с одинаковой силою стремятся к Богу; много раз страдать оттого, что они отказываются нередко идти навстречу Богу, Который их ищет со всякой «нежностью», с совершенно исключительным, Божественным смирением, без всякого, даже малейшего, насилия над ними. Проходя мое духовническое служение, — я немного яснее стал видеть, насколько «осторожен» Господь, насколько Он — благороден (прости за выражение сие). Он обращается с нами, как с равными Ему...

«Враги человеку домашние его» ([Мф.10:36](#)) — я понимаю так: всякий человек, который тем или иным образом препятствует нам идти к Богу, враг наш в той мере, в какой он препятствует. И несомненно, самое трудное положение создается именно с самыми близкими, потому что они любят нас, потому что их жизнь связана с нашей тысячью узлов. Но при всем том я верю в победу Христа, то есть в Его конечную победу.

Преданный тебе Софроний

Письмо 7. О Боговоплощении

О воплощении Слова «нашего ради спасения». Мнение о. Сергия Булгакова. О П. Евдокимове. Об обмирщении богословия

The Old Rectory,

Рождество 1970 г. [256](#)

[...] Относительно богословского «мнения» (теологуменон), что «воплощение Слова все равно совершилось бы независимо от падения Адама», а следовательно, и самый акт творения мира, телеологически, был предварением этого воплощения, могу сказать, что я лично *не* разделяю его вовсе. Последние десятилетия среди русских богословов это «мнение» постепенно распространялось. Выяснить точно, кому принадлежит это «богословское открытие», мне не представляется возможным. Хочу сказать, КТО впервые высказал его в беседах при встречах [257](#), которые бывали в России нередко в среде русской интеллигенции, остается неизвестным. Но с убеждением начал о нем писать отец Сергей Булгаков [258](#). В подтверждение этого мнения он приводил, во-первых, слова Символа веры: «НАС РАДИ ЧЕЛОВЕК и нашего ради спасения»... Первое положение: «нас ради человек», для него являлось показателем, что акт воплощения все равно совершился бы [259](#). Вторым аргументом для него было *одно* выражение преподобного Максима Исповедника, теперь не могу тебе указать, в каком из его творений; в начале тридцатых годов я в библиотеке Свято-Пантелеимоновского монастыря внимательно остановился на этом тексте и пришел к убеждению, что подобное толкование мысли св. Максима, которое мы видим у Булгакова, является «натяжкой» (тенденциозная интерпретация). Вот и все, насколько я знаю, что можно привести как «учение святых отцов»... Покойный Павел Евдокимов был горячим последователем отца Сергия Булгакова. Он считал его самым великим из богословов нашего времени. Принял он и «Софиологию» отца Сергия... И сам, богато одаренный поэтическим даром (в положительном и отчасти отрицательном смысле), он сделал немало богословских открытий. Соглашаюсь, что для многих европейцев Евдокимов и Оливье Клэман являются наиболее блестящими выразителями Православия.

В моей книге «Старец Силуан» я тоже останавливаюсь на этом моменте, поскольку предомною стояла задача указать на неразрывную связь нашего догматического видения с духовным или аскетическим актом. Там я говорю, что:

«Цель (последний смысл) тварного мира не в его бытии самом по себе, в самом себе, ради самого себя, в своем образе бытия, а познание тварью (своего) Творца и обожение твари...

Причиной сотворения мира является преизбыточествующая благодать Божия и никак не необходимость воплощения Бога Слова; иными словами: воплощение Бога Слова никак не являлось НЕОБХОДИМЫМ для Самого Слова, и творение мира никак не являлось только предварительным актом воплощения Бога...

Снисхождение Слова не есть показатель самодовлеющей ценности мира, но цель или смысл этого снисхождения открывается в имени, которое воспринял воплотившийся Бог Слово, — ИИСУС СПАСИТЕЛЬ: «и наречешь имя Ему Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» ([Мф.1:21](#)).

...образ данного эмпирического бытия не есть реализация Божественного идеального мира, то есть такая реализация, без которой и самое Божественное бытие явилось бы ущербленным, несовершенным.

...воплощение Бога Слова не есть завершение теогонического процесса, то есть завершение развития в Самом Божестве, и в этом смысле необходимое для Самого Бога, для полноты Его Бытия...» [260](#)

Я полагаю, что та новая богословская тенденция, которую ты отметил в сочинениях Павла Евдокимова, идет в параллель с совершающейся повсюду «секуляризацией», «обмирщением». Она, несомненно, богословски оправдывает этот процесс, связанный с утерей правильного понимания «богословия», которое, по существу, занято главным образом учением о Боге, у нас, христиан, о Святой Троице. Конечно, возможно до известной степени подходить ко всякому явлению с «богословской точки зрения», но современное движение переходит все разумные грани; отсюда: богословие красоты, богословие пола (секс), богословие революции и подобное... Отсюда же тенденция придать тварному миру абсолютную ценность; у многих, особенно «ученых», полный развод (*divorce*) с проблемой «потустороннего мира», проблемой победы над смертью, воскресением.

Не стоит задерживать тебя с изложением моих взглядов, о которых ты знаешь из книги «Старец Силуан»...

С любовью А. Софроний

Письмо 1. «Старец — не оракул»

О братстве «Ζωή». О возможности жить и учиться в Греции. О разрыве духовного послушания старцу Силуану

Афины, 7 апреля 1936 г.

Христос воскрес!

Глубокопочтимый и дорогой брат о Христе
отец Софроний, благословите!

Приветствую Вас с отцом Силуаном со Светлым Праздником. Да даст Вам Господь духовное и телесное утешение и обильную благодать.

Приехал я сюда десять дней назад и еще нахожусь здесь. В Иерусалим на Пасху не поеду. Меня «захватило» общество «Ζωή». Это — замечательное духовное общество. Удивляюсь, что Вы с отцом Василием так мало его знаете. Состоит из двенадцати клириков и сорокапятидесяти мирян, из которых тридцать — с высшим богословским образованием. Они готовят некоторых членов к принятию священства и всех к церковной деятельности как катехизаторов, проповедников и профессоров и так далее. Есть и простые члены, необразованные, но немногие. Замечательна их деятельность: проповедь, привлекающая много народу; работа среди детей; типография, издающая массу дешевой религиозной литературы, так как сами члены общества делают всю работу; духовничество. Но еще более замечателен дух, которым они проникнуты... По абсолютности отказа от мира и от себя, от всякого компромисса или оппортунизма, по совершенному послушанию, по рассудительности и гармонии они отличаются от всего, что я видел или слышал где-либо в Православной Церкви. Сравнивать можно лишь с такими учреждениями, как иезуиты или трапписты (превосходят большинство западных орденов). Молодых людей держат годами под наблюдением после окончания богословского курса, пред тем чтобы рукоположить их. Требуют такой хрустальной чистоты и подчиненности, что очень много поступивших не доходят до полного членства, выходят. Живут общежитием, все — молчаливые, чинные, сдержанные. Дело построено не на быту [...] а на сознательности, на духовничестве. Ведут реформу, начинают пользоваться влиянием. Занимают места как проповедники и духовники при храмах в главных городах. Часто практикуют отлучение от причастия за грехи, что часто поражает преступника и заставляет его бороться и исправиться. Мне пришлось здесь встретить людей, говорящих о себе, что такое отношение к ним послужило первым поводом к настоящему обращению к Богу, в результате которого они связаны на всю жизнь с «Ζωή» и с ее работой. Имеют и свои союзы родителей, рабочих и так далее.

Отец Герасим, который очень близко стоит к «Ζωή», заинтересовал их уже до моего приезда. Таким образом, когда я приехал, они сразу пустили в ход все свое влияние, чтобы устроить меня здесь, так как я писал давно отцу Герасиму о том, что не хочу долго жить в Греции, утвердиться в Греции, а может быть, хотелось бы окончить богословское образование, если можно это сделать быстро. Они устроили продление моей визы, уговорили богословский факультет, ходатайствовали о том, чтобы мне было дано какое-нибудь место в клире, которое дало бы содержание, и доход, и спокойствие. Вопрос об университете и продление визы я хотел все равно устроить, и вообще узнать, какие здесь возможности, — полезно. Не выяснено окончательно ничего, но внимание «Ζωή», некоторых профессоров, архиепископа Хризостома и митрополита Хрисанфа быстро довело дело до временного решения, так что ничто не мешает назначенному плану (я подал прошение на богословский факультет), мне будет разрешено окончить богословскую школу за два года вместо четырех и также буду назначен священником психиатрической больницы около Афин. Это прекрасное место: абсолютный покой, вроде скита

(в лесу), почти нет работы, кроме обязанности служить по воскресеньям и праздникам и похоронить умерших; полное содержание в очень чистых и порядочных условиях и 1000 драхм в месяц; и автобусы каждые три четверти часа в Афины и назад. Кроме этого, Ласкаридис приглашает жить у него годами, если хочу; приглашают на лето в Πεντέλη ²⁶¹, обещают устроить в Πετράκη ²⁶² и так далее.

Я намерен принять эти приглашения, если владыка Елевферий с этим согласен. Дело выяснится в течение этого месяца, но теперь факультет расходится по случаю Пасхи. Пока уезжаю завтра в Πεντέλη; если понравится, то останусь не только до Великой Субботы, но и дольше, до того, как меня вызовут в Афины. Писать надо, однако, на вышеозначенный адрес...

Желаю Вам здоровья и спокойствия. Какая радость, что удалось шесть месяцев провести на Афоне, так часто и много беседовать с Вами и с отцом Силуаном. Молитесь за меня, не осуждайте меня и имейте в виду, что буду всегда стараться исполнить заповедь поехать и проповедовать в Англии. Но о способах подготовки и временах и средствах осуществления я твердо решил судить *сам*, по совету с начальством и с такими духовниками, которых Бог мне пошлет на месте.

Еще напишу, когда побольше выяснится мое будущее.

Братски обнимая Вас во Христе и посылая самое теплое пасхальное приветствие Вам и отцу Силуану, остаюсь

меньшим Вашим братом

грешный иеромонах Димитрий

P.S. Намекают, что в будущем, может быть, меня устроят как второго священника при Греческой Церкви в Лондоне.

Дорогой отец Софроний, не смущайтесь тем, что я хочу остаться здесь временно. Ошибка не в том, что не исполняются буквально указания отца Силуана, а в том, что просят такие детальные указания. Советоваться буду и [могу] принять к руководству общую линию, но больше не могу. Нельзя пользоваться старцем, как оракулом. Одно дело, если живешь с ним и речь идет о простой монашеской жизни; другое дело, когда речь идет об устройстве общецерковного дела. Меня смущает то, что отец Силуан, сказав вначале: «Уезжайте домой», потом сказал: «Заедьте в Иерусалим по дороге и оставайтесь там годами... если хочешь. Господь укажет». Насчет Греции я советовался вначале в том смысле, нужно ли остаться здесь ради монашества и близости к Афону, остаться надолго. Здесь другие обстоятельства.

Я был несколько в недоумении по поводу несогласия между указаниями отца Силуана и неожиданным благоволением Божиего промысла к ходатайствам моих здешних друзей. Советовался долго вчера с отцом Серафимом, главой и духовником «Ζωή», человеком, которого ставлю очень высоко, гораздо выше всякого афонского духовника вроде отца Кирика и Пинуфрия, ибо он не только подвижник и ревнитель и опытен, но и весьма ученый и рассудительный и знакомый с условиями мира. Он говорит, что нет несогласия, если я не стремлюсь утвердиться окончательно в Греции. Он очень советует остаться здесь временно, главным образом именно для духовной пользы.

Прошу, не вступите в спор со мной. Буду планомерно и систематически работать для того, чтобы «деятельность в Англии» (которая, впрочем, мало привлекает меня) не стала только словом и мечтой, а действительностью. А стаж в Греции очень важен для этого.

Я чувствую, что пребывание на Афоне выяснило для меня многое, утвердило главное направление моей жизни и успокоило меня нравственно.

Начинаю как бы новую полосу жизни, дай Боже.

Об Афоне не жалею, раз нет Божией воли и там так много противных обстоятельств.

Насчет нового стиля, то, что Богу не угодно, чтобы отец Силуан, в условиях Афона,

«принял новый стиль», не значит, что я, в других условиях, не сослужил бы с новостильниками. Я его не ввел и всегда высказываюсь против способа его введения...

Димитрий

Письмо 2. Сам по себе

О смущении по поводу указаний старца. Об отпуске без мира. О вере по принуждению.
Устройство в Афинах

Ἰερὰ Μονὴ Πεντέλη, Ἀθήναι,

11 мая 1936 г. [263](#)

Христос воскрес!

Глубокочтимый и дорогой о Господе
отец Софроний, благословите.

Братство «Ζωή» действительно замечательное, и средний член его превосходит среднего афонского монаха в очень многих отношениях. Но лучшие афонцы, «крема» Святой Горы, превосходят и «Ζωή», и все, что я знаю во всем мире, ибо ничто так не освящает человека, как истинная и постоянная молитва. Вы слишком преувеличиваете недостатки афонцев («мы настоящие варвары»). Впрочем, я подозреваю, что Ваши слова не до конца искренние: в них есть косвенный упрек; Вы хотите сказать, что я излишне увлекся... Или, может быть, афонское монашество действительно Вам кажется варварским. Вы много страдали от невежества.

Я очень рад, что отец Силуан сказал: «Пусть живет там, сколько его душе хочется. Само дело покажет все»; «Пусть живет где хочет, лишь бы хранил себя, жил по-монашески»; «Пусть он живет в Афинах — во славу Божию». Но не знаю, почему Вы считаете нужным объяснить мне, что он этим хочет способствовать тому, чтобы я, выбирая допустимый, но сомнительный и *не лучший* путь, действовал с мирною душою. Если бы Вы только сообщили ответ, душа моя была бы мирная. А Ваше объяснение именно лишает меня душевного мира; теперь в глубине души всегда будет рана — помысл, сомнение. Именно в этом смысле я просил Вас не вступить в спор. Я принял указание о том, что можно задержаться годами на пути, как положительное указание от Бога, и счел возможным и нужным применять его не только к Иерусалиму, но и ко Греции, о которой не было и речи в последние дни до моего отъезда, так как спешил на Пасху в Иерусалим и ничего особенного здесь не ожидал. Осталось объяснить, как Бог может указать то одно, то другое. Это удивляло, несколько смущало; но во всяком случае толкало на ту мысль, что такие ответы через молитву не имеют абсолютного неизменяемого (оракульного) значения. Я думаю, например, что они могут зависеть от намерения, от глубокого (может быть, несознательного) настроения просящего: например «учиться ли мне богословию?» (со скрытым настроением тщеславия — хочется стать доктором богословия). Ответ: «Нет». А через день или год ответ может быть: «Да», ибо настроение очистилось, теперь хочется знания ради служения Богу и ближнему. В этом смысле «противоречие» между первым указанием (Запад) и вторым (Иерусалим) смягчает силу первого и толкает на довольно широкое толкование второго. Получив и третий ответ: «Пускай и в Афинах, само дело покажет», как от Бога, через старца, я бы спокойно остался здесь с убеждением, что делаю Божию волю и что Сам Он Своими путями будет вести меня на Запад потом. Но Вы открыли мне другое: второй и третий ответ происходят не от молитвы старца и *не* от Бога, а от мудрой (но человеческой) услужливости старца; я же оказываюсь в положении юноши в Евангелии; ученика Великого Пимена и братьев Великого Антония... «Свари им кашицу и отпусти с миром». Согласен: очень может быть, что я на большее неспособен. Однако сказано: отпустить с *миром*, а не со смущением...

Быть может, мира у меня на душе никогда не будет и не может быть, ибо я много грешил и грешу. Быть может, лучше мне остаться здесь, ибо я способен лишь на поведение очень низкого качества. Но я действительно думаю, что для того, чтобы я поступил по вере, нужны мне большая уверенность и настойчивость со стороны повелевающего. Если бы отец Силуан объявил

мне Божию волю с таким тоном и строгостью и силой, что не оставляет места для колебания, если бы он повторял то же самое при малейшей попытке отклониться и не отступал, я не думаю, чтобы я опустил до компромисса. Но Вы скажете, что жизнь по таким неуклонным, абсолютным приказаниям не есть жизнь по *вере*; и, может быть, Вы — правы. Это — тонкая вещь, и с ней грубо обращаться нельзя. Вера предполагает охоту. Позволительно ли *заставить* верить? Однако хочется жизни во всяком случае по *Божией воле*.

Кстати, не я назначил отца Силуана моим старцем, а владыка Вениамин (да воздаст ему Господь за такое доброе дело). Я лишь согласился. Потом мы оба писали старцу, добились его согласия. Но инициатива была со стороны владыки, и для меня неожиданна.

Я очень прошу забыть те очень немногие слова, которые я сказал по поводу возможности предвзятости у Вас и у отца Силуана в суждениях о Греческой Церкви. Дело не в этом. Я думаю, однако, что Вам все-таки трудно судить по-человечески, ибо Вы окружены массой людей, говорящих вздор о Греческой Церкви, и не имеете возможности очень много наблюдать. Я сам только теперь освобождаюсь от некоторых предрассудков. Причину их я вижу в том, главным образом, что я жил 1) среди греческих униатов и 2) среди русских и видел, главным образом, 3) Афон и 4) Солунь. Но и униаты, и русские клеветают на греков, а Македония и Афон очень отличаются от типов, встречающихся здесь. Однако о том, что непонимание или незнание греков может играть роль в ответах отца Силуана, данных по *молитве*, у меня никогда не было и мысли.

Я провел Святую Пасху здесь, в Πεντέλη, потом уехал на три недели в Κύμη (смотрите письмо к отцу Василию) и теперь вернулся в Афины. Архиепископ Хризостом зачислил меня в братию Πεντέλης; то есть, оставаясь членом Русской Церкви, я получаю комнату в монастыре и 1500 драхм в месяц в качестве временного члена братии и студента богословия. Πεντέλη находится не очень далеко от Афин, тридцать пять минут на автобусе, который ходит туда и обратно восемь раз в день. Место высокое, прохладное, красивое. Маленький, но богатый монастырь, штатный: человек десять-пятнадцать монашествующих на месте, но почти все архимандриты и другие клирики из монахов, принадлежащие прямо к Афинской епархии, зачислены в братию. Монахи и иеромонахи хороши и спокойны и не болтливы, но не особенно ревностны; маленький ленивенький идиоритм²⁶⁴ без движения, но и без интриг и разговоров. Мне дали обширную комнату с собственной кухней и уборной — очень удобно. Служба идет регулярно и достаточно чинно. Есть возможность молиться. Главное — тишина, свобода от любопытства и болтливости; можно жить совсем независимо, — исполнить свои обязанности в церкви и потом уйти от людей совершенно. По воскресеньям приезжает народ, экскурсии и так далее, — но это только раз в неделю и не целый день. Конечно, надо готовить себе пищу, но достать пищу — легко; торговцы разносят хлеб, молоко и так далее ежедневно. Одним словом, на лето я устроен идеально, имея почти все преимущества той уединенной жизни, которую я мечтал найти на Афоне, но без ее недостатков и трудностей. В частности, регулярный доход избавляет от очень многих забот и от потери времени. Когда же начнутся занятия в университете, или мне дадут (бесплатно и вдобавок к моему положению здесь — куда я буду возвращаться изредка на день-два) комнату в Метохии, обители в Афинах, или меня устроят в психиатрической больнице, о которой я писал, или в каком-нибудь другом учреждении в качестве ἐφημέριος²⁶⁵. В богословской школе согласились сбавить мне не два года, а лишь один. Я поскорбел, ибо вначале казалось, что сбавят два; но теперь примирился, — говорят, отдельные профессора согласятся на то, чтобы я пропустил лекции и лишь сдал экзамен. Остается лишь представить свидетельство об окончании гимназии. Надеюсь, что не будет затруднений с этим: написал в Англию.

Я очень рад тому, что отец К. пишет из Сербии. На днях отец Лазарь сообщил мне из

Иерусалима: «Я поговорил с владыкой (митрополитом Анастасием) о преследовании Вас на Афоне. Он говорит, что через архимандрита Феофана, который скоро поедет туда, он даст им понять, что он совершенно не одобряет их образ действий. Он говорит, что у него действительно справились афонцы насчет Вас, и он ответил, что Вы «не из наших», то есть из другой юрисдикции. Он говорит, что ему и в голову не пришло, что может возникать какое-либо преследование. Но, говорит, можно ожидать подобных вещей на Афоне, так как там много незнания и фанатизма. Если пишете ему, то он, как Вы желаете, в ответном письме заявит Вам, что не он возбудил дело»...

Опять посылаю несколько удачных снимков. Отец Силуан вышел хорошо. Теперь будет с моей стороны довольно долгое молчание. Во всяком случае, длинных писем писать не буду.

Да хранит вас всех Господь. Молитесь за мое спасение.

Димитрий

Письмо 3. Об Иоанне Креста

О богооставленности. Выдержки из книги Иоанна Креста

Апрель-май 1936 г. [266](#)

Дорогой отец Софроний, пишу так, чтобы страницу-две можно показать другим (но не тем, кто будет смущен моим пребыванием среди новостильников), а остальное для Вас.

Я очень скорблю о Вашей «богооставленности»; тем более что чувствую, что я отчасти причина ее, — то есть Вы кое-что потеряли при первой встрече со мной. В этом отношении Вы действительно понесли потерю, ибо ничего из меня не вышло и не выходит.

Но уверены ли Вы, что «мрак», который «окружает Вашу душу», не есть знак *восхождения* к Богу, таинственного и болезненного действия Божьего света в душе? О таких вещах я могу говорить только по книгам и с большой осторожностью. Вы просили меня перевести книгу St Jean de la Croix, и поэтому я смею прислать Вам прилагаемую переведенную цитату.

Когда мне приходит память о Вас, я всегда молюсь за Вас. И на Божественной литургии неизменно поминаю. Хотелось бы Вам помочь духовно. Вы так много помогли мне и при первой моей поездке, и при второй, и письмами Вашими. Но что я могу дать Вам, я, грешный, и слабый, и недостойный, и неразумный, и окаянный, и неопытный? Лишь бы самому не погибнуть...

Память о Вас останется у меня сильна и ясна после этой зимы; она часто ко мне приходит. И жалко мне, что Вы так страдаете. Но думаю, что Господь посылает Вам это, возвышает Вас этим, хотя Вы не можете этого чувствовать теперь. И верю в силу Вашей души, и в Его милость.

Молитесь за меня, грешного.

Давид

Из писаний Иоанна Креста

Чтобы очистить и усовершенствовать преуспевших, Бог лишает их сил, чувств и смысла, как духовных, так и нравственных, как внутренних, так и внешних; Он оставляет ум их во мраке, волю в сухости, память без воспоминаний; стремления души поглощаются страданием, горестью и скорбью... В ней нет больше ни чувства, ни вкуса духовных благ, недавно привлекавших ее; и это лишение является у Бога одним из условий, без которых не может постичь то чисто духовное отношение, которое называется союзом Любви. Господь совершает все это в душе посредством чистого и мрачного Созерцания.

Мрачное созерцание

Эта мрачная ночь есть действие Бога в душе с целью очистить ее от обыкновенных ее невежеств и несовершенств, естественных и духовных. Созерцательные его называют «созерцание врожденное» и «таинственное богословие». Бог учит душу тайно, в совершенной любви, без ее вмешательства, без того даже, чтобы она поняла, в чем состоит это богоданное созерцание. Это — Божья Премудрость... очищающая и просвещающая душу...

По двум причинам эта Божья Премудрость является не только Ночью и Мраком для души, но и болезнью и пыткой. Во-первых, она превышает способность души и тем самым представляется для нее мрачной. Во-вторых, душа — худородна и нечиста; поэтому Свет для нее является скорбным, мучительным и в то же время мрачным...

Пока душа не очистится до конца, созерцание, овладевая душой (проникая в душу), наполняет ее духовным мраком. Причина — не только в превосходной светлости его, но и в том, что естественный разум души *парализуется* в этом акте...

Страдание

Свет и Премудрость созерцания — чрезвычайно ясны и чисты; тогда как душа, в которую они проникают, — мрачна и нечиста. Отсюда одна причина страдания. Эта чистота, которая борется с нечистотой, чтобы ее прогнать, так ясно открывает душе, насколько она осквернена и жалка, что *ей мнится, будто Бог преследует ее как врага Своего*. Это впечатление вызывает сильнейшее страдание: душа воображает себе, *будто Бог ее отверг*. Эти впечатления происходят оттого, что ум поглощается познанием и чувством своих зол и своего ничтожества. Ибо в этот момент Божественный и мрачный Свет показывает ей все ее неверности, чтобы она убедилась в том, что собственными средствами она не может поступить иначе...

Когда Божественное созерцание проникает в нее с некоторой силой, чтобы укрепить ее и овладеть ею, душа тем самым так мучается в своей слабости, что чуть не изнемогает совсем от бессилия, особенно когда идет сильнейшее проникновение. Тогда чувства и дух, словно удрученные огромной невидимой ношей, испытывают такое страдание, такую агонию, что считали бы избавлением и милостью, если бы можно было умереть. Под силой этого чувства и удручения душа сознает себя настолько отдаленной от всякой милости Божией, что она думает (и не ошибается), что все то, на что она раньше опиралась, теперь исчезло и что больше никому ее нисколько не жалко²⁶⁷...

Божественное проникает ее, чтобы ее усовершенствовать, обновить, обожить. Обнажая ее, лишая ее обычных чувств и свойств ветхого мужа, оно ее трясет, расторгает ее духовный состав, поглощая его в глубокий и совершенный мрак до такой степени, что душа чувствует, будто тает и уничтожается какой-то жестокой духовной смертью, самым видением своих зол. Кажется ей, будто ее поглотил, живую, какой-то зверь: она варится болезненно в его темной утробе, подобно Ионе...

Что больше всего мучает душу, это — убеждение, будто Бог, наверное, ее отверг, смотрит на нее с отвращением, вверг ее в мрак. *Богооставленность* — вот высшее ее мучение.

...Вокруг нее и твари действуют одинаково. Все ее оставляют. В частности, она терпит презрение со стороны своих друзей.

...В душе выкапывается глубокий ров. Она жестоко лишается всего того, что может утешать ее, — благ, временных, естественных и духовных. Чувства ее очищаются сухостью; душевные способности — отсутствием восприятий; дух — непроницаемым мраком.

...И все это совершается Богом через сие мрачное созерцание. Душа в нем страдает вследствие отсутствия какой бы то ни было опоры при восприятии впечатлений²⁶⁸...

Чем чище и проще является проникающий в нее Божественный свет, тем более он ее омрачает, обнажает и уничтожает в отношении ясных представлений и чувств. И наоборот, чем менее простым и чистым Божественный Свет сообщается, тем менее он обнажает, тем менее он представляется мрачным...

Но когда этот духовный свет, проникая в душу, находит в ней уголок, где он может отразиться, то есть какое-нибудь совершенство, воспринятое душой, какое-нибудь суждение о правде, душа сразу видит это и понимает его гораздо яснее, чем перед появлением этого мрака.

И легче чувствует, познает несовершенство духовное...

Таким образом, оттого что этот духовный свет является таким простым, чистым, *общим, свободным от всего отдельно понятого* (тварного или Божественного), следует способность неограниченно и очень легко познавать и проникать все, что представляется душе, из вещей небесных и земных ([1Кор.2:10](#)); ибо она *не снисходит к чему-либо понятному или к какой-либо привязанности*. Это и есть качество духа умерщвленного, очищенного. Так как *ничего не чувствует, ничего не понимает в ЧАСТНОСТИ, а находится в пустоте, во мраке и в темноте, она способна проникать во все...*» ([2Кор.6:10](#)).^{[269](#)}

Письмо 4. Дерзайте!

О «мистической ночи» Иоанна Креста. О закономерности его духовного опыта для всякого молитвенника. Об отце Герасиме. «Дерзайте!» О духовном одиночестве. О богооставленности. Вопрос о мытарствах

Ἰερὰ Μονὴ Πεντέλη, Ἀθήναι,

3 сентября 1936 г. ²⁷⁰

Глубокочтимый и возлюбленный о Христе брат, отец Софроний — благословите!

С мая месяца я Вам не писал. Слишком долго. Простите. Ваше письмо от 18 (31) мая получил и очень обрадовался, что Вы прочли St Jean de la Croix и нашли в его книге духовную пользу и что, «по методу и терминологии отличаясь значительно от восточных отцов, он в своих главных нравственно-догматических положениях находится в согласии с ними и стоит на высоте величайших из творцов восточной аскетики». Хотя очень многое в ней не касается непосредственно большинства даже самых благочестивых людей, но я всегда считал, что чтение ее полезно для всякого рассудительного человека, серьезно занимающегося своим спасением, ибо она дает некоторые идеи о том, что такое путь истинного молитвенного подвига, она избавляет людей от иллюзий о своем духовном достоинстве и о легкости духовных достижений и объясняет самое трудное для человеческого разума (на этом претъкается, по моему скромному опыту, подавляющее большинство) — а именно, что когда человек, искренно стремящийся к Богу, теряет способность мыслить, чувствовать, понимать и действовать душевно и падает в какую-то «ночь» сухости, паралича, бесчувствия и тупости, то он не идет назад, а вперед; если он будет терпеть эту «ночь», не стараясь упражнять свои человеческие «способности», а лишь прилепляясь к Богу вообще, глубиной своей души, своей воли творить волю Божию, то она очистит его душу и сделает ее более способной для принятия другого, нечеловеческого, способа богопознания, — путь мучительный, но верный. Для современных людей я не знаю книги, которая бы вкратце дала сразу понять все это с такой ясностью; поэтому людям известного умственного развития и духовного благородства я охотно давал читать ее. У меня, однако, иногда бывали сомнения о полной ее православности. Радуюсь весьма Вашему отзыву. Вы пишете, что «быть может, когда-нибудь мы будем говорить о ней подробнее; устал я писать». Если есть охота, то прошу указать на отдельные пункты или оттенки, где St Jean не совпадает с православным учением.

Он пишет, конечно, главным образом от опыта. Как я Вам говорил, он реформировал монастыри, и главным образом, примером собственного своего молитвенного подвига. Монашеская оппозиция захватила его. Заключение в одном из монастырей, в тесной комнатке, и иссекали до крови ежедневно; наконец он вышел чудесно из темницы, подобно апостолу Петру. О его жизни очень много известно; он жил в XVI веке. У меня есть большая книга с подробным описанием ее — но она в Париже. Когда вышлют мне мои вещи, если хотите, я напишу Вам подробности его жития. Иногда это помогает в оценке книги; и всегда подбадривает читателя.

Как Вы чувствуете себя? Более ли Вы больше обыкновенного? Я имею надежду, что Вы мало-помалу поправитесь несколько, найдете как бы новое телесное равновесие соответственно своим ограниченными силами. Но да будет Божья воля. Если бы было возможно, я бы охотно поболел за Вас. И это не только потому, что хотел бы помогать брату, но потому, что мне иногда чувствуется, что мне этого не хватает — поболеть, испытывать это мучительное ограничение и весь связанный с этим духовный опыт: познание суеты человеческих планов и стремлений, близость смерти, терпение и так далее. Οὐς ἀγαπᾷ ὁ Θεὸς παθεῖν ²⁷¹. Сколько людей слышали призыв ко спасению и не пошли по тесному пути; сколько пошли, но вернулись.

Счастливы и благословенны тот, кто и до монашества дошел; еще более, кто на Афон попал, кто окружен так многими людьми, стремящимися к Богу, кто живет в таких исключительно благоприятных условиях. Не страшитесь ни болезней, ни бесчувствия, ни вражды и непонимания со стороны людей. Помните, как трудно нам спастись в миру, от скольких соблазнов и препятствий Вы ограждены, живущие на Святой Горе. Идите вперед, через решительно все, как Вы шли до сих пор. Как Вы пишете, ἀμεταμέλητα τὰ χαρίσματα καὶ ἡ κλήσις τοῦ Θεοῦ²⁷².

Οἶδαμεν δὲ ὅτι τοῖς ἀγαπῶσιν τὸν Θεὸν πάντα συνεργεῖ εἰς ἀγαθόν, τοῖς κατὰ πρόθεσιν κλητοῖς οὖσιν²⁷³... Τί οὖν ἐροῦμεν πρὸς ταῦτα; εἰ ὁ Θεὸς ὑπὲρ ἡμῶν, τίς καθ' ἡμῶν?²⁷⁴

Δι' ὑπομονῆς τρέχομεν τὸν προκειμένον ἡμῖν ἀγῶνα...²⁷⁵

Я писал отцу Василию довольно много о внешней стороне моего жития-бытия. Что касается душевного состояния, я живу здесь более трезво и сосредоточенно, чем я жил в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. Идиоритмия имеет то преимущество, что монах может жить почти как пустынный среди многолюдной обители. Бывает, что два-три дня ни с кем не говорю, никого не вижу, кроме встречи в церкви. Я нашел здесь довольно строгого духовника, полезного для меня. Сравнительно молодой, выходец из Иверского Афонского монастыря, он — истинный ревнитель монашеской жизни; но больной человек, склонный злобно и нерассудительно критиковать всех и все, и ссориться со своими собратьями по поводу их немонашеского поведения, и не считаться с волей игумена (от его влияния в этом отношении я должен остерегаться); а в отношении соблюдения правил и аскетического духа монашеской жизни — отстаивание всех служб, келейное правило, посты, отстранение от лишних разговоров и интимности, непопечение о мирских делах и так далее — он держит меня строго и является драгоценным помощником. Если хотите понять его взгляды на жизнь, то он считает книгу Никодима Святогорца

«Εὐχερίδιον συμβουλευτικὸν περὶ φυλακῆς τῶν πέντε αἰσθήσεων τῆς τε φαντασίας τοῦ νοῦς καὶ τῆς καρδίας, καὶ περὶ τοῦ ποῖαί εἰσιν αἱ πνευματικαὶ καὶ οἰκεῖαι τοῦ νοῦς ἡδοναί»²⁷⁶ самой ценной и самой необходимой для монаха. Я же, читая ее по его приказу, нахожу в ней чрезвычайно много совершенно излишней «литературности» и педантизма, лишаящих ее убедительности для современных людей, которых нельзя убеждать пустой риторикой или множеством цитат (это — одно из редких их добрых качеств). Впрочем, средняя часть — «Περὶ φυλακῆς νοῦς καὶ καρδίας»²⁷⁷ — лучше остального; но как можно предпочитать такую книгу всем другим, а в особенности творениям святых отцов самих, я не понимаю. У каждого свой вкус.

Довольно много занимался греческим языком, а также вновь принялся за еврейский, который мне нужен будет для богословской школы. Читал Троицкого «Об именах Божиих и имябожниках» и разные другие вещи; занимаюсь понемножку церковным правом. Но больше всего в последнее время тянет ко чтению Священного Писания, святых отцов и других духовных книг, к богомыслию и к келейной молитве. Как всегда, когда живу в одиночестве, *смертная память* очень часто занимает мою душу. Я нахожу, что если человек соблюдает элементарное хранение помыслов, то одиночество как бы само собою учит его памятованию о смерти, о суете всего земного и человеческого; нет людей и разговоров и увлечений, нет ложного пафоса «строительства»; живешь с собой и с Богом и познаешь свою немощь и пустоту. Чувствую себя уже почти стариком, освободившимся от иллюзии о человеческой жизни, о возможности «сделать что-нибудь в жизни»; не забочусь о будущем; у меня путь на три года и больше — определенно намечен и дальше этого пока я не смотрю. Впрочем, смертная память есть дар Божий, «первая мысль, посылаемая человеколюбием Божиим человеку и напутствующая его душу в живот вечный»²⁷⁸. Дай Боже, чтобы она во мне углубилась.

Слабохарактерность и нерешительность у меня — велики. А в основе всего лежит безверие. Это я ясно чувствую и сознаю. Я думаю, такое безверие можно победить, с Божией помощью, главным образом *молитвой*, частой искренней молитвой у себя в келлии. Отстаивания длинных служб и соблюдения постов и так далее недостаточно; нужно создать живую личную связь с Богом через сердечную молитву и постоянно поддерживать эту связь. Я стараюсь упражняться в этом. Но устойчивости у меня нет. Все, что я начинаю, я потом бросаю. Все, что Бог начинает в моей душе, я не даю Ему докончить. Жизнь моя — позорный зигзаг.

Недавно я читал епископа Игнатия Брянчанинова, страницы о воздушных мытарствах в «Слове о смерти»²⁷⁹. Хочу выяснить себе точно разницу между православной догматикой и латинским учением о чистилище. Но это — трудно. Где начинается догмат и кончается благочестивое воображение, или легендарная деталь в житиях святых? Где грань между благодатным созерцанием истины у святых и повторением высказанного ими у других церковных писателей? В поведении преподобной Феодоры ангелы говорят ей: «Если лукавые духи найдут в душе больше грехов (чем добрых дел), то *удерживают ее на время и заключают в темнице невидения Бога*; там они мучат ее, доколе сила Божия попустит им мучить и доколе та душа не будет *искуплена* церковными молитвами и милостынями ближних»²⁸⁰. Где разница с католическим учением? Правда, о задержании души для временного мучения говорится только здесь, из всех цитируемых Брянчаниновым мест; во всех других говорится лишь, что диаволы стараются не допустить восхода души на небо, а доказать, что она должна пойти во ад. Слова о том, что добрые дела спасенного должны быть больше, чем худые, все-таки не совсем приемлемы — раз человек спасается Божией милостью и искупительной смертью Иисуса Христа, принятыми верою и покаянием. Разбойник, покающийся на смертном одре, не успевший принести добрые дела как плод покаяния, может спастись. Но он не может пойти на небо и жить в Боге без перемены, без духовного возрождения и очищения. А как совершается там эта необходимая душевная перемена, если человек не успел пережить ее в земной жизни? Совершается ли в один миг, Божьим чудом? Или душа задерживается в какой-то особой «темнице», где она мучается бесами соответственно количеству содеянного зла (по католическому учению и, кажется, по поведению преподобной Феодоры)? Я думаю, ни то, ни другое; а душа (быстро или медленно) познает Истину о Боге и о себе и меняет свое отношение к бытию, свое душевное настроение, соответственно этой Истине; и тем самым очищается от всякия скверны и принимает в себя Божественную Жизнь в той мере, в которой она способна ее принимать (ибо души бывают разной величины, достоинства и благородства, смотря по происхождению, поданным дарованиям и качествам, по земной их истории и так далее). А это и есть мучительное дело, болезненный процесс: это — тот самый процесс умирания ветхого человека и перехода на жизнь во Христе, который святые люди проходят уже на земле. Впрочем, никакой «автоматичности» не может быть в таких делах, и Господь очищает и освящает людей, как и когда Он вест, и нельзя сказать в каком-нибудь случае, сделается ли это быстро или постепенно, более или менее болезненно. Но совместимо ли мое представление с учением Церкви о мытарствах? Я думаю, вполне. Через мытарства, через встречи со страшными духами зла и обвинителями Бог открывает душе ее греховность, дает ей самопознание, возбуждает в ней страх и покаяние. Она проходит буквально через ад, испытует до некоторой степени ужасы его, понимает, что она достойна вечных мук и спасена лишь милостью Божиею; в ней умирает все греховное, все неправильное; она смиряется до конца и делается способной на вечное блаженство. Этот путь через ад она может совершать медленно, постепенно, очень болезненно. Не есть ли такое прохождение через ад, такое действительное, несомненное познание своего недостойнства неба — основной потребностью для спасающегося христианина на земле? А если он не прошел через него здесь, то не должен ли он, на пути к

блаженству, пройти его (за исключением особых случаев милости Божией) в той жизни? Католическое учение о количественном страдании для удовлетворения Божьего правосудия в каком-то особом месте отдельно от ада и неба отвергается Православной Церковью. Но, к сожалению, из-за того, что «у нас нет учения о чистилище», очень многие из рядовых православных людей воображают себе, будто душа, если не идет во ад, то идет прямо на небо: усопший как бы просыпается в небесных обителях и в вечном блаженстве.

Я имел с Вами разговор об этом, но тогда я был мало знаком с учением о мытарствах. Я думаю, что оно находится лишь у Феодоры; а из видений, рассказанных в житиях святых, нельзя сделать догмат Церкви. Но по Брянчанинову выходит, что это — древнее предание отеческое, основанное на Священном Писании, и хотя я не имею пока возможности исследовать, до какой степени оно находится действительно у великих отцов IV века (смотрите заметку на странице 151), я все-таки принимаю его очень серьезно. Если можете, то пишите мне кое-что в подтверждение или отвержение моих идей.

Пишите. Жажду получить от Вас письмо. Слишком долго я не писал. Обещаюсь писать почаще, но покороче. Прилагаемое маленькое письмо к Вам присылаю, чтобы Вы имели, что показать, если кто-нибудь спрашивает о моем письме к Вам. Молитесь за меня. Я Вас не забываю в скудных моих молитвах. Теперь мы близкие соседи; я надеюсь когда-нибудь опять заехать на Святую Гору.

Читайте письмо отцу Силуану и передайте ему самое сердечное приветствие о Христе. Также отцу Лукиану.

Ваш меньший брат во Христе,
недостойный и грешный
иеромонах Димитрий

Письмо 5. Годы безбожия

О годах вне Церкви. О смерти брата в японском плену. О смертной памяти

Афины, 8 апреля 1945 г.

Дорогой о Христе брат,
отец Софроний — благословите!

Не знаю, получил ли ты короткое письмо, посланное мною отсюда в октябре месяце прошлого года недолго после моего приезда обратно из Египта в Грецию. Я дал его одному нашему чиновнику, едущему в Солунь, и он его передал некоему афонскому монаху. Если к тебе оно не дошло, то не сожалею, ибо, хотя я хотел дать тебе знать о том, что я еще в живых, я описал состояние моей души в таких мрачных чертах, что мог бы только тебя огорчить. В этом я был прав, но мне хочется с тобой поддерживать при всех обстоятельствах всю возможную духовную связь, и в последние недели я переживаю некоторое внутреннее улучшение.

Посылаю сие письмо через нового губернатора Святой Горы, господина Παπαδημητρίου, уезжающего туда на днях. Не исключено, что я сам приеду на Афон в этом году, о чем я и предупрежу также через него. О твоём переселении из Карулии в келлию Святой Троицы при обители святого Павла я узнал от отца Кассиана Безобразова, писавшего мне из Солуни, и от Харалампия Андреевича Ласкаридиса, которого я недавно посетил. Последний с супругой живы и здоровы; шлют привет о Христе.

Прошу, однако, не говорить обо мне на Афоне. Если приеду летом, то хочу сделать это более или менее незаметно. Поехав в Египет в апреле 1941 года, я поступил в Британскую Армию, служил офицером Главного штаба в Каире и с 1943 года был прикомандирован в Английское посольство при Греческом правительстве. Я сейчас штатский, бритый англичанин, ничего общего (по своему внешнему положению) не имеющий с Церковью. Не хочу стать предметом слухов и упреков со стороны святогорцев.

Если хочешь писать мне, мой адрес: «Major David Balfour, — British Embassy, Athens — с о *British Consulate, Salonica* — Ἀγγλικὸν Προξενεῖον, Θεσσαλονίκη». Консульство перешлет воздушным путем.

Три года я провел в совершенном безбожестве. Недавно получил телеграмму, что умер мой брат (от постепенного истощения, будучи пленником у японцев в Hong Kong).

Стал молиться о нем, думать о будущей жизни, опять поверил в нее. Стал вообще понемножку молиться в свободное время. Смертная память, никогда не покидавшая меня за все это военное время и служившая мне поводом к отчаянию и бесстыдству, превращается, скорее, в наслаждение. Молись и ты обо мне, если не очень уж устал от усилия помогать моей бродящей душе. Проси и молитв отца Герасима; но при этом очень настаивай на том, чтобы он *никому* не говорил на Афоне насчет меня.

Недостойный брат твой о Христе,
иеромонах Димитрий

Письмо 6. Пробуждение

О своей жизни. О постепенном возвращении к вере. О неверии в догматы. Об узости конфессиональных рамок. О стремлении к вечности

British Embassy, Athens,

21 июля 1945 г.

Возлюбленный о Христе

отец Софроний — благословите!

Я виноват пред тобою, что так долго не писал. Прости меня, но не думай, что мое молчание объясняется отсутствием любви к тебе. С тех пор как я в 1941 году стал бюрократом, сначала военным, а потом дипломатическим, я почти целиком, по слабости человеческой, перестал писать кому-либо. Дело в том, что сижу за письменным столом по крайней мере семь часов в день, а иногда до девяти или даже двенадцати часов, и когда ухожу к себе домой, нет охоты писать. Хочется читать, размышлять, заниматься музыкой, разговаривать, молиться — заниматься чем угодно, лишь бы не сидеть опять за письменным столом.

Когда я писал тебе в последний раз, я надеялся приехать на Афон. У нашего посла, при котором я служу переводчиком-помощником, была мысль посетить Святую Гору на Пасху. Но ему не удалось отлучиться из столицы. Я еще питаю надежду, но не знаю, удастся ли в этом году. Я собрал несколько вещей для тебя, из тех, на которые ты указал, но не нашел путешественника, которому можно их поручить, да и не знаю, доходят ли почтовые пакеты. Пиши мне, можно ли доверить их почте?

На днях зашел ко мне монах Стефан, грек из Русика. Он покинул Афон по благословению духовника и игумена своего, так как желает учиться. На меня он произвел очень хорошее, даже умилительное впечатление, из-за его кротости и смирения. Он хотел поехать в Иерусалим, что трудно теперь. После некоторого колебания митрополит Военных сил Пантелеимон (бывший Каристийский), который имел его при себе до его поступления на Афон, опять принял его под свое покровительство. Трудно знать в таких случаях, что советовать человеку, уйти ли из чисто монашеской среды. Я верую, что он руководится самыми чистыми стремлениями, но боюсь, что он разочаруется. Пиши мне, знаешь ли ты его и то, какое у тебя мнение.

Почти совершенно ушедший от Бога, хотя и не найдя удовлетворения в мирской среде, и доведенный до тупого безразличия и бессильной тоски, я возвращаюсь теперь прогрессивно к вере в Бога, в вечную жизнь и ответственность и к стремлению единения с Богом. Совершилось это у меня неортодоксальным и, по твоему суждению, наверно, нежеланным путем; об этом пока не расскажу. В настоящее время я констатирую, что живу более глубокой и молитвенной жизнью, чем в многие годы своей неудачной священнической жизни. Я могу только сказать, что, хотя я остался православным в культурном смысле слова, то есть нахожу удовлетворение лишь в православном выражении христианства, чувствуя отчуждение от других Церквей, я перестал верить многим православным догматам и стараться принаравливать к всему православному строю. Внутренней борьбой я приобрел какую-то духовную свободу, в которой я нахожу не ослабление, а силу. Опытom я пришел к заключению, что как и в Католичестве, так и в Православии старание во всем заключить себя в исключительных конфессиональных рамках просто ослабляет у меня вообще всякую религиозную веру, делает непонятным и недействительным в моем сознании отношение Божией любви и Божьего промысла к человечеству как целому. Вернуться к православному священству или монашеству я не могу, хотя уйти совсем от мира я глубоко желаю. Но от этого последнего меня удерживает пока мое состояние мобилизованного английского подданного, и удержит, быть может, потом и

некоторое чувство обязанности к людям, чувство долга, неуверенность в правильности для меня такого пути. Что именно сделаю, пока не ясно; но, скорее всего, я буду продолжать работать долго при посольстве, стараясь так устроить свою частную жизнь, чтобы иметь возможность посвящать возможно больше времени духовным занятиям. Не знаю, поймешь ли; сомневаюсь, одобришь ли. Но все-таки, как я тебе писал и ты меня цитируешь в только что полученном твоём последнем письме, «мне хочется с тобой поддерживать при всех обстоятельствах всю возможную духовную связь»...

Я беспокоюсь тем, что ты пишешь насчет твоей неустроенности во внешнем отношении. Полагаю, что близость к монастырю и зависимость от него тебе тягостны. Если тебе нужны деньги, чтобы устроиться, пиши мне...

Часто думаю о тебе и молюсь о тебе каждый день. Очень хочется с тобой повидаться. Не знаю, причинит ли тебе лишь скорбь и недоумение перемена в моих убеждениях, в моем образе жизни. Помолись о просвещении ума моего. Одного только желаю — познать истину, жить в Боге, готовиться к жизни вечной. Жизнь проходит; мне 43 года. Стремление что-нибудь создать в смысле ученого труда или вообще в миру все больше и больше уходит от меня; нет у меня желания стать кем-нибудь или чем-нибудь в мирском смысле. Смертная память и «жажда подлинного бытия» меня не покидают. Однако беспокойства о состоянии своей души, чувства трагического характера человеческой духовной жизни, тревоги о спасении, чувства надобности подвига и аскетизма — все это так же от меня упало. Внутренно я совершенно спокоен; мой образ жизни трудовой, скромный и довольно трезвый, но совсем не аскетический; главное мое стремление, главный интерес в жизни — «уйти внутрь», как ты сам пишешь о себе. Но занимаюсь этим спокойно, мерно, флегматически. Я, быть может, вернулся к своей английской натуре, о чем и не сожалею, ибо нет внутренней свободы и истинного познания себя в старании приспособляться к чужому быту, поверхностно притворяться русским или греком. Быть может, ты скажешь, что я в прелести и заблуждении. Я готов слышать со вниманием твое мнение.

Жду от тебя письма. Хочется переписываться, хотя я сам с трудом берусь за писание... Молись, молись обо мне, грешном.

Твой брат о Христе, зовущий себя теперь опять Давидом, но для тебя еще
Димитрий

Письмо 7. Новоначальный

О богословском «наступлении-самозащите» отца Софрония. О постепенном возвращении.
О неотступном промысле Бога

Афины,

16 октября 1945 г.

Дорогой о Христе брат,

отец Софроний — благослови.

Недавно вернувшись из Лондона, куда я уехал 7 сентября, я нашел твое длинное письмо²⁸¹... Хорошо, что ты не приехал сюда, чтобы поговорить со мною. Не только я отсутствовал бы, если бы ты приехал в сентябре, но если бы ты видел, как я занят, то есть *весь* день и иногда половину ночи, ты бы понял, что мне почти некогда долго говорить ни с кем. Кроме этого, где ты бы жил, чем питался бы и как бы вернулся? Хотя ничего твердого не смею обещать, я постараюсь приехать к тебе в ноябре. Не беспокойся. Не покидай Афон, где дышишь чистым духовным воздухом.

Твои письма были полезны, хотя не могу скрыть от тебя, что на меня они произвели впечатление, что ты сам не совсем уверен в своих убеждениях, а пишешь отчасти, чтобы себя самого убедить. Наступление ведь самая легкая самозащита. Видно, соблазнился ты обо мне. Но я никак не хочу уговаривать тебя: писал лишь в порядке самообъяснения и духовной исповеди. Не нужно обо мне беспокоиться.

Не хочу я быть тебе причиной скорби. Идет *процесс* в моей душе, и хотя не думаю, что наши мировоззрения будут когда-либо вполне совпадать, пока живем на земле (ибо к той же цели идем именно различными путями), но все-таки, когда я получил последнее твое письмо, я уже стоял поближе к тебе и написанное тобой было отчасти уж излишним.

Никогда не перестану смотреть на тебя, как на дорогую часть собственной своей души. Я привык прибегать к тебе как к духовному учителю и советнику. Господь меня привел к тебе, когда нужно было, и ты дал мне, не щадя, то многое, которое от Него и получил. Но при всей искренней любви и благодарности я не могу следить за тобой во всем. Я был для тебя бременем почти невыносимым, а теперь ты освобожден от него. Не мучайся мною: сними с себя это бремя и не старайся его носить. Пред Богом свидетельствую, что в этом году мне дано было новое, благотворное руководство еще более неожиданным и явно богопромыслительным путем, чем когда я встретил отца Силуана на пристани, а он предсказал, что найду и другого, которым оказался ты. Как это случилось, не могу тебе писать пока, ибо не имею права. Не теряй же веру в Божий промысл даже ко мне, грешному. Будь братом и доброжелателем, спутником и молитвенником, но не печаль себя недоумением и чувством ответственности за меня.

С многим из написанного тобой я согласен: например, что нахожусь лишь «в начале», что остался до сих пор лишь ἀρχαῖος²⁸². Согласен насчет «отрицательного» аскетизма, но ношу такое тяжелое бремя работы, что принужден считать его своим малым подвигом: оно все равно лишает меня и возможности, если бы я и хотел, развлекаться много, как «светский человек», и наслаждаться миром.

Верь в мою любовь и не соблазняйся моим молчанием. Сам, не имея время, чтобы писать, я боюсь, что напишешь ряд длинных писем, на которые долго не отвечу, и что мое кажущееся равнодушие тебя огорчит. Ибо писать много не могу и не буду...

Часто думаю о тебе, часто молюсь. Хочется тебя повидать.

Недостойный меньший брат твой

Давид — Димитрий

Архим. Софроний. Письма в Россию. М., 1997. С. 19.

Архим. Софроний. Письма в Россию. М., 1997. С. 22.

Он же. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1991. С. 20, 59, 89 и т. д.

Он же. Письма в Россию. С. 28.

Архим. Софроний. Письмо к Д. Бальфуру от 31 октября 1961 г. // Archive of the Gennadeios Library, Athens. **G**² .

Архим. Софроний. Письмо № 18 к Д. Бальфуру от апреля 1934 г. (G¹ : В-19).

См.: Бальфур Д. Письмо к отцу Софронию от 27 сентября (10 октября) 1932 г. // Archive of the Monastery of St. John the Baptist. **M^{BS}**.

О раннем периоде жизни Д. Бальфура и его обращении в Православие упоминает матушка Силуана (Соболева) в книге «Три встречи» (Москва, 1997. С. 76–83). Однако в ее повествовании встречаются некоторые исторические неточности. Так, она, называя отца Давида «лордом», по-видимому, приняла его за известного политического деятеля начала XX в. — лорда Бальфура, тогда как отец Давид имел более скромное социальное происхождение. Кроме того, занимательный рассказ о том, как Давид Бальфур «пожертвовал много денег Римскому папе» и «основал Шевтонский монастырь для борьбы с Православием», не имеет под собой реальных исторических оснований.

Из письма отца Софрония епископу Вениамину. Письмо не сохранилось. Некоторые отрывки восстановлены благодаря заметкам, сделанным самим Д. Бальфуром. См.: Бальфур Д. Заметки из письма отца Софрония к митрополиту Вениамину // Archive of the Gennadeios Library, Athens. **G¹** : Excursus.

Бальфур Д. Письмо №1 к отцу Софронию от 7 апреля 1936 г. (**M^{BS}**). См. Приложение II, 1: «Старец — не оракул».

Архим. Софроний. Письмо к Д. Бальфуру № 23 от 7 (20) апреля 1936 г. (**G**¹ : С-11).

См.: Каллистос Уэр, еп. Obituary: David Balfour // Sobornost (incorporating Eastern Churches Review). Т. 12, № 1. Лондон, 1990. С. 55.

См.: Каллистос Уэр, еп. Obituary: David Balfour // Sobornost (incorporating Eastern Churches Review). Т. 12, №1. Лондон, 1990. С. 55.

Архим. Софроний. Письмо к Марии Семеновне Калашниковой (сестре отца Софония) от 24 августа 1973 г. // Archive of the Monastery of St. John the Baptist.

Бальфур Д. Письмо № 5 к отцу Софронию от 8 апреля 1945 г. (**M^{BS}**). См.: Приложение II, 5: «Годы безбожия».

Архим. Софроний. Письмо к Д. Бальфуру от 24 декабря 1950 г. // Archive of the Gennadeios Library, Athens. **G**² .

Архим. Софроний. Письмо к Д. Бальфуру от 18 января 1987 г. Там же. **G**².

Архим. Софроний. Письмо к Д. Бальфуру от 24 декабря 1950 г. Там же. **G²**. В этом письме отец Софроний изложил свою просьбу к Д. Бальфуру — дать ему перечитать свои письма, но только на некоторое время, поскольку знал, что для Бальфура слишком дорого было бы расстаться с ними даже и на несколько дней: он носил их с собой, как бесценное достояние, всегда и везде.

Он же. Письмо к Д. Бальфуру от 31 октября 1961 г. // Archive of the Gennadeios Library, Athens. **G**².

Архим. Софроний. Письмо № 11 к Д. Бальфуру от 3 (16) декабря 1932 г. (**G**¹ : А-10). См. с. 161–162 наст. изд.

Необходимо отметить, что, сознавая приверженность Бальфура духовности кармелитов в прошлом, отец Софроний поначалу вынуждался быть крайне осторожным в своей критике католичества. Из сохранившихся набросков писем (**M^{SB}**) очевидно, что в окончательной версии каждого письма отец Софроний скрашивал в более мягкие тона свои изначальные мысли, где он подвергал критике некоторые моменты в аскетической традиции католичества. Позднее, в книге «Старец Силуан» (Париж, 1952), отец Софроний более подробно разбирает духовные отклонения, свойственные западной мистике. Этим вопросам посвящены главы «О видах воображения» (см.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1991. С. 64—70) и «О мраке совлечения» (Там же. С. 78—80).

Архим. Софроний. Письмо № 2 к Д. Бальфуру от 31 июля 1932 г. (**G**¹ : А-2).

Архим. Софроний. Письмо № 12 к Д. Бальфуру от 12 (25) декабря 1932 г. (G¹ : В-11).

Архим. Софроний. Письмо № 6 к Д. Бальфуру от 6 (19) октября 1932 г. (G¹ : А-6).

Архим. Софроний. Письмо № 7 к Д. Бальфуру от 15 (28) октября 1932 г. (**G**¹ : А-7).

См.: Архим. Софроний. Письмо № 22 к Д. Бальфуру от 5 (18) апреля 1935 г. (**G**¹ : С-6).

Он же. Письмо № 5 к Д. Бальфуру от 16 (29) сентября 1932 г. (**G**¹ : А-5).

Архим. Софроний. Письмо № 15 к Д. Бальфуру от 21 января 1933 г. (G¹ : В-14).

Архим. Софроний. Письмо № 19 к Д. Бальфуру от 28 июля (10 августа) 1934 г. (**G**¹ : С-1).

Архим. Софроний. Письмо № 24 к Д. Бальфуру от 17–18 (30–31) мая 1936 г. (G¹ : С-12).

См.: Архим. Софроний. Письмо № 19 к Д. Бальфуру от 28 июля (10 августа) 1934 г. (**G**¹ : С-1).

Ср.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 103, 105.

Архим. Софроний. Письмо № 23 к Д. Бальфуру от 7 (20) апреля 1936 г. (**G**¹ : С-11).

Он же. Письмо № 19 к Д. Бальфуру от 28 июля (10 августа) 1934 г. (G¹ : C-1).

Архим. Софроний. Видеть Бога как Он есть. Эссекс, 1985. С. 49–50.

Архим. Софроний. Письмо № 22 к Д. Бальфуру от 5 (18) апреля 1935 г. (**G**¹ : C-6). См. с. 232 наст. изд. См. также: Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. Часть 3. Гл. 3, 8. М., 1995. С. 336. См. также: Прп. Максим Исповедник. Амбигва. PG 91, 1141 АВ, на которого ссылается свт. Григорий.

Он же. Отрывок 1 из письма № 13 (**G**¹ : В-12) согласно рукописи М5В, не вошедший в окончательную версию. См.: Приложение I, 4: «О покаянии».

Архим. Софроний. Письмо № 12 к Д. Бальфуру от 12 (25) декабря 1932 г. (G¹ : В-11).

Архим. Софроний. Письмо № 28 к Д. Бальфуру от 22 августа (4 сентября) 1945 г. (G¹ : D-4).

Там же.

Архим. Софроний. Письмо № 28 к Д. Бальфуру от 22 августа (4 сентября) 1945 г. (G¹ : D-4).

Он же. Письмо № 19 к Д. Бальфуру от 28 июня (10 августа) 1934 г. (G¹ : C-1).

№ А-1 согласно нумерации **G¹** . Письмо написано вскоре после отъезда Д. Бальфура с Горы Афон. Там он встретился со святогорцами, среди которых были старец Силуан и отец Софроний. После паломничества на Афон у Д. Бальфура созрело решение перейти в Православие.

Имеется в виду принятие Д. Бальфуrom Православия.

Письмо не сохранилось.

См.: Древний Патерик. Гл. 23: «Вопросы юного к старцу Фивеянину о том, как должно пребывать в келлии, и о созерцании». М., 1891. С. 430–434.

Франц. «прельщенный».

№ А-2 согласно нумерации **G**¹ .

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 6. Сергиев Посад, 1908. С. 86–89.

См.: Прп. Макарий Египетский. Беседа 26,6. — Духовные беседы, послание и слова. СТСЛ, 1904. С. 195.

Греч.: «Добро уже не добро, когда не бывает добрым образом». Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 68. — Слова. В 2 т. Т. 2 *Пер. свт. Феофана Вышинского. М., 1892. С. 181.*

№ А-3 согласно нумерации **G¹** .

№ А-4 согласно нумерации **G¹** .

12 сентября 1932 г. Д. Бальфур был принят в Православие с признанием его иерейского чина. Таинство совершил Экзарх Московской Патриархии в Западной Европе, митрополит Елевферий.

См.: Приложение I, 1: «О послушании при отсутствии старца».

№ А-5 согласно нумерации **G¹** .

Письмо не сохранилось.

М^{SB} исправл.: «подает Господь силу».

М^{SB} добавл.: «Господь... биет... всякого сына, егоже приемлет» ([Евр.12:6](#); [Притч.3:12](#)).

М^{BS} — начало 2-го письма от 16 (29) сентября: «Дорогой о Господе брат мой отец Давид. Благословите. Всю эту неделю радуюсь за Вас и благодарю Господа и Пресвятую Владычицу нашу Богородицу. Мысленно часто обнимаю Вас с тихим радостным чувством братской любви. Как хочу я, чтобы эта наша любовь пребыла вечной; чтобы удостоил нас Господь в этом чувстве взаимной нашей любви об имени Его в смерти нашей предстать пред Ним, поклониться Ему, омочить Его ноги слезами радости и благодарности».

Молитва на часах.

М^{SB} исправл.: «Хотел Вам написать о том, что хорошо решили, что предаваться в волю Господа, “быть испытываемым Самим Господом” есть самый верный и надежный путь, “надо только согласиться терпеть”. Но вот пред этим Вы пишете: “Я знаю, как трудно и почти безнадежно бороться аскетически чрез самоисправление против дурных привычек”. Это уже понимание неверное. В нашей жизни неизбежно необходимы подвиг, аскеза, борьба со страстями. К доброму устройению — предаваться во всем на волю Божию — нам все же приходится приложить и самопонуждение во всем. Однако смотреть на это нужно несколько иначе, чем Вы (если только это выражение не явилось плодом некоторого недосмотра, недействительно выражает Ваше понимание и подход). Но это еще не важно. Гораздо существеннее вопрос о том...»

М^{SB} добавл.: «по Своей неизреченной милости».

М^{BS} исправл.: «Когда умным очам Вашим предстанет образ того человека, каким нас хочет увидеть Господь, когда мы осознаем воистину свою нищету и худородство по сравнению с тем, чем должны мы быть по благодати Христовой, когда увидим, как далеки мы от действительного спасения, тогда невольно горько-горько зарыдаем, но Господь горечь нашу преложит на радость».

М^{BS} добавл.: «Как хочу я, чтобы Господь дал Вам приобщиться истинной духовной жизни. Но Он уже благоволит к Вам, и я несомненно верю, что Вы получите от Господа богатую милость, по слову Его: “аз приидох, да живот имут и лишше имут” ([Ин.10:10](#)). Если еще не исчерпалось Ваше терпение, то потерпите еще одно замечание. Вы, когда услышите от человека, к которому Вас расположила благодать Божия, какое-либо слово, то не выпытывайте у него, почему и как он Вам его сказал. Так Вы, услышав от старца отца Силуана о том, что Господь пошлет Вам старца, просите его Вам сказать, принимать ли слово “как несомненное утверждение” (иначе говоря, пророчество) или просто как “выражение упования и желания его”. И это уже не первый раз замечаю я за Вами. Лучше делать, как делала Божия Матерь — “слагать глаголы в сердце своем” (см. [Лк.2:19](#)). Есть разные степени пророческих дарований. Но есть еще и другие дарования от Бога в отношении слова. Так, Божия благодать полагает на сердце слово, а сам человек не может утверждать точно, что и как будет. Но думаю, что если бы даже и было совершенно ясное откровение о том, то и тогда Ваш вопрос, как бы выпытывая, не получит желаемого Вам ответа. Наш отец игумен очень и очень много раз и предсказывал, и провидел, но когда его один из монахов спросил, как это он делает, как это у него слагается предвидение или прозрение, то он не мог объяснить».

№ А-6 согласно нумерации **G¹** .

Письмо не сохранилось.

М^{SB} добавл.: «Вы меня порадовали своим серьезным отношением к делу».

Письмо Д. Бальфура к отцу Софронию от 27 сентября (10 октября) 1932 г. (**M^{BS}**).

М^{SB} добавл.: «памяти или глубине сердца. Ибо действительно это место указано Божией благодатью Вам».

М^{SB} добавл.: «по благодати Божией».

М^{SB} добавл.: «и избежите мечтательности и юношеского тщеславия, которые Вам причиняют чувства стыда и печали».

М^{SB} исправл.: «самодовольством».

M^{SB} добавл.: «особенно убоимся принять ее за благодатную».

М^{SB} исправл.: «рай».

М^{SB} добавл.: «Что возможно сделать не прежде, чем Вам человек даст совершенно удовлетворительное разъяснение на многие из труднейших (богословских) вопросов».

M^{SB} добавл.: «Я сам, однако, так не делал по отношению к кому бы то ни было, то есть не требовал отчета. Хотя не люблю мечтательности, а хочу и всегда хотел подлинной реальности, а не фантазерства».

М^{SB} исправл.: «чтобы Вас отвести от пути прелести на путь подлинного бытия».

М^{SB} добавл.: «совсем, потому что нога Ваша еще не вступала туда».

М^{SB} добавл.: «Простите меня, дорогой отец Давид, но еще настойчиво хочу Вам посоветовать иметь пред глазами пример достойный подражания в лице Авраама. Он беспрекословно повиновался велению Божию и поселился там, где ему указал Господь. В своей вере он не колебался, несмотря на то, что все современное ему человечество отступило от истинного богопочитания. Он, наверное, так помышлял: “Господня земля, и исполнение ея, и... живущии” ([Пс.23:1](#)) ; “не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем” ([Евр.13:14](#)). Так и Вы помышляйте и предавайтесь воле Божией, служа Богу на всяком месте, где то захочет Господь — ибо “Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней“».

M^{SB} добавл.: «и хотя бы весь мир отступил, она, подобно Аврааму, будет верною».

М^{SB} добавл.: «Тот путь, которым Вы шли раньше, — неплодотворен. Нам совсем нет нужды забивать ум сведениями, не являющимися существенно необходимыми для спасения нашего или даже для выполнения лежащих на нас обязанностей. То есть монах, например, может совершенно отстраниться от мира и ничего о нем не знать, никогда не читать газет. Епископ же должен уже входить во все это в значительной мере, чтобы знать нужды, интересы и вообще жизнь своей паствы».

М^{SB} исправл.: «предшествовавших тем блаженным дням, когда Господь, сжалившись надо мною, избавил меня от бесплодных исканий, посетив мою душу...»

Прп. Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, — еще же — о помыслах, страстях и добродетелях, — и еще — о безмолвии и молитве. Гл. 3. — Добротолубие. В 5 т. Т. 5. М., 1900. С. 180.

М^{SB} добавл.: «На это существует иной порядок, Богом указанный».

М^{SB} добавл.: «будучи духом».

См. выше. Сноска № 145.

М^{SB} добавл.: «Подвиг веры во время оставления нас благодатию неизбежен. Наша вера будет долго и долго подвергаться испытанию».

М^{SB} содержит следующий отрывок без даты и нумерации, который мы сочли возможным поместить как добавление к данному письму: «Из Вашего письма можно думать, что католики называют умной молитвою мысленные обращения к Богу без выражения их профорікѡς — словом, также размышления о Боге и Божественном. Мы же под умною молитвою разумеем стояние ума в сердце пред Богом, могущее сопровождаться чувством благодарности, славословия или страха — прошения, покаяния. Но всякие размышления, умствования ума оставляются, а ум стоит вниманием в сердце и следит за его состоянием, за тем, что в нем делается; видит при этом подступающего врага и острым мечом, или как пламенем, отражает их именем Господа Иисуса».

№ А-7 согласно нумерации **G¹** .

М^{SB} добавл.: «и помогите мне своими молитвами».

M^{SB} добавл.: «необлагодатствованные».

М^{SB} добавл.: «Благодать Божия».

М^{SB} добавл.: «или душе».

M^{SB} добавл.: «бороться с душевной неустойчивостью, отказаться от требовательности и восторженности, не торопить, не пытаться».

М^{SB} добавл.: «Ваша удобопреклонность к соблазну, крайняя душевная неустойчивость, маловерие, а вместе горделивая требовательность невозможным сделают всякое руководство».

M^{SB} добавл.: «Это скоро пройдет; вот, сказал мне, и теперь они не будут так наглы».

М^{SB} добавл.: «на основании Св. Писания».

М^{SB} добавл.: «Пророк Иона; Деяния апостолов, ([Деян.27:23—24](#)) — и после сего слова ап. Павла: “аще не сии пребудут в корабли, вы спастися не можете” ([Деян.27:31](#))».

М^{SB} исправл.: «исправимся».

М^{SB} добавл.: «Что же касается до опыта духовного, то здесь вовремя что-либо приведенное на память из Писания бывает нам на пользу».

Свт. Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Моя жизнь во Христе. Т. 1. СПб., 1910. С. 7.

М^{SB} добавл.: «Никто на земле не знает обо мне больше Вас, но Вы за любовь мою не воздайте мне неблагодарностию, то есть не только при жизни, но и по смерти моей о наших духовных отношениях никому не говорите. (Исключаются, конечно, отношения чисто внешнего знакомства, то есть об этом, когда будет нужда, нечего скрывать.)»

Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 11. — Слова. В 2 т. Т. 1 *Пер. свт. Феофана Вышинского. М., 1892. С. 92.*

М^{SB} добавл.: «Если бы у Вас было развито духовное чувство к тому, где Истина и где притворство, или обман, то Вы, быть может, познали бы сердцем своим, что я Вам не лгу. Подобно тому как нам иногда Господь дает благодать с несомненностью ощущать, что Он есть Истина, при чтении Евангелия, особенно от Иоанна. Как велика радость и блаженство при этом чувстве. Но скажу Вам, что только пришедшие от великой скорби познают эту радость. А так, ни с того ни с сего, вчера отстав от греха и не раскаявшись в нем должным образом, даже не ощутив его (т. е. греха своего), желающий попасть на брак Агнца все же желает. Не допустят его ангелы».

См.: Прп. Серафим Саровский. Духовные наставления. Гл. 7. О хранении познанных истин.
— Преподобный Серафим Саровский, чудотворец *Сост. Ивановский К., прот. СПб., 1912.*
Приложение. С. 14.

Сщмч. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 2. PG3,145–146: «Ты же, дитя, в соответствии с тем, что установлено святым преданием нашей иерархии, и сам подобающим священному образом слушай священно говоримое, становясь Боговдохновенным от Боговдохновенного в процессе научения, и в сокренности ума береги святое от несвятого, храни как единовидное от множества. Ибо не подобает, говорят Речения, бросать перед свиньями умственный жемчуг (ср. [Мф.7:6](#)) с его беспримесным, световидным и творящим красоту благоустроением». — См.: Восточные отцы и учителя Церкви V века: Антология *Сост. Иларион (Алфеев), иером. М., 2000. С. 327.*

См.: Свт. Феофан Вышинский (Затворник). Три слова о несении креста. М., 1906. С. 7 ид., 15 и д.

Ср.: Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб., 1891. С. 308, 318.

Ср.: Прп. Антоний Великий. Изречения. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 1. М., 1895. С. 136.

Ср.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 93.

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 73–81.

См.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 178–179.

М^{SB} добавл.: «Пимен Великий отвечал ученикам своим на вопрос: “... неужели и ты боишься смерти?” А он: “Поверьте, чада, где сатана, там и я буду мучиться”» (см.: Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. С. 302).

М^{SB} добавл.: «Та благодать, которая посетила Вас после нашей первой беседы в библиотеке, была не малою. Думаю, что она была вышею, чем та, которую Вы познали в детстве, цель которой была оторвать Вас от мира и сохранить от растрения. Но по причине краткости времени действия ее теперь, под влиянием многих скорбей, она как бы исчезла из Вашей памяти. Подобно как и та благодать, которая посещала Вас в последние три-четыре дня пред отъездом. За время... Вашего пребывания в Литве Вы тоже несколько раз подымались духовно в моменты прилива веры и доверия, но все это, благодаря склонности Вашей соблазняться и сомневаться, не достигало полной силы. А если бы решительно доверились Вы тому, куда Вас привела Божественная благодать, то, во-первых, благодарили бы без конца Бога, а во-вторых — получили бы несравненно большую благодать».

M^{SB} добавл.: «Этому признак — раздражительность в те дни, когда должна была душа радоваться и любить всех и благодарить»

№ А-8 согласно нумерации **G¹** .

Письмо не сохранилось.

См.: Прп. Нил Синайский. 153 главы о молитве. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 2. М., 1895. С. 213.

См. там же. С. 224.

См.: Буславский П. В. Духовные опыты монашествующих на основании писаний преподобного отца нашего Григория Синаита. Иерусалим, 1901. С. 17–18.

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 28, 19. С. 249.

М^{SB} добавл.: «[Он] пишет и о благодати, и о грехе, и о плаче, и о созерцании, и о молитве, и о видениях и проч. Католики его не только не считают святым, но даже и причисляют к первоначальникам ереси “исихастов”, но Вы отложите всякое помышление о том, что говорят о нем неправославные, а со многой молитвой ко Господу и Божией Матери и святому прп. Симеону приступите к чтению его писаний».

М^{SB} добавл.: «От меня Вам, дорогой отченька Давид, совет, непременно напишите маме своей, что если у нее действительно есть желание умереть скорей, дабы не длились очень долго ее здесь страдания, то чтобы оставила она эти недобрые мысли. Страдания ее не неизлечимы. И благо для нее будет излечиться от них прежде смерти. Что же касается до ее скорбей по поводу Вашего “отпадения”, то и в этом успокойте ее. Мне кажется, что тут сказывается несколько влияние воспитания Запада вообще и католичества в частности — которое прививало презрительное отношение к Православию. Трудность дела этого увеличивается тем, что Вам самому покамест еще многое неясно, и тем еще, что Вам хорошо было бы быть более покойным душою и не иметь ни забот, ни помышлений».

№ A-9^A согласно нумерации **G¹** .

Письмо не сохранилось.

М^{SB} добавл.: «Я понимаю причину Вашего смущения и радуюсь этому. Но не бойтесь, дорогой, ничем Вы Господа не оскорбили».

М^{SB} добавл.: «Когда я молюсь за Вашу маму (больше, чем за сестру Вашу), то скорбит душа моя в этой молитве, и я не вижу исхода в этом деле. Мне все кажется, что у нее есть любовь к Богу, но эта любовь слабее влияния на нее века сего. Так что соображения чисто светского порядка будут стоять большим, труднопреодолимым препятствием к тому, чтобы и она перешла в Православие. Жизнь в Париже для Вас представляет то удобство, что Вы можете там среди православных русских найти людей — знающих, общение с которыми для Вас будет небесполезным. А в Ницце, я думаю, Вы будете находиться в менее благоприятных условиях духовно. Не будем сами предрешать сейчас ничего. По крайней мере мне как-то не приходит никакого решения».

В то время у новопостриженного Д. Бальфура возникло желание подвизаться на Валааме.

М^{SB} добавл.: «Это успокоение есть извещение от Бога о том, что Ему угоден Ваш путь. Будьте покойны, предайтесь Богу. Господь печется о Вас как никогда прежде. Теперь и “власы Ваши нечитаны” (ср. [Мф.10:30](#)). Скоро, скоро Господь устроит Вас. Храните мир душевный. Все это на пользу обратится. Отец Силуан и Вы для меня теперь родные — паче всех родных. Любить Бога по заповеди Христовой мы обязаны больше, чем кого бы то ни было из людей... Вы не монахи еще — потому что не совершен над Вами постриг, но в душе Вы теперь вполне монахи. Не торопитесь очень, т. е. не старайтесь сделать это дело срочным; сделайте это, но по благословию владыки Елевферия. Просите его сказать Вам, и как он скажет, так и добре, только молитесь Богу, чтобы Он чрез владыку открыл Вам Свою волю».

М^{SB} добавл.: «Я считаю неудобным обращаться непосредственно к Вашей маме, да и чрез Ваше посредство тоже затруднительно это сделать, так как хочу остаться в тени, и это не из боязни, конечно, ответственности... *Обращение к маме отца Давида.* Не только не беспокойтесь и не скорбите о сыне своем, но радуйтесь за него, ибо Господь избрал его на службу Себе, не только не старайтесь отвратить его от пути, на который он вступил, но от всего сердца благословите его на трудный, скорбный и многоболезненный подвиг христианской жизни воистину совершенной. Эти слова сказаны не по научению человеческому, но по научению от Духа Святого. Ведь мы тысячью смертей умирали и умираем. Не на разгул сектантский ушел Ваш сын, но Богом призван на путь крестный. Объяснить словом это невозможно. Но молитесь Господу и Божией Матери, и Господь — Сый истина — известит Вас. Мир сердца — извещение от Бога. Мы знаем, молясь о Вас, что Вы веруете и любите Бога. Знаем также, много чисто внешних препятствий существует для Вас, чтобы понять, согласиться с нами: но как сын Ваш по заповеди Божией любовь к Вам приносит в жертву Богу, так и Вы».

№ А-9 согласно нумерации **G¹** .

Приписка рукой прп. Силуана Афонского.

№ А-10 согласно нумерации **G¹** .

М^{SB} добавл.: «Свободная беседа о высоких деланиях или состояниях не только не полезна, но и вредна очень».

М^{SB} добавл.: «Это делание великое и Вам, как священнику, как пастырю, крайне нужное. Других никого не посвящайте в это (покамест до далекого или не очень далекого будущего, когда, быть может, Вам понадобится научать этому деланию верных). Обычно же нужно говорить всем, что нужно просить у Бога помощи на всякое дело и даже слово. Но то, о чем я Вам сказал, сами Вы со страхом и смирением делайте — я знаю, что не сразу Вы поймете, в чем тут дело, в чем величие, в чем нетайная тайна. Истинная, ибо в нашей по Богу жизни нет тайн, как, например, у масонов, и Сам Господь ничего не говорил тайно, но тайна, ибо мало есть людей, которые за смирение свое по дару благодати уразумевают, в чем тут дело. Однако во всем надо держаться меры; и Вы сами старайтесь больше пребывать в обычной обязательной для всех молитве о помощи и вразумлении, не напрягаясь очень достигнуть то, о чем я Вам сказал выше, то есть вниманием ума дойти до сердца и наблюдать за изменениями в ходе наших мыслей и чувств в связи с молитвою. И это во время молитвы специально для беседы и писания, а не во время молитвы вообще. Во всяком случае, когда к Вам кто-либо обратится, особенно за советом или разъяснением, то Вы непременно старайтесь прежде, чем начнете говорить, мысленно обратиться к Богу — быть может, это излишний совет. Быть может, Вы уже делаете так. Но все равно мое напоминание не принесет Вам вреда».

М^{SB} добавл.: «Никогда в жизни своей я не ощущал так сильно стыда за даже малые дурные помыслы, за каждое свое движение, как это чувствовал обычно в его присутствии. И это с первых дней моего монашества, когда я его знал лишь в лицо».

М^{SB} исправл.: «Много раз меня Господь привел видеть его в таком облагодатствованном состоянии, что иногда не хватало у меня силы смотреть на его лицо... Не могу описать, какой это свет или какая это красота».

М^{SB} добавл.: «Не умеет он объяснить последовательно, что и как, и поэтому его в большинстве случаев не понимают люди, но как-то мне дал Господь понимать его и получить от него большую пользу. Ничего не скрою от Вас, все скажу, но это не сразу, а постепенно».

М^{SB} добавл.: «Давая мне письма, конечно, он не знает, что еще прежние не отправлены, но я все-таки их беру, не стараясь особенно объяснять ему о том, что и прежние его письма еще не отправлены, потому что не было у меня адреса Вашего».

М^{SB} добавл.: «Да, так вот благодаря встрече с Вами у меня отношения с ним стали еще более близкими, причем он начал мне поручать не только Вам отправку писем, но и некоторым другим лицам, обращающимся к нему, и даже приходится мне иногда писать за него, по его поручению. Это еще ничего, но по своему расположению ко мне он советует некоторым обращаться ко мне, это поставляет меня в очень трудное положение... Так он в августе месяце... посоветовал одному русскому молодому человеку — Роману — познакомиться со мною. Этого Романа отец Василий, который и сам очень почитает отца Силуана, привел к нему. Роман с первых же слов привязался душою к старцу, потому что тот с удивительною для Романа точностию указал ему на его болячки душевные и с первых же слов стал с ним беседовать о самых важных для Романа вещах. После старец посоветовал Роману познакомиться со мною. Все мои старания уклониться не привели ни к чему. Роман просил меня через отца Василия согласиться на беседу с ним, я отказался, ссылаясь на устав, воспрещающий нам, монахам, кроме лиц, специально на то поставленных, как, например, отец Василий, вступать в беседы с посетителями монастыря. После он просил меня лично, я под тем же предлогом отказался. Тогда он обратился к игумену, последний ему благословил, и таким образом мне уже невозможно было уклоняться далее, ссылаясь на запрещение устава. Если бы Вы знали, какую заботу возложил на меня Господь».

«Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» ([Мф.6:3](#)).

Ср.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 2, 12. С. 27; Ср.: Свт. Василий Великий. Слово о мученике Гордии. Гл. 8. PG 31, 505С.

Сщмч. Диадок Фотикийский. Указание последних пределов совершенства главнейших добродетелей. Гл. 10. —Добротолюбие. В 5 т. Т. 3. М., 1900. С. 7.

Письма не сохранились.

М^{SB} добавл.: «Относительно Вашего замечания о том, что “при близком знакомстве оказывается, что внешнее благочестие ‘бытового православия’ — ужасная пустота”, — уместным мне кажется сказать здесь по той причине, что как “неверие”, так и чувство “пустоты” происходят от одного и того же, то есть являются следствием умаления в нас благодати. Это может дойти даже и до того, что и в самом богослужении человек не увидит духа, а будет мучительно ощущать “пустоту” и “внешность”. На самом же деле обряды, обычаи и традиции в церковной жизни, воспринятые общим церковным сознанием, являются как бы живыми символами, сосудами, в которых сохраняется дух благочестия отцов наших. Я не хочу преувеличивать их значения, но и не могу смотреть на них, как на нечто пустое. Особенно важно нам чувствовать их смысл в таинствах, где внешние формы, действия являются символами невидимого. Это все известно Вам, но всем этим хочу только сказать, что когда благодать с нами, то все сие бывает полно жизни и глубокого смысла, а когда мы не имеем такого ощущения, то это значит, что мы теряем благодать и нам нужно молитвою и вниманием внутренним снова стяжевать ее. Что же до Вашего желания “жить там, где Православие здорово и живо”, то кто из нас не желает этого, когда в душе нашей появляется живое чувство страха Божия и искреннее желание служить Богу при сознании вдобавок своей немощи и духовной болезненности. Правду скажу Вам, что когда у меня загорелось сердце, то томился я жаждою жить там, где вокруг святые, потому что благочестивое чувство страха Божия делает для человека мучительным быть свидетелем нечестивой жизни (посмотрите, что говорит апостол — [2Пет.2:8](#)). Вполне разделяю Ваше желание, но должен сказать, что полного удовлетворения я не нашел и здесь, на Афоне. А какой из этого выход, этому меня старец отец Силуан научил, а я от Вас не скрою, в надежде, что если не сейчас, то позднее Вы оцените по достоинству совет старца. Он говорит, что пророк Давид в псалме пишет: “С преподобным — преподобен будеши... и со строптивым развратишися” ([Пс.17:26—27](#)). То есть что мы пользу имеем от сожителства с людьми, боящимися Бога, и сами, научаясь от них страху Божию, и наоборот. Но так как истинно богобоящиеся становятся редким явлением, то, чтобы не терпеть убытка душевного, надо молиться за брата согрешающего. Тогда благодать с нами пребудет».

М^{SB} добавл.: «О помыслах очень хорошо и подробно с длинною последовательностию пишет епископ Игнатий Брянчанинов, об этом многое можно найти у аввы Варсануфия — и у других святых отцов».

См.: Приложение I, 1: «О послушании при отсутствии старца».

М^{SB} добавл.: «когда Вы поживете согласно учению Православной Церкви».

См.: Прп. Исихий Иерусалимский. Душеполезное и спасительное слово к Феодулу о трезвении и молитве. Гл. 1. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 2. М., 1895. С. 157.

М^{SB} исправл.: «человеку дана заповедь любви, превышающей справедливость».

Письмо не сохранилось.

Продолжение письма, согласно **M^{SB}**, см. в Приложении I, 2: «О благодати и душевном-духовном».

№ В-11 согласно нумерации **G¹** .

Иоанн Креста (1542–1591) — один из наиболее известных западных мистиков, представитель течения так называемых «кармелитов». Среди западных христиан наибольшей популярностью пользуются его трактаты «Духовная песнь», «Восход на гору Кармил» и «Живое пламя любви».

М^{SB} добавл.: «что Господь привел Вас к *совершенной истине*».

M^{SB} добавл.: «непрелестному».

Прп. Варсануфий и Иоанн. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. Правило веры: М., 1995. С. 494.

М^{SB} добавл.: «о том же, то есть чтобы мне не ошибиться в самом существенном в данном случае для нас (оставив, конечно, в стороне все очевидное и общеизвестное — то есть расхождение в догматическом отношении)».

Продолжение письма, согласно M^{SB} , см. в Приложении I, 3: «О Божественной благодати и свободе человека».

№ В-12 согласно нумерации **G¹** .

Письма не сохранились.

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 28, 1. С. 246. **М^{SB}** добавл.: «Писать о молитве в письмах к Вам излишне, думаю, при наличии великого изобилия творений и святых отцов, и новейших некоторых аскетических писателей, которые приняты, и испытаны, и одобрены поколениями подвижников в этом делании».

См.: Прп. Нил Синайский. 153 главы о молитве. Гл. 145 и 146. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 2. М., 1895. С. 224. **М^{SB}** исправл.: «Я уже писал Вам о том, что молитва духовная есть высочайшее из деланий, и что за нее, по слову прп. Нила Синайского, у человека вся брань с демонами, и что всякий незаконно стремящийся приноровить себя к этой ПРЕЕСТЕСТВЕННОЙ молитве навлечет на себя гнев Божий. А так, ничего не поняв толком, устремиться, как это думали Вы, — это уже просто безумие (простите за дерзость). Прилагаю выписку из прп. Исаака Сирина».

Пушкин А. С. Борис Годунов.

М^{SB} добавл.: «По неисповедимому обо мне Божию промыслу Господь даровал мне познать *начало* истинного пути ко спасению».

М^{SB} добавл.: см.: Приложение I, 4: «О покаянии».

М^{SB} добавл.: «Мое слово о том, что подвижник *сознанием* своим постоянно низводит себя во ад... сколько есть сил на это — душевных сил... — Вы *не* поняли. Скажу Вам, что *да, сознанием*, умом, чувством сердца. Это не пустота *безмыслия*, не бездейственное состояние ума, а именно делание, активное состояние, однако совершенно свободное от всякого воображения чувственного сводится как бы к тому, что человек сознает себя грешным, оскорбившим Бога, достойным ада и недостойным рая. И *нужно* так делать. Вы напрасно вдались в бесполезные размышления. Вы думаете, что если я Вам говорю о жизни невещественной, то я тогда имею в виду эту «пустоту». Нет, дорогой. И у святого Дионисия Ареопагита не «ПУСТОТА», а великая невыразимая словом полнота и свет мысли. Но об этом в другой раз. Не поняли Вы моего слова об аде. Но когда-нибудь, Бог даст, поймете».

M^{SB} добавл.: «Стоять умом в сердце — одно; рисовать образы в уме и мечтательность — другое совсем. Первое добро — другого надо избегать».

М^{SB} добавл.: «Нужно также делать и другое, что я Вам, простите, советовал: то есть привыкать внимание ума своего обращать на сердце. И это сопровождается всегда молитвою — Иисусовою — главным образом. Когда вспомните, делайте это, но без воображения, без давления или особенного напряжения, в мире, просто. После разъясню Вам, почему это нужно».

M^{SB} добавл.: см.: Приложение I, 5: «О том, как должно подвизаться умом».

Франц.: «пустота (душевных) сил».

Ср.: Свт. Василий Великий. Слово о том, что надлежит внимать себе. PG 31, 197D-217B.

См.: Древний Патерик. Гл. 10, 159. Изд. 2-е. М., 1891. С. 159.

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 7, 58. С. 99.

№ В-13 согласно нумерации **G¹** .

То есть местным странствующим монахам.

№ В-14 согласно нумерации **G¹** .

М^{SB} исправл.: «Душа должна научиться преодолевать всякие скорби, и искушения, и приражения, и посторонние влияния всякого рода, чтобы потом она ничего уже не боялась».

М^{SB} добавл.: «то есть всякого рода неправославными учениями как религиозного, так и философско-научного характера».

Ср.: Прп. Макарий Египетский. Слово 7. Гл. 14. — Духовные беседы, послание и слова. С. 451.

Тропарь Рождеству. **М^{SB}** добавл.: «Достигнуть в любовь Божию без скорбей невозможно».

М^{SB} исправл.: «достигнуть обоженного состояния и жизни во свете и любви Божественной».

№ В-15 согласно нумерации **G¹** .

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 3, 16. С. 31.

Приписка рукой прп. Силуана.

№ В-17 согласно нумерации **G¹** .

8 мая 1933 г. в Париже на Трехсвятительском подворье Д. Бальфур принял монашеский постриг в малую схиму от архиепископа Вениамина (Федченкова) и был наречен в иночестве Димитрием.

М^{SB} добавл.: «Молитесь ему много, и тогда душа Ваша полюбит его».

М^{SB} добавл.: «Что скажу по поводу Вашей поездки в Америку? Я не знаю воли Божией о Вас, а говорить по человеческому рассуждению — малополезно. Неожиданно для меня все это и, скажу откровенно, расходится с моими предположениями относительно Вас. Рассматривая, однако, все Ваши действия, поскольку мне дают возможность это сделать Ваши письма, я прихожу к тому заключению, что устройство Вашей души правильное, доброе, т. е. чтобы предаваться на волю Божию и не противиться воле старших, хотя бы то было сопряжено с большими жертвами; но скажу Вам в предупреждение, что путь этот хотя и блаженный, как дающий глубокий мир совести, однако по временам столь труден, тесен и тяжек, что душа иногда доходит до какого-то изнеможения. Путь этот добр тем, что держащийся его научится молиться, получит дар рассуждения духовного и *достигнет “цели” скорее, чем каким бы то ни было другим путем*».

№ В-19 согласно нумерации **G¹** .

Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 1, 9. С. 18.

М^{SB} исправл.: «Я всей душой был против и хотел о том писать, но отец Силуан не позволил мне этого сделать, говоря, что теперь, когда мы стоим пред уже совершившимся фактом, нельзя писать ничего против, дабы не посеять в душе сомнения или нерасположения к владыке Вениамину и к тому делу, на которое Вы ехали».

М^{SB} добавл.: «Простите, и хотя я очень состражду Вам, однако считаю добром познать нищету и материальную, которая весьма смиряет душу».

№ В-1 согласно нумерации **G¹** .

См.: Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне. — Византийские легенды *Сост. Полякова С. В. М., 1994. С. 94.*

См.: Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 32. — Слова. В 2 т. Т. 2. М., 1890. С. 279.

См.: Прп. Исаак Сирин. Подвижническое слово 50. — Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893. С. 227; Ср.: Там же. Сл. 75. С. 374.

Ср.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 2, 12. С. 27; Ср.: Свт. Василий Великий. Слово о мученике Гордии. Гл. 8. PG 31, 505С.

№ С-2 согласно нумерации **G¹** .

№ С-5 согласно нумерации **G¹** .

Имеется в виду игумен Мисаил.

Так, свт. Григорий Палама использует выражение τὰ θεῖα πάσχειν. См. греч. издание: «Триады в защиту священно-безмолвствующих». Кн. 2. Гл. 3, 26 // Συγγράμματα. В 3 т. Т. 1. Салоники, 1962. С. 561.

№ С-6 согласно нумерации **G**¹ .

М^{SB} добавл.: «и даже смерти».

См.: Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. Часть 3. Гл. 3, 8. М., 1995. С. 336. См. также: Прп. Максим Исповедник. Амбигва. PG 91, 1141AB, на которого ссылается свт. Григорий.

М^{SB} добавл.: «И как томится она, покамест не достигнет его».

№ С-11 согласно нумерации **G¹** . Письмо написано в ответ на письмо № 1 Д. Бальфура от 7 апреля 1936 г. из Афин, куда Бальфур переехал после изгнания его с Афона. См. Приложение II, 1: «Старец не оракул».

Греч.: Братство «Жизнь».

Греч. «чрезмерность».

См.: Прп. Исаак Сирин. Слово 2. — Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 22.

Греч.: «сбоку», «косвенно».

Ср.: Древний Патерик. Гл. 10, 64. С. 175.

Ср.: Там же. Гл. 16, 1. С. 309.

Ср.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 103, 105.

№ С-12 согласно нумерации **G¹** . Письмо является ответом на письма Д. Бальфура: № 2 от 11 мая 1936 г. (см.: Приложение II, 2: «Сам по себе») и № 3 от апреля-мая 1936 г. (см.: Приложение II, 3: «Об Иоанне Креста»).

№ С-13 согласно нумерации **G¹** . Письмо является ответом на письмо № 4 Д. Бальфура от 3 сентября 1936 г. См.: Приложение II, 4: «Дерзайте!».

М^{SB} добавл.: «Вам хочется “испытать мучительное ограничение и весь связанный с ним духовный опыт, познание суеты человеческих планов и стремлений, близость смерти, терпение и т. д.” Впрочем, если Вы хотите испытать мое состояние, то я готов сказать οὐκ οἶδατε τί αἰτεῖσθε ([Мк.10:38](#)). “Смертная память есть дар Божий” — “дар Божий” я понимаю еще и в том смысле, что человек сам собою, добровольно на это страдание пойти не может».

См.: Прп. Феодор Студит. Подвижнические наставления монахам. Гл. 302. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 4. М., 1901. С. 568.

М^{SB} добавл.: «но вижу, что люблю монашество. Божественный Исаак Сирий неспроста сказал, что один час плача в пустыне дороже пред Богом, чем пользование многих — всего мира (Ср.: Прп. Исаак Сирий. Подвижнические слова. Сл. 41. Сергиев Посад, 1893. С. 180). Не согласился со мною отец Иоанн и в том, что для сохранения и передачи чрез научение следующим поколениям культуры истинного монашества необходимы монастыри, существование которых, быть может, нуждается в материальной поддержке извне, от государства, или от Церкви, или от верующих, или в виде земельного владения, достаточного для материального обеспечения монастыря. Конечно, не только нет необходимости, но и вредно богатство и излишество, что мы встречаем в прошлом. Отец Иоанн полагает, что монахи сами должны благотворить. Подробно писать об этой беседе нет нужды. Впрочем, не все так смотрят, как отец Иоанн Шаховской».

М^{SB} добавл.: «У нас на Афоне в настоящее время, как Вы знаете, нет возможности обеспечить ему хоть сколько-нибудь сносные условия. Я имею в виду крайне тяжелую в моральном отношении атмосферу нашего монастыря в связи со “стилем” и юрисдикциями, а вместе и неспособность наших отцов понять таких людей, как Владимир. Они наложат на него непосильное бремя физической работы в несносной для культурного человека обстановке (низкой до варварства)».

№ D-1 согласно нумерации **G¹** . Письмо написано из афонского Свято-Павловского монастыря, где отец Софроний был поставлен духовником. Письмо является ответом на письмо № 5 Д. Бальфура от 8 апреля 1945 г. См.: Приложение II, 5: «Годы безбожия».

Ср.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 30.

№ 3^A согласно нумерации **G¹** . Письмо написано из пещерки-калибы во имя Св. Троицы, которая находится близ Св.-Павловского монастыря. Это письмо, как и следующее, является ответом на письмо № 6 Д. Бальфура от 21 июля 1945 г. См.: Приложение II, 6: «Пробуждение».

Фридрих Эрнст Даниэль Шлейермахер (1768–1834) — немецкий протестантский богослов и философ.

Барух (Бенедикт) Спиноза (1632–1677) — нидерландский философ-материалист.

№ D-4 согласно нумерации **G¹** . Это письмо, как и предыдущее, является ответом на письмо № 6 Д. Бальфура от 21 июля 1945 г. См.: Приложение II, 6: «Пробуждение».

Огюст Конт (1798–1857) — французский философ, основатель «позитивизма».

№ D-5 согласно нумерации **G¹** .

Греч. «подобно страждущий».

Письмо из коллекции **G²** .

Письмо-черновик не датирован, первые страницы утеряны. По этой причине отец Софроний не послал письма. О его намерении написать более подробно о послушании он упоминает в письме № 11 к Д. Бальфуру от 3 (16) декабря 1932 г. (**G**¹ : А-10).

См.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Гл. 8, 3. С. 102.

Продолжение письма № 11 отца Софрония к Д. Бальфуру от 3 декабря 1932 г. ((**G**¹ : A-10), согласно **M**^{SB} .

См.: Прп. Макарий Египетский. Беседа 33. — Духовные беседы, послание и слова. С. 247.

См.: Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 14. — Слова. В 2 т. Т. 1. С. 141.

Продолжение письма № 12 отца Софония к Д. Бальфуру от 12 (25) декабря 1932 г. (**G**¹ : В-11) согласно рукописи **M**^{SB} , не вошедшее в окончательную версию.

См.: Сщмч. Диадок Фотикийский. Подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного. Гл. 68. — Добротолюбие. В 5 т. Т. 3. М., 1900. С. 68. Текст дается в переводе самого отца Софрония.

M^{SB} добавл. и зачеркнутое: «как и временная».

Дунс Скот Иоанн (1265–1308) — францисканский монах, представитель схоластики.

Письмо не сохранилось.

Отрывок 1 из письма № 13 отца Софрония к Д. Бальфуру от 14 (27) декабря 1932 г. (**G**¹ : В-12) согласно рукописи **M**^{SB}, не вошедший в окончательную версию.

Прп. Симеон Метафраст. Молитва, по стихом, третья по Святом Причащении // Канонник. М., 1986. С. 511.

Свт. Василий Великий. Молитва первая ко Причащению // Там же. С. 491.

Свт. Иоанн Златоуст. Молитва вторая ко Причащению // Там же. С. 493.

Прп. Симеон Метафраст. Молитва четвертая ко Причащению // Там же. С. 498.

Прп. Симеон Новый Богослов. Молитва седьмая ко Причащению // Там же. С. 501–503.

Свт. Иоанн Златоуст. Молитва девятая ко Причащению // Там же. С. 505.

Франц. «пустота (душевных) сил, мрачная (мистическая) ночь».

См.: Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 68. — Слова. В 2 т. Т. 2. С. 182–183.

Прп. Исаак Сирин. Слово 5. — Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 33.

Отрывок 2 из письма № 13 отца Софрония к Д. Бальфуру от 14 (27) декабря 1932 г. (**G**¹ : В-12) согласно рукописи **M**^{SB}, не вошедший в окончательную версию.

См.: Древний Патерик. Гл. 10, 159. С. 159.

Из коллекции **G²** .

А. — некий общий знакомый отца Софрония и Д. Бальфура, незадолго до этого переживший кончину своей жены М.

Из коллекции **G²** .

Приписка на полях: «в Москве, главным образом, а также и в Петербурге».

См.: Булгаков, прот. Агнец Божий. Париж, 1933. С. 191–205.

См.: Булгаков С., прот. Агнец Божий. Париж, 1933. С. 193.

См.: Архим. Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 65–66, отчасти 47.

Пендели — монастырь недалеко от Афин.

Петраки — монастырь, центральная резиденция греческой иерархии в Афинах.

Письмо является ответом на письмо № 23 отца Софрония к Д. Бальфуру от 7 (20) апреля 1936 г. (**G**¹ : № С-11).

С греч. букв.: «свой ритм жизни», т. е. «свой устав».

Греч.: «седмичный».

Письмо написано в ответ на письмо № 23 отца Софрония к Д. Бальфуру от 7 (20) апреля 1936 г. (**G**¹ : № С-11).

Иоанн Креста. Мистическая ночь души. Книга 2. Гл. 5, 1–7.

Иоанн Креста. Мистическая ночь души. Книга 2. Гл. 6, 1–5.

Иоанн Креста. Мистическая ночь души. Гл. 8, 2–5. Ср.: Сщмч. Дионисий Ареопагит. Таинственное богословие. Гл. 2. PG 3, 1025–1032.

Письмо является ответом на письмо № 24 отца Софрония к Д. Бальфуру от 17–18 (30–31) мая 1936 г. (**G**¹ : С-12).

С греч.: «Бог кого любит, тех наказывает» (ср. [Притч.3:12](#); [Евр.12:6](#)). Отец Герасим (Менагас) после операции, при которой удачно удалили камень из одной почки, приехал ко мне сюда, но пришлось опять отправиться в больницу: какое-то воспаление крови на одном бедре, вследствие неправильного лечения, оказалось неисцелимым без отсечения большого куска умерщвленного мяса. Теперь и это кончилось благополучно. Он вернется сюда на некоторое время. Он тоже читает St Jean и находит в нем много пользы. Душа его находится уже давно в «ночи», и он мучился этим, считал себя наказанным Богом за неверность. Я еще не имел возможности познакомиться очень близко с ним по духовной части, но знаю его и его историю достаточно, чтобы свидетельствовать, что он избранник Божий, подвижник внутренней молитвенной жизни, много переживший, пострадавший, познавший. Есть у него, однако, какая-то нерешимость, или неопределенность, или мягкость (то, чем я страдаю, но в несравненно меньшей степени, чем у меня). Я очень надеюсь, что ему удастся устроиться опять на Афоне в подходящих условиях, несмотря на ярость зилотов; и что он познакомится поближе с Вами, ибо Вы можете много помогать ему и близкое знакомство с ним для Вас будет бесполезно. Я прошу Вас, если Вы находите возможным, говорить с ним охотно о духовной жизни, поделиться с ним немного своим опытом, не стесняться давать ему наставления и объяснения, брать иногда инициативу сообщить ему то, что будет ему во спасение. Он намеревается пробыть несколько дней в Русике при возвращении на Святую Гору. Господь, мне кажется, много его любит и посылает ему болезнь за болезнью в знак сего. У него всякого рода недуги. Между прочим, недавно он так простудился, что стал глухим, — что пройдет, если вообще оно исцелимо, лишь через несколько месяцев. Он просил кланяться Вам.

Дерзайте, дорогой отец Софроний, дерзайте. Господь дал Вам сильную душу и позвал Вас к высокому подвигу, и неудивительно, что из Вашей сильной души Он извлекает все, что она может дать. Другие, подобно мне, идут вспять, как только чувствуют трудность пути. У нас уже вошло в привычку не давать даже тех слабых плодов, которых можно от нас ожидать даже по-человечески. Но Вы всегда отдавались *всей* душой занимавшему Вас делу, будь то искусство, чтение, молитва и так далее, — и не должны терять этой благородной привычки, этой черты Вашего характера. Господь всегда будет ожидать от Вас, чтобы Вы служили Ему до изнеможения. И Вы способны делать это, с Его благодатной помощью. Πιστὸς ὁ καλῶν ὑμᾶς, ὃς καὶ ποιήσει¹

С греч.: «дары и призвание Божие непреложны» ([Рим.11:29](#)).

С греч.: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по *Его* изволению, все содействует ко благу» ([Рим.8:28](#)).

С греч.: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» ([Рим.8:31](#)).

С греч.: «с терпением будем проходить подлежащее нам поприще» ([Евр.12:1](#)).

См.: Прп. Никодим Святогорец. Руководство-советы к хранению пяти чувств воображения, ума и сердца. Афины, 1885. (Греч. изд.)

Греч.: «Охранении ума и сердца».

См.: Прп. Исаак Сирин. Слово 86. — Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 405.

См.: Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Слово о смерти. — Сочинения. Т. 3. СПб., 1905. С. 136–158.

Там же. С. 154.

Письмо № 28 отца Софония к Д. Бальфуру от 22 августа (4 сентября) 1945 г. (G¹ : D-4).

Греч. «новоначальный».